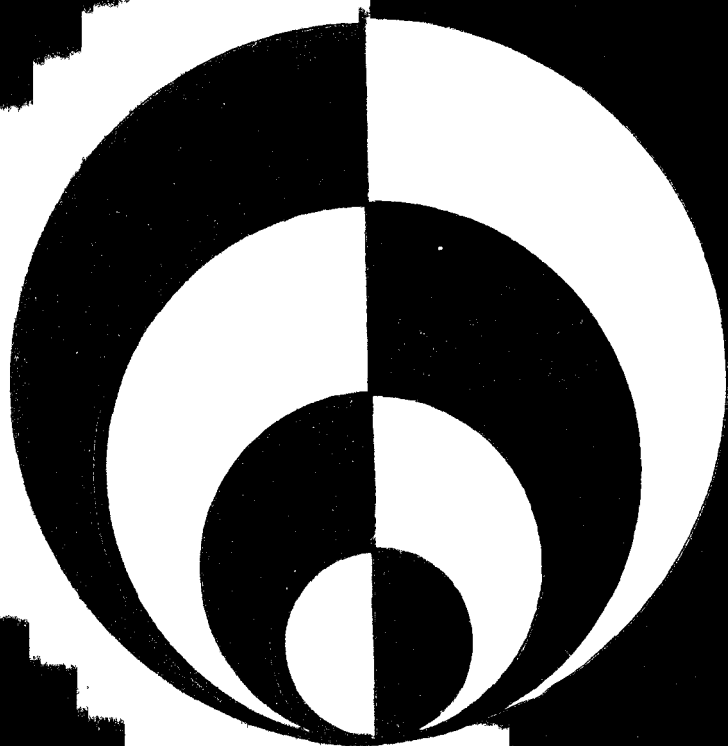

В. А. БОРИСОВ

ПЕРСПЕКТИВЫ РОЖДАЕМОСТИ

В. А. БОРИСОВ

ПЕРСПЕКТИВЫ РОЖДАЕМОСТИ

Москва
«Статистика» 1976

312
Б82

3.
В 17701.

00583
77
11

Академия наук СССР
Институт демографической информации
и Фурментальная библиотека
по общественным наукам

027
77

Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М., «Статистика», 1976.
Б82 248 с.

В монографии дается в динамике уровень рождаемости в СССР, обобщаются результаты наиболее значительных исследований по изучению рождаемости, проведенных как у нас в стране, так и за рубежом, делается их критический анализ, рассматриваются вопросы методологии изучения рождаемости.

В книге показано, в результате каких факторов происходит снижение рождаемости в СССР и какие мероприятия следует провести, чтобы в далекой перспективе не произошло депопуляции.

Монография в основном предназначена для специалистов, занимающихся проблемами рождаемости, но будет интересна и читателям, интересующимся данной проблемой.

10805-147
Б $\frac{10805-147}{008(01)-76}$ 28-76

312

© Издательство «Статистика», 1976

ВВЕДЕНИЕ

Продолжает ли снижаться уровень рождаемости в нашей стране? Если да, то до каких пределов может происходить этот процесс? Каковы социальные последствия низкой рождаемости? Нужно ли стимулировать рождаемость или в этом нет никакой необходимости? Если рождаемость все же нуждается в стимулировании, то какими конкретными мерами можно достичь желаемого результата? Вот, пожалуй, главные вопросы, ответ на которые пытается дать та часть демографии, которая изучает рождаемость.

До сих пор среди демографов, и тем более среди экономистов, занимающихся проблемами народонаселения, нет единства в оценке перспектив рождаемости в нашей стране. Многие специалисты (пожалуй, даже большинство) считают естественным низкий уровень рождаемости и поэтому не считают возможным принимать какие-либо меры к ее повышению. Другая часть демографов (к которой принадлежит и автор этой книги) высказывает беспокойство в связи со снижением рождаемости в нашей стране.

Нам же кажется, что во всякой науке беспокойство всегда более полезно и в конечном счете более продуктивно, чем радужная уверенность в том, что «все и без нас обойдется».

Это тем более относится к изучению демографических процессов, обладающих большой инерцией во времени. В демографии счет времени идет не на года, а на поколе-

ния. То, что сегодня может показаться «еще неактуальным», завтра (т. е. через 10, 20 или 50 лет) может оказаться неотвратимым. Поэтому для научного планомерного управления демографическими процессами необходимо заблаговременное исследование явлений и процессов, причем из анализа нельзя исключать никакие сколько-нибудь вероятные варианты тенденций.

По мере того как уровень рождаемости в нашей стране снижается, интерес к ее изучению непрерывно растет. В последние полтора десятка лет проведено значительное число специальных обследований в разных районах страны, давших ценную информацию о некоторых взаимосвязях рождаемости с условиями жизни населения. Накоплен большой фактический материал, который нуждается в обобщении и осмысливании. Особенно следует отметить начало качественно нового этапа в изучении факторов рождаемости через изучение репродуктивной мотивации.

Автор попытался рассмотреть современные тенденции динамики уровня рождаемости, суммировать разрозненные результаты проведенных обследований и высказать свое мнение по некоторым спорным вопросам методологии изучения рождаемости.

Кроме того, нам хотелось бы способствовать преодолению «оптимистического» отношения к рождаемости в будущем, основанного на том предрассудке, что дети всегда были, есть и будут, а как же иначе? Сторонникам такого «оптимистического» взгляда можно адресовать слова известного советского гигиениста, страстного пропагандиста социальной профилактики С. А. Томилина, сказанные им полвека тому назад: «Трудно поверить, что в научно образованных кругах могут еще находиться люди, которые допускают в условиях «искусственной» жизни, называемой культурой, какой-то таинственный биологический *perpetuum mobile*, какой-то извечный процесс обновления жизни. Вымирают без следа отдельные семьи, целые народности. История хранит нам уже не один пример исчезновения великих цивилизаций, любоваться следами которых мы можем только в музеях. Культура — это вовсе не забавная детская игра, и возведение каждого нового этажа в ее постройке требует все больше осмотрительности,

все больше профилактических мероприятий, чтобы удерживать в равновесии человека»¹.

Вместе с тем мы не выступаем, конечно, за возврат к высокой рождаемости. Высокая рождаемость, несомненно, уходит в прошлое. Рано или поздно проблема нулевого прироста населения Земли тоже станет актуальной (поскольку территория Земли не бесконечна), и подумать о ее решении следует уже сейчас. Однако мы против одностороннего подхода к этой проблеме.

Многие западные ученые полагают, что для достижения нулевого прироста населения достаточно лишь ограничить рождаемость некоторым *верхним* пределом, достаточным только для простого возобновления поколений. Такая точка зрения исходит (осознанно или неосознанно) из мальтусовского представления о спонтанном «стремлении к размножению», якобы присущем человечеству. Например, в одном из американских демографических прогнозов рассматривается как желанная цель уменьшение естественного прироста населения США до нуля и стабилизация численности населения. В разных вариантах прогноза меняются только сроки достижения этой цели¹. Но ни в одном из вариантов не предполагается сокращение нетто-коэффициента воспроизводства населения до величины ниже 1. Между тем действительность превзошла ожидания. В начале 1970-х гг. уровень рождаемости в США так резко пошел вниз, что уже в 1973 г. опустился ниже уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения в будущем.

Можно представить себе такую ситуацию, при которой нулевой прирост мирового населения достигается при значительном росте численности одних народов и убыли — других. Такая ситуация, очевидно, не могла бы быть признана удовлетворительным решением проблемы. По-видимому, будущему нулевому приросту мирового населения должно предшествовать стирание тех больших различий в типах воспроизводства насе-

¹ Томилин С. А. Демография и социальная гигиена. М., 1973, с. 142

² Frejka T. Demographic Paths to a Stationary Population the U. S in International Comparison. «Demographic and Social Aspects of Population Growth», v. 1, Washington, 1972, p. 636—640

ния, которые наблюдаются сегодня в разных частях света, что не произойдет само собой и на что потребуется значительное время.

Снижение уровня рождаемости там, где она сегодня слишком высока, с помощью мероприятий демографической политики — трудная и стоящая усилий задача. Но надо отдавать себе отчет в том, что в этом случае речь идет только о сроках, об ускорении объективно обусловленного процесса снижения рождаемости. Высокая рождаемость исторически обречена. Проблемы же низкой рождаемости представляются нам гораздо более сложными.

ПРЕДИСЛОВИЕ О ЯЗЫКЕ

Прежде чем приступить к обсуждению вопросов, составляющих тему книги, нам представляется необходимым заранее условиться о значении некоторых терминов, используемых в данной книге. Заодно хотелось бы высказать и несколько замечаний о важности единой и точной терминологии в демографических исследованиях.

Процесс познания в демографии, как и в других общественных науках, — это процесс отражения явлений реального мира с помощью абстрактных умственных конструкций, моделей, которыми являются понятия, выражаемые в свою очередь в терминах: словах и словосочетаниях, статистических показателях, математических символах. В. И. Ленин писал в «Философских тетрадах»: «Понять значит выразить в форме понятий»¹. Термин есть внешняя оболочка понятия, и от того, насколько он точен (или как он «вписывается» в существующие взаимосвязи языка), зависит качество обмена информацией и, следовательно, в какой-то степени качество самого познания.

Уже на уровне обыденного языка слова выражают определенные понятия, являются знаками, с помощью которых ведется обмен информацией. Чем проще информация, тем меньше предъявляется требований к знакам. И наоборот, чем сложнее понятия, тем более необходимым становится своевременно условиться о значении терминов, т. е. дать по возможности точное определение понятий. Хочется повторить хорошо известный афоризм Декарта: «Определяйте значения слов и вы избавите свет от половины его заблуждений».

Это относится и к демографическому языку, имеюще-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 231.

му по сравнению с языками многих других наук ряд дополнительных трудностей. Одна из них создается тем объективным обстоятельством, что демография как самостоятельная общественная наука еще только складывается на основе демографической статистики и на стыке ряда наук о человеке. До сих пор кадры демографов формируются в основном из специалистов других наук (статистиков, экономистов, философов, медиков, биологов, этнографов, математиков и т. д.), вносящих в исследование демографических проблем специфику методов и языка «своих» наук. В этом процессе интеграции, имеющем свои положительные стороны, проблемой является упорядочение терминов, так как некоторые одинаковые термины имеют в разных науках различное значение.

Другая проблема демографических терминов заключается в том, что демография изучает явления и процессы, из которых складывается жизнь каждого человека. Поэтому среди части ученых (иногда крупных специалистов в других отраслях знания, но неспециалистов в демографии) бытует представление о простоте демографических явлений и процессов. В демографическом языке многие термины близки по звучанию (но не всегда по значению) к привычным словам обывденного языка, что придает демографическим терминам обманчивую простоту и кажущуюся понятность. Это, например, такие слова, как население, город, семья, брак, живорождение, мертворождение и множество других. Эти понятия кажутся очень простыми, но в то же время это совсем не так. Из-за различий в определениях этих понятий, принятых в разных странах, демографы испытывают подчас большие затруднения в международных сопоставлениях таких, например, показателей, как удельный вес городского населения, удельный вес состоящих в браке, уровень живо- и мертворождаемости, младенческой смертности и др.

Поскольку в настоящее время во всем мире растет внимание к изучению проблем народонаселения, развиваются комплексные демографические исследования, целесообразно усилить внимание и к разработке демографической терминологии, к определениям демографических понятий.

При этом необходимо иметь в виду идеологические аспекты терминологии. Термины могут выполнять актив-

ную пропагандистскую роль, быть аппрејзорами¹. Например, такие слова, как «сознательный», «плановый», «производительный», «интеллигентный», «регулирование», «семья» и другие, имеют положительную оценочную окраску, а слова «стихийное», «нагрузка», «ограничение», «неработающие» (женщины) и другие — отрицательную. Например, такие термины, как «планирование семьи», «сознательное материнство», «плановое родительство», объективно являются аппрејзорами. Иногда их используют (необязательно осознанно) для пропаганды внутрисемейного ограничения рождаемости, связывая эти понятия только с малодетностью. Однако многодетность тоже может быть и «плановой», и «сознательной», и «разумной» (так же как малодетность — «несознательной», «стихийной», «неразумной»). Эту способность терминов выполнять пропагандистскую роль необходимо учитывать и сознательно использовать или добиваться нейтральности при разработке термина.

К сожалению, в нашей демографии еще не всегда предъявляются высокие требования к демографическому языку. Многие термины, выражающие разные понятия, используются по устаревшей традиции как синонимы (например, рождаемость и плодовитость, младенческая и детская смертность), категории иногда смешиваются с показателями, характеризующими эти категории (например, говорят «рождаемость», подразумевая «общий коэффициент рождаемости», «смертность» — вместо «общий коэффициент смертности»). Такие языковые неточности затрудняют правильное восприятие информации, особенно в массовых публикациях.

Взять, к примеру, часто встречающееся отождествление категорий «рождаемость» и «смертность» с наиболее грубыми демографическими показателями — общими коэффициентами рождаемости и смертности.

Действительно, для современных тенденций общих коэффициентов смертности как в нашей стране, так и в других экономически развитых странах характерен их рост вследствие демографического старения населения,

¹ Аппрејзоры — слова и выражения, имеющие оценочную окраску, выражающие отношение к тому, о чем идет речь, «с целью вызвать какой-то преимущественный подход в отношении некоторых объектов, потребностей, ответов или знаков» (Клаус Г. Сила слова. М., 1967, с. 66).

что в свою очередь является следствием снижения уровня рождаемости. Иначе говоря, увеличение удельного веса пожилых в населении влияет на повышение грубого показателя смертности. Но правильно ли говорить, что в результате постарения населения увеличивается смертность? Очевидно, нет. Точно так же постарение населения влияет на снижение коэффициента рождаемости, но не на снижение рождаемости, поскольку пожилые вовсе не участвуют непосредственно в деторождении. И наоборот, увеличение общего коэффициента рождаемости совсем не равнозначно «повышению рождаемости». Число рождений и общий коэффициент рождаемости могут увеличиваться (обычно кратковременно) и при неизменной интенсивности деторождения в семьях. Вряд ли правомерно было бы в таком случае говорить о повышении рождаемости.

В дальнейшем изложении мы будем различать рождаемость как категорию, имеющую биологическую основу и социальный характер¹, и уровень рождаемости как ее количественное выражение, различное в зависимости от выбора статистических показателей. Уровень рождаемости и его динамика зависят как от особенностей демографической структуры населения (по полу, возрасту и семейному состоянию), так и от собственно интенсивности деторождения, т. е. в конечном счете от того, сколько детей имеет в среднем одна супружеская пара за свою жизнь.

В прошлом, когда преобладающими были традиции многодетности, в эпоху высокой общей и детской смертности, различия в уровнях рождаемости определялись в основном различиями в структуре населения по брачному состоянию. В настоящее время влияние брачности на рождаемость существенно изменилось. Теперь большинство семей в нашей стране намеренно ограничивается небольшим числом детей, на рождение которых затрачивается лишь часть периода жизни в браке. Рождаемость становится все более зависимой от субъективных предпочтений относительно числа детей в семье, или, иначе говоря, от субъективных факторов рождаемости, т. е. факторов-реакций на социально-экономические, культурные, психологические и другие факторы-условия.

¹ См.: Урланис Б. Ц. Демография и социология. — В кн.: Социология и идеология. М., 1969, с. 421.

Соответственно возрастает и интерес демографов к изучению субъективных факторов рождаемости. Таким образом, рождаемость в демографии начинает рассматриваться и как социально-психологическая категория.

Для количественного выражения этой категории наиболее адекватным показателем является число рождений (точнее, живорождений) в среднем на одну брачную пару (или на женщину) за всю жизнь. При низкой детской смертности этот показатель наиболее близко характеризует и среднее число детей в семьях (средний размер семьи по числу детей). Поэтому в книге под *рождаемостью* понимается чаще всего именно такое ее количественное выражение (или насколько возможно близкое к нему приближение). Говоря же об *уровне рождаемости*, будем понимать под этим более массовое выражение частоты живорождений во всем населении или в какой-то его части. Конечно, следует оговориться, что различие это в значительной степени условно.

Изучение рождаемости в демографии имеет целью выяснение причинно-следственных связей и зависимостей, определяющих частоту рождений. Но, так же как и в статистике, в демографии чаще говорят не о причинах, а о факторах рождаемости, нередко не проводя различий между этими понятиями. Однако, хотя этимологически причины и факторы обозначают, в принципе, одно и то же, между ними есть и разница.

В философии причина определяется как сущность, порождающая следствие. По-видимому, в демографии нет оснований для какого-нибудь иного определения причин. Обычно всякое, даже относительно простое, явление реального мира обусловлено не одной, а многими причинами, роль которых в совокупном влиянии различна. Одни из причин — главные, другие — второстепенные, дополняющие (или ослабляющие) действие главных причин или служащие условиями для их реализации. Одни причины воздействуют на следствие непосредственно, другие — косвенно. Задача теоретического анализа состоит в раскрытии структуры причинно-следственных зависимостей, их иерархии.

В решении этой задачи значительная вспомогательная роль принадлежит и статистическим методам. С их помощью (в частности, с помощью методов корреляционного анализа) измеряется теснота связи между явле-

ниями. Но при этом зачастую остается неясным, какое же из двух взаимосвязанных явлений — причина, а какое — следствие (они оба могут быть следствием причины, находящейся за пределами наблюдения). Специфика всякого эмпирического исследования (демографического, статистического, социологического и др.) состоит в том, что причинно-следственные зависимости измеряются не непосредственно, а по их внешним индикаторам.

Таковыми внешними индикаторами, признаками причин, и являются *факторы* (факторные признаки). Когда механизм причинно-следственной связи достаточно хорошо известен, в этом случае нет необходимости говорить о факторах, можно говорить непосредственно о причинах. О факторах мы говорим обычно в тех случаях, когда роль той или иной причины определена недостаточно или вообще только предполагается. Таким образом, *фактор есть статистически наблюдаемое отражение причины*. В этом, думается, и состоит все различие между причинами и факторами¹.

В связи с растущим интересом к изучению субъективных факторов рождаемости в последние годы в нашей демографической литературе все чаще начало появляться слово «поведение» в самых различных словосочетаниях: «демографическое поведение», «репродуктивное поведение», «генеративное поведение». Эти термины пока не имеют однозначного употребления. В одних работах

¹ Имеются и другие взгляды на различия между причинами и факторами. Так, Б. Ц. Урланис выделяет в совокупном влиянии на число рождений причины, факторы, субфакторы и условия. Под причиной он предлагает понимать «такие явления, которые непосредственно влияют на число рождений», под фактором — «широкие, основные социальные процессы в их общем виде, под субфактором — конкретные, сравнительно узкие социальные процессы, вытекающие из действия факторов» (Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974, с. 106—107).

Такая классификация, на наш взгляд, представляется уж слишком условной. Различия между причинами и факторами в ней — это фактически различия между непосредственными и косвенными причинами. Но особенное возражение в этой классификации вызывает включение Б. Ц. Урланисом аборт и контрацепции в число причин изменения уровня рождаемости (см. там же, с. 106—107; см. также: Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963, с. 50—51). Такое преувеличение роли абортов и контрацепции в динамике уровня рождаемости опасно, потому что может способствовать принятию неправильных решений в области демографической политики (подробнее этот вопрос обсуждается в гл. 4).

они используются как синонимы, в других им придается разное значение. Наряду с ними в том же значении используются и такие термины, как «генеративная деятельность» и «генеративная функция». Поскольку в этой книге довольно часто говорится о демографическом и репродуктивном поведении, целесообразно заранее рассмотреть здесь значение этих терминов.

В нашей литературе получило некоторое распространение определение демографического поведения как совокупности поступков, направленных на изменение или сохранение демографического состояния человека или группы людей¹. Положительной стороной такого определения является его простота, а также включение в демографическое поведение действий и поступков, связанных со всеми демографическими состояниями и событиями, а не только с рождаемостью (есть и такая точка зрения)².

Но правильно ли считать поведение *совокупностью* действий и поступков? Ведь совокупность есть сумма. В поведении же действия и поступки взаимосвязаны и взаимообусловлены, составляют определенную структуру взаимосвязей. Поэтому правильнее, по нашему мнению, рассматривать поведение как систему, а не как совокупность.

Затем, является ли поведение системой только внешне проявляемых действий и поступков или оно является также и системой внутренних действий, состояний и отношений? Всякое определение очерчивает границы понятия, а отсюда — и предмет исследования. В данном случае практическое значение определения понятия «поведение» состоит в выяснении взаимоотношений поведения, мотивов и установок. Являются ли мотивы и установки частью (внутренним компонентом) поведения или они предшествуют поведению, т. е. являются по отношению к нему

¹ Дарский Л. Е. Социально-психологические аспекты демографического поведения и их изучение. — В кн.: Проблемы демографии. М., 1971, с. 168; Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972, с. 6—7; Горелик В. П. Некоторые соображения об исследовании генеративного поведения семьи — В кн.: Демографические тетради. Вып. 4—5 Киев, 1972, с. 74

² Например, Д. И. Пономарев трактует демографическое поведение как «совокупность действий и поступков, направленных на деторождение» (Пономарев Д. И. Методологические проблемы исследования демографического поведения. Автореф. канд. дис. Свердловск, 1974, с. 8).

чем-то внешним? Решение этого вопроса имеет не только теоретическое, но и практическое значение: оно определяет «ведомственные границы» исследования демографического поведения демографами, т. е. должно ли это исследование стать непременно исследованием мотивов и установок или может оставаться исследованием только внешних действий — фактов, чем, собственно, и ограничивалась до сих пор демография.

Конечно, лучше всего было бы заимствовать готовое определение понятия «поведение» из психологии и социологии, в предмете которых оно занимает настолько значительное место, что сами эти науки иногда называют поведенческими. Однако сделать это оказывается затруднительно, так как единое понимание поведения в этих науках еще не сложилось. И хотя различные аспекты поведения интенсивно исследуются в этих науках на эмпирическом уровне и слово «поведение» используется в литературе очень широко, само это понятие определяется крайне редко, обычно мимоходом и очень разнообразно. Зачастую не проводится различие между поведением и деятельностью или это различие проводится, но недостаточно последовательно соблюдается. Неоднозначно разными исследователями определяются и такие понятия, как «действие» и «поступок»¹. Уже поэтому определение поведения как системы действий и поступков нуждается в дополнительных пояснениях.

Но все же ознакомление с историей исследований поведения в психологии и социологии приводит к впечатлению, что в настоящее время преобладающим становится взгляд на поведение как на целостную реактивность всего организма, в нераздельном единстве его движений

¹ Например, польский социолог Я. Щепаньский выделяет «социальные действия», к которым он относит только преднамеренные осмысленные комплексы поступков, и отличает их от «поведения», которое может быть как осознанным, так и неосознанным (см.: *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. М., 1969, с. 86). Советский психолог С. Л. Рубинштейн также определяет действие как «сознательный акт деятельности, который направляется на объект», но, кроме того, различает между собой действие и поступок, считая поступком только действия, которые осознаются действующим субъектом как общественный акт, выражают его отношение к другим людям (см.: *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. Изд. 2-е. М.—Л., 1946, с. 15, 543). Как видим, здесь поступок понимается различно. Однако общим является то, что и действия и поступки относятся только к определенному типу поведения — к деятельности

и состояний, его физических и психических компонентов.

При целостном понимании поведения как целенаправленной динамической психофизической системы жизнедеятельности мотивы и установки не могут предшествовать поведению, они — внутренние регуляторы поведения.

Установки не предшествуют поведению, так же как, например, мотор не предшествует машине. Начало действия мотора предшествует началу движения колес, но когда мотор загудел — машина в целом уже работает. Можно с некоторой натяжкой указать конкретные группы установок, предшествующие конкретным группам действий, но в целостном поведении нет такой строгой последовательности. Какие-то установки предшествуют действиям, какие-то действия — установкам, какие-то действия и установки развиваются одновременно. Связь между компонентами поведения диалектическая, это взаимосвязь. Поэтому исследование демографического поведения должно непременно быть исследованием мотивов и установок, а не только внешних фактов — результатов поведения.

Поведение как целостная система направлено не только на внешние стимулы, но и на внутренние, не только на изменение организма, но и на поддержание его стабильности. Действием или поступком может быть не только внешне проявляемое движение, но и отказ от движения. Такое внутреннее поведение может происходить очень напряженно, активно, но без видимых внешних проявлений¹. Следовательно, чтобы понять механизм поведения, необходимо «заглянуть» во внутренний мир человека, в его взаимоотношения с другими людьми, в его отношение к самому себе. Конечно, этого нельзя сделать непосредственно, да и не нужно, так как социальная психология накопила уже богатый арсенал способов измерения внутренних компонентов поведения по их взаимосвязям с внешними проявлениями. Главное — это иметь в виду, что демографическое поведение — не про-

¹ «Осуществившееся поведение есть ничтожная доля возможного. Человек всякую минуту полон неосуществившихся возможностей. Эти неосуществившиеся возможности нашего поведения... есть совершеннейшая реальность, такая же, как и восторжествовавшие реакции...» (Выготский Л. С. Сознание как проблема психологии поведения. — В кн.: Психология и марксизм. Л., 1925, с. 185)

сто новое название, ставшее модным, но качественно новый предмет исследования, требующий от демографов использования качественно новых (для них) методов исследования, а потому и соответствующей подготовки (которой пока нет).

На основе всего вышесказанного о поведении представляется возможным определить поведение как *систему действий и отношений*. Тогда демографическое поведение — система действий и отношений, опосредующих все демографические события в жизни человека или группы людей. Поскольку же речь идет о рождаемости, то как часть демографического поведения выделяется *репродуктивное поведение — система действий и отношений, опосредующих рождение или отказ от рождения ребенка любой очередности, в браке или вне брака*. Впервые такое определение было сформулировано нами еще в 1970 г.¹

Термин «репродуктивное поведение» представляется более предпочтительным, чем «внутрисемейное планирование», «планирование семьи» или «сознательное материнство», потому что он эмоционально нейтрален и более емкий, относится ко всем индивидам и брачным парам, а не только к тем, кто «сознательно» ограничивает размер своей семьи.

Термин «репродуктивный» образован от «репродукция» — воспроизводство, но относится в данном случае только к деторождению². В аналогичном значении этот термин уже имеет широкое распространение в англоязычной демографической литературе (*reproductive behaviour*). По мнению чешского демографа З. Павлика, с которым автор согласен, «понятие репродукции не вызывает терминологических проблем, так как оно используется и в других областях знаний (например, в экономике); под термином «репродукция» понимается непрерывное возобновление из внутренних источников»³.

¹ См.: *Борисов Б. И.* (следует читать Борисов В. А.). Демография и социальная психология. Докл., представленный на VII Междунар. социол. конгресс в Варне (Болгария). Изд. ССА. М., 1970, с. 8.

² Частично сюда же относится и усыновление (удочерение) детей.

³ *Павлик З.* О характере демографии. — В кн.: *Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе*. Матер. конф. Киев, 1973, с. 33.

Некоторые советские ученые предпочитают вместо термина «репродуктивный» использовать термин «генеративный» в том же значении (В. А. Сысенко, Р. И. Сифман, И. П. Каткова и др.), другие авторы используют эти два термина в разных значениях. Например, В. П. Горелик, В. П. Пискунов и В. С. Стешенко понимают «генеративное поведение» очень широко, связывая его не только с деторождением, но и с уходом за детьми, их воспитанием и обучением вплоть до достижения ими социальной зрелости. Понятие «репродуктивное поведение» понимается этими авторами еще более широко, в него кроме воспитания и обучения детей включается и приобретение взрослыми новых социальных психофизиологических качеств¹.

Не останавливаясь здесь на весьма спорных теоретических положениях такого расширительного подхода (далеко выходящего за рамки предмета демографии²), заметим только, что многозначность терминов «репродуктивный» и «генеративный» не способствует пониманию написанного разными авторами, иногда в одной и той же книге. Если же использовать термины «репродуктивный» и «генеративный» в одинаковом значении³, то больших трудностей, вероятно, такая синонимия создать не может. Но все же, когда два термина выражают одно понятие, лучше ограничиться одним из них. Термин «репродуктивный», по нашему мнению, предпочтительнее (тем более, что он уже получил более широкое распространение).

¹ См.: Горелик В. П. Некоторые соображения об исследовании генеративного поведения семьи. — В кн.: Демографические тетради. Вып. 4—5, с. 75—77; Пискунов В. П., Стешенко В. С. К теоретическому обоснованию демографической политики развитого социалистического общества — В кн.: Демографические тетради. Вып. 6—7. Киев, 1972, с. 52—53.

² В развитие своей концепции В. П. Пискунов уже считает и педагогику одним из разделов демографии (см.: Пискунов В. П. Эскиз общей схемы демологического представления о самовоспроизведении народонаселения (к уточнению основ теории демовоспроизводства) — В кн.: Демографические тетради. Вып. 9. Киев, 1974, с. 29), но, думается, для этого нет никаких оснований.

³ Между прочим, С. А. Томилин, из работ которого В. П. Пискунов и В. С. Стешенко почерпнули, по-видимому, термин «генеративный», использовал наравне с ним, как его синоним, и термин «репродуктивный», «репродукция», и именно в связи с рождаемостью (см.: Томилин С. А. Демография и социальная гигиена, с. 156, 212, 213 и др.)

Поскольку рождаемость есть диалектическое единство социального и биологического, при изучении репродуктивного поведения очень важно определить, что зависит от человеческой воли, а что — не зависит. Прежде чем принимать решение родить или не родить ребенка, человек должен обладать биологической способностью к деторождению. Именно поэтому в связи с развитием исследований социально-психологических аспектов рождаемости увеличивается необходимость провести более четкое различие между терминами «рождаемость» и «плодовитость». В нашей литературе по демографии эти два термина до сих пор использовались, по старинной традиции, как синонимы. Поскольку это представляется неправомерным и поскольку в этой книге термины «рождаемость» и «плодовитость» используются в разных значениях, необходимо подробнее рассмотреть данный вопрос.

В демографии уровень рождаемости измеряется целым рядом показателей, в которых число детей, родившихся живыми в одном календарном году, соотносится с той или иной совокупностью населения. Фактически только один из показателей, самый грубый, называется общим коэффициентом *рождаемости*, остальные же называются почему-то коэффициентами *плодовитости*, или просто «плодовитостью». Далее говорят о «плодовитости браков», о влиянии социально-экономических и других факторов на «плодовитость» и даже на «производительную функцию женщины», имея в виду по-прежнему только показатель числа детей, рожденных живыми. Биологическая же способность женщины (или мужчины, или брачной пары) иметь детей называется в нашей литературе «биологической плодовитостью» или «потенциальной плодовитостью», что является тавтологией.

Плодовитость может быть только *биологической* и только *потенциальной*. В биологии плодовитость означает способность живых существ рождать в течение своей жизни свойственное каждому виду количество потомства. Существует ли такая способность у человека? Вряд ли кто станет спорить, что не существует. Есть ли необходимость в том, чтобы эту способность к рождению детей называть в демографии не плодовитостью, а как-нибудь иначе, а плодовитостью обозначать показатели

рождаемости? Никакой необходимости и даже никаких удобств в этом нет.

Плодовитость — это биологическая способность женщины, мужчины, брачной пары к зачатию и рождению определенного числа детей независимо от степени фактической реализации этой способности.

Если население не ограничивает искусственно свою рождаемость или такое ограничение незначительно, то и различие между плодовитостью и рождаемостью также невелико. Тогда число рожденных женщиной детей может служить показателем ее плодовитости (вернее, плодовитости брачной пары, поскольку плодовитость женщины зависит и от плодовитости ее супруга). Однако в современных обществах отсутствие детей или их небольшое число в семье ничего не говорит о плодовитости. Плодовитость женщины, которая родила немного детей или ни одного, может быть такой же высокой, как и женщины, родившей много детей. То же относится и к различию между «бездетностью» и «бесплодием», или между «многодетностью» и «высокой плодовитостью», или между «малодетностью» и «низкой плодовитостью». В обществе, в котором рождаемость находится под контролем внутрисемейного ограничения, все эти категории далеко не совпадают. В то же время в литературе такие совпадения фактически происходят из-за неоправданной условности употребления термина «плодовитость».

Кстати сказать, в советской демографической литературе нет единства в наименовании показателей рождаемости. Даже в новом фундаментальном учебнике для вузов «Курс демографии» (М., 1974) в одних главах одни и те же показатели рождаемости именуются «возрастными показателями рождаемости» (с. 54), в других — «повозрастными коэффициентами плодовитости» (с. 90 и далее). Иначе говоря, в этом учебнике «рождаемость» и «плодовитость» рассматриваются как синонимы.

Несколько иную позицию занимает В. С. Стешенко. Так же как в свое время Ю. А. Корчак-Чепурковский, она считает, что «коэффициент рождаемости, или просто рождаемость», — это «показатель частоты рождения в определенных промежутках времени», а «показатель плодовитости или просто плодовитость» — это итог, результат воспроизводительной деятельности женщины к опреде-

ленному моменту времени (интеграл предыдущей функции)»¹. Такое определение показателя плодovitости отвечало бы биологическому значению категории плодovitости, но только при условии, что рождаемость совершенно не ограничивается намеренно (т. е. при отсутствии практики контрацепции и абортов).

Еще в 1935 г. А. А. Шорохова в книге «Методика изучения плодovitости человека» возражала против употребления термина «плодovitость» в качестве характеристики только той части беременностей, которые заканчиваются рождением живого ребенка. Она считала, что плодovitость характеризуется не суммой рождений, а суммой зачатий за весь репродуктивный период жизни женщины². Такое понимание еще ближе отвечало бы биологическому значению плодovitости, но опять-таки в том случае, если население не использовало бы противозачаточных мер.

Чем же все-таки объяснить использование термина «плодovitость» в качестве наименования показателя рождаемости (точнее, живорождаемости)? По-видимому, только традицией и недостаточным вниманием к демографическому изучению плодovitости.

В демографической статистике конца XIX — начала XX в. категория плодovitости отождествлялась с категорией рождаемости вполне естественно, поскольку экономисты и статистики того времени рассматривали рождаемость фактически лишь как биологическую категорию, как автоматическое следствие половых отношений, выражающихся в половозрастной и брачной структуре населения. Так, Ю. Э. Янсон писал в 1873 г., что «смертность есть явление гораздо менее устойчивое, чем рождаемость. Та или другая смертность есть в известной степени результат борьбы человека с внешними разруши-

¹ Стешенко В. С. Опыт применения метода когорт для изучения рождаемости на Украине в послевоенный период. — В кн.: Проблемы демографической статистики. М., 1966, с. 107—108; см. также примечание В. С. Стешенко в кн.: Корчак-Чепурковский Ю. А. Избранные демографические исследования. М., 1970, с. 139. Кроме того, в цитируемых определениях В. С. Стешенко (как и многие другие) фактически отождествляет категории рождаемости и плодovitости с показателями рождаемости и плодovitости, с чем также нельзя согласиться.

² См.: Шорохова А. А. Методика изучения плодovitости человека. Ташкент, 1935, с. 46

тельными силами; рождение — совершенно пассивное явление»¹.

Г. Майр, в своем делении движения населения на «естественное» и «социальное» относил к первому явления «естественно-необходимые» (рождения, смертные случаи, заболевания), а ко второму — явления, обусловленные человеческими решениями (переселения, изменения семейного состояния, профессии)². Такой взгляд на рождаемость как мало зависящую от человеческой воли был преобладающим среди ученых Европы конца XIX — начала XX в.

При таком отношении к рождаемости как к простому следствию плодовитости, показатели, отражавшие уровень рождаемости, естественно, понимались как мера плодовитости. Так, отношение числа родившихся ко всему населению считалось такими видными статистиками, как Ю. Э. Янсон, Г. Майр, А. И. Чупров и другие, показателем общей рождаемости или плодовитости населения, а отношение числа родившихся к числу женщин в возрасте от 15 до 50 лет — показателем специфической рождаемости или плодовитости женщин³. В таком смысле «коэффициент плодовитости» и сохранился до сих пор, но теперь это всего лишь анахронизм.

Следует отметить, что в зарубежной демографической литературе проводится четкое различие в обозначениях рождаемости и плодовитости (хотя и полного единообразия еще нет). Так, демографы, пишущие на английском языке, используют для обозначения рождаемости (интенсивности деторождения, реализованной плодовитости) термин «fertility», а для обозначения плодовитости (способности к деторождению, потенциальной рождаемости) — термин «fecundity»; на французском языке, наоборот, термином «fertilité» обозначается плодовитость, а термином «fécondité» — рождаемость⁴. Чешские демо-

¹ Янсон Ю. Э. Русские данные о смертности — «Знание», 1873, т. XI, № 4, с. 59.

² См.: Майр Г. Статистика и обществоведение. Т. 2. Статистика населения. Спб., 1901, с. 17—18.

³ См., например: Янсон Ю. Э. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. Т. 1. Спб. 1878; Янсон Ю. Э. Сравнительная статистика населения. Спб., 1892; Майр Г. Статистика и обществоведение. Т. 2. Статистика населения; Чупров А. И. Ученые труды. Ч. 2, вып. 1. Курс статистики. М., 1910, и др.

⁴ Multilingual Demographic Dictionary. English Section. N. Y., 1958, p. 35—40.

графы различают «plodnost» — рождаемость и «plodivost» — плодovitost¹. Югославские демографы, пишущие на сербскохорватском языке, различают «plodnost» или «fertilitet» — рождаемость и «feconditet» — плодovitost².

На необходимость четкого терминологического различия в обозначениях рождаемости и плодovitosti обращается внимание во многих зарубежных научных и учебных работах по демографии. Это обстоятельство нужно во всяком случае иметь в виду при переводах на русский язык соответствующих терминов. В противном случае язык авторов искажается³.

Необходимость различия в обозначениях рождаемости и плодovitosti обуславливается не только формальными соображениями, но прежде всего тем фактом, что по мере того, как плодovitost все в меньшей степени реализуется в рождаемости, эти две категории все более не совпадают. Если нас интересуют мотивы, которыми люди руководствуются в своем репродуктивном поведе-

¹ *Mnohojazyčný Demografický Slovník. Český svazek. Praha, 1965, s. 77—82; см. также: Srb V., Kučera M., Ružička L. Demografie. Praha, 1971, s. 24.*

² *Visejezički Demografski Rečnik. Srpskohrvatska verzija. Beograd. 1971, s. 60—64.*

³ Так, в книге Р. Пресса «Народонаселение и его изучение» (М., 1966) переводчик невольно приписал автору понятия «эффективной» и «потенциальной плодovitости» (с. 171), в то время как в оригинале говорится о различиях между плодovitostью и рождаемостью (*Pressat P. L'Analyse Demographique. Paris, 1961, p. 153*). Традиционное смешение понятий «рождаемость» и «плодovitost» в научной литературе является, по-видимому, источником смешения тех же понятий и в англо-русских словарях. Даже в самых больших из них слова *fertility* и *fecundity* переводятся одинаково, как плодovitost, а рождаемость отождествляется с *birth rate* — коэффициент рождаемости. См., например: *Англо-русский словарь. Изд. 7-е. Сост. В. К. Мюллер. М., 1960; Большой англо-русский словарь. В 2-х т. Под ред. И. Р. Гальперина. М., 1972.*

Стоит напомнить также и о русском варианте «Многоязычного демографического словаря», изданного ООН в 1964 г. в качестве пособия для переводчиков, но который не может служить в этом качестве вследствие терминологической путаницы, содержащейся в нем. В частности, в гл. 6 на с. 56 сообщается, что «плодovitost обычно понимают как соотношение между числом родившихся и численностью женщин рождающего контингента», а на с. 60 — что плодovitostью называется «способность человека к производству потомства» (*Многоязычный демографический словарь. ООН, Нью-Йорк. 1964*).

нии под влиянием социально-экономических и других факторов, то сначала мы должны иметь хоть какое-то представление об их физиологических репродуктивных возможностях. По этим же причинам исследование факторов рождаемости не может сегодня ограничиваться фактами только живорождений, как это было в прошлом, когда разница между возможным и фактическим числом беременностей, а также между числом беременностей и числом живорождений была относительно невелика.

Как известно, живорождениями заканчивается только часть беременностей, другая часть заканчивается мертворождениями, выкидышами (спонтанными абортами) и искусственными абортами. В настоящее время в странах с низким уровнем рождаемости, с широким распространением ее ограничения с помощью контрацепции, живорождения составляют меньше половины общего числа исходов беременностей. Например, в Венгрии в 1968 г. около 8% замужних женщин в возрасте 15—49 лет родили ребенка, беременными же были вдвое больше — 18,5%, или почти каждая пятая замужняя женщина в репродуктивном возрасте. В среднем на одну замужнюю женщину условного поколения, находившуюся в браке с 20 до 50 лет, приходилось в 1968 г. 5,3 беременности, из которых только 2,3 (43%) закончились живорождением, в то время как 2,6 — искусственным абортом¹. Остальные возможные беременности предотвращаются противозачаточными мерами.

В связи с развитием социально-демографических исследований факторов рождаемости в нашей стране будет расти и интерес демографов к изучению плодовитости как одного из факторов рождаемости. Поэтому во избежание терминологической путаницы необходимо показатели, характеризующие рождаемость, а не плодовитость,

¹ Следует подчеркнуть, что такое соотношение числа беременностей и живорождений отмечается в Венгрии, стране с развитым обеспечением населения самыми совершенными средствами контрацепции. В странах же, где основным средством предупреждения нежелательных рождений является искусственный аборт, соотношение числа беременностей и живорождений значительно менее благоприятно.

Подробнее см. нашу статью: Плодовитость — категория или показатель? — В кн.: Население и экономика. М., 1973, с. 80—89.

и называть соответственно. Тем более, что сделать это довольно просто: нужно только в названиях коэффициентов рождаемости вместо «плодовитости» подставить «рождаемость», т. е. «специальный коэффициент рождаемости» (или «коэффициент фертильности»), «возрастные коэффициенты рождаемости», «коэффициенты брачной рождаемости» и т. п.

Вот несколько основных понятий, относительно которых необходимо было условиться заранее. Остальные используемые в этой книге термины будут поясняться по мере необходимости в общем контексте.

Глава 1

ЕСТЕСТВЕННАЯ РОЖДАЕМОСТЬ

Понятие естественной рождаемости. Фактический уровень рождаемости и его динамика складываются под воздействием факторов двух основных типов: 1) факторов демографической структуры населения (по полу, возрасту и семейному состоянию) и 2) факторов репродуктивного поведения, которые проявляют себя главным образом через ту или иную степень ограничения числа рождений в семье с помощью контрацепции и искусственных абортов.

Существуют разногласия в оценке роли и удельного веса факторов структуры и факторов поведения в их совокупном влиянии на уровень рождаемости. Многие статистики обычно преувеличивают влияние структуры населения на уровень рождаемости и преуменьшают степень распространения среди населения различных способов намеренного ограничения рождаемости. Этому способствует отсутствие ясных представлений о размерах человеческой плодовитости. Для решения этого вопроса полезно было бы иметь количественный критерий, позволяющий хотя бы приближенно судить о соотношении факторов структуры и факторов поведения в фактическом уровне рождаемости. Такой приближенный критерий можно получить, используя концепцию *естественной рождаемости*, т. е. такой, которая зависела бы только от брачно-возрастной структуры населения и плодовитости при полном отсутствии намеренного ограничения рождаемости с помощью противозачаточных мер и абортов¹.

¹ Понятие естественной рождаемости впервые было сформулировано французским демографом Л. Анри в 1961 г. (*Henry L. Some Data on Natural Fertility*. — «Eugenics Quarterly», 1961, v. 8, № 2).

Естественная рождаемость существует вполне реально в виде социально-биологического потенциала, который реализуется лишь частично в зависимости от социально-экономических, культурных, психологических и других факторов, оказывающих влияние на формирование и удовлетворение потребностей населения иметь детей. Измерение этого потенциала было бы поэтому полезным (а иногда и просто необходимым) для того, чтобы в сравнении с ним судить о существовании и степени распространения среди населения намеренного ограничения рождаемости. Следует подчеркнуть, что понятие естественной рождаемости отличается от иногда используемых понятий «чисто биологической» или «стихийной» рождаемости.

Автор считает, что подобные понятия неправильны по существу. Даже в тех населенных пунктах, где практика абортов и контрацепции не имеет большого распространения, рождаемость имеет социальный характер, она ограничивается (контролируется) косвенно, на общественном уровне, под влиянием социальных норм, регулирующих, например, брачное и семейное состояние, уход за детьми. Рассмотрим основные факторы естественной рождаемости, чтобы затем подойти к ее модели.

Продолжительность репродуктивного периода жизни. Как известно, беременность у женщин может наступить только в период жизни от начала регулярных менструаций и до наступления менопаузы. Этот период и называется репродуктивным.

Возраст начала менструаций колеблется у женщин в пределах 12—17 лет. В прошлом различия в сроках полового созревания в разных странах многие ученые объясняли влиянием климата и этнической принадлежности: считалось, что в теплом климате половое созревание наступает раньше, а в холодном — позже, чем в умеренных зонах. В настоящее время такая точка зрения имеет мало сторонников и не подтверждается результатами исследований. Большинство ученых считает, что основное влияние оказывают социально-экономические факторы, а также характер питания. Сейчас уже имеется много исследований, указывающих на снижение среднего возраста начала менструаций по мере улучшения условий жизни. Данные этих исследований показывают, что на протяжении XX в. средний возраст начала менструаций

в экономически развитых странах снизился примерно с 15 до 12—13 лет¹.

Возраст прекращения менструаций (менопаузы) очерчен менее четко, да и изучен значительно меньше. Он имеет большие индивидуальные отклонения от средних величин, с вариацией примерно от 35 до 55 и в отдельных случаях более лет. Так же как и в отношении возраста наступления менструации, в прошлом многие ученые полагали, что различия в возрасте наступления менопаузы определяются климатом, что будто бы в жарком климате менопауза наступает раньше, в холодном климате — позже. Это мнение также не подтверждается статистическими исследованиями.

Напротив, имеющиеся данные дают основания считать, что возраст наступления менопаузы в еще большей степени зависит от социально-бытовых и прочих условий жизни женщины. Улучшение условий жизни отодвигает наступление менопаузы. По данным ряда исследований, проведенных в нашей стране и за рубежом, средний возраст наступления менопаузы отодвинулся примерно с 44—45 лет до 48—49 лет².

Вероятно, все большее число женщин сохраняет плодovitость и в возрасте после 50 лет, о чем косвенно свидетельствуют некоторые данные о рождаемости. Так, в 1969—1970 гг. коэффициенты брачной рождаемости у женщин в возрасте 50 лет и старше составили в сельской местности Киргизской ССР 20,4‰, Узбекской

¹ См., например, *Аршев Г. Я.* О половой зрелости армянок. — «Журнал акушерства и женских болезней», 1935, кн. 1, с. 14; *Таннер Дж.* Рост и конституция человека. — В кн.: *Харрисон Дж.* [и др.]. Биология человека. М., 1968, с. 285; *Bojlen K., Bentzon M. W.* The Influence of Climate and Nutrition on Age at Menarhe: a Historical Review and a Modern Hypothesis. — «Human Biology», 1968, v. 40, № 1; *Milicer H.* Age at Menarhe of Girls in Wroclaw, Poland, in 1966. — «Human Biology», 1968, v. 40, № 2; *Carfagna M., Figurelli E., Matarese G. and Matarese S.* Menarcheal Age of Schoolgirls in the District of Naples, Italy, in 1969—70. — «Human Biology», 1972, v. 44, № 1.

² См.: *Гинзбург В. В.* Материалы по половому созреванию и половой жизни горной таджички. — «Антропологический журнал», 1936, № 3; *Карсаевская Т. В.* Социальная и биологическая обусловленность изменений в физическом развитии человека. Л., 1970, с. 82; *Вингер К.* Акселерация и общество. — В кн.: *Общество и здоровье человека.* М., 1973, с. 79; *Pearl R.* Natural History of Population. London, 1939, p. 309—318, и др.

СССР — 21,3, Туркменской ССР — 24,1, Таджикской ССР — 31,2, Азербайджанской ССР — 22,1‰¹.

Такие довольно высокие показатели рождаемости косвенно говорят о позднем наступлении менопаузы у довольно значительной части советских женщин (как минимум, у 2—3% женщин в возрасте 50—54 года). Таким образом, календарная продолжительность репродуктивного периода жизни женщин составляет в среднем 35—37 лет (от 12—13 до 48—49 лет) и проявляет тенденцию к дальнейшему увеличению по мере улучшения здоровья женщин.

Однако наличие менструаций не всегда означает способность организма к зачатию. В начале репродуктивного периода жизни женщины, между началом менструаций и достижением половой зрелости для зачатия, имеется временной лаг, который можно назвать периодом подростковой стерильности². Факт существования такого периода известен давно.

Ряд антропологов, описывая свободу добрачных половых отношений у некоторых народов, обращали внимание на относительно малое число рождений детей у женщин-подростков. То же наблюдалось и в случаях раннего замужества. У женщин младших возрастных групп отмечается более продолжительный протогенетический интервал (интервал между началом брачных отношений и рождением первого ребенка).

До Великой Отечественной войны такое явление отмечалось в ряде исследований, проведенных в нашей стране В. В. Гинзбургом, Е. С. Тиммом, А. А. Шороховой и др. По материалам исследования, проведенного в Грузии в 1940 г., средний протогенетический интервал у женщин, вступивших в брак в среднем в 16,7 года, был равен 3,2 года, в то время как у женщин, вступивших в брак в среднем в 21,4 года, — 2,7 года³. Два крупных исследования, проведенных ЦСУ СССР в 1960 и 1967 гг., также

¹ Коэффициенты рассчитаны нами приближенно как отношение числа детей, родившихся у матерей в возрасте 50 лет и старше, к численности замужних женщин в возрасте 50—54 года по переписи населения 1970 г.

² О различии между стерильностью и бесплодием см. в разделе «Плодовитость» на с. 33.

³ См.: Сифман Р. И. Рождаемость в селах Закавказья с начала XX века до Великой Отечественной войны. — В кн.: Проблемы демографической статистики, с. 206.

показывают более продолжительный протогенетический интервал в самых младших возрастных группах замужних женщин.

Таблица 1

Средний протогенетический интервал в зависимости от возраста вступления женщин в брак, лет

Возраст женщин при вступлении в брак, лет	Браки, заключенные в 1920—1944 гг.; обследование 1960 г. (весь массив) *	Браки, заключенные в 1945—1966 гг.; рабочие и служащие; обследование 1967 г.
16—17	2,59	1,94
18—19	2,27	1,66
20—24	1,86	1,59
25—29	1,91	1,63
30 и старше	2,38	1,77

* Включены женщины, вступившие в первый брак в 1920—1944 гг. и состоявшие в нем до 50 лет

Источник. Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974, с 153

Кстати, более поздние исследования обнаруживают тенденцию к сокращению среднего протогенетического интервала в возрастных группах женщин моложе 20 лет. Это отчасти объясняется сокращением удельного веса слишком ранних браков, повышением в этой возрастной группе удельного веса замужних женщин 18—19 лет, а отчасти, вероятно, и акселерацией физического и полового развития детей.

Полного развития репродуктивная система большинства женщин достигает в среднем лишь к 18—19 годам. Для демографии это имеет то значение, что коэффициенты брачной рождаемости в возрастной группе 15—19 лет находятся в большой зависимости от удельного веса женщин 18—19 лет. Поэтому уровень рождаемости в возрастной группе 15—19 лет целесообразно анализировать только по однолетним возрастным коэффициентам.

С увеличением возраста способность к зачатию уменьшается или исчезает раньше достижения менопаузы и наступает период относительной или абсолютной стерильности. Эта предменопаузная стерильность изучена еще меньше, чем подростковая. Среди населения, активно пользующегося контрацептивными мерами, это явление изучать чрезвычайно трудно, если вообще возможно.

Женщины, использующие контрацепцию, могут не знать о том, что беременность им уже не грозит.

Исследования, проведенные в ряде развивающихся стран, среди населения, не практикующего предупредительных мер против рождаемости, показывают, что средний период предменопаузной стерильности варьирует от 1 года до 12 лет. Следовательно, физиологический репродуктивный период жизни женщины меньше календарного на сумму периодов подростковой и предменопаузной стерильности и составляет в среднем 25 лет (с 18 до 43 лет). При этом отклонения от средней очень велики: максимальная продолжительность физиологического репродуктивного периода жизни может составлять 42 года (с 13 до 55 лет), минимальная — 16 лет (с 19 до 35 лет).

Хотя максимальная продолжительность репродуктивного периода жизни женщины определяется биологическими факторами, действительная продолжительность его определяется временем пребывания в браке. В населении, где намеренное ограничение рождаемости не имеет существенного распространения, *действительная продолжительность репродуктивного периода жизни женщины* зависит от возраста вступления ее в брак, от величины вероятности овдовения или развода, от возможностей вступить в повторный брак. При этом с демографической точки зрения имеет значение возраст вступления в фактический брак (т. е. начало регулярных брачных отношений), а не возраст оформления брака.

У некоторых народов, имеющих обычаи ранних браков девочек, оформление брака еще не обязательно означает начало фактических брачных отношений. Например, в Индии помолвка девочки происходит в раннем возрасте (и это событие отмечается соответствующей церемонией, как вступление в брак), в то время как супружеская жизнь зачастую начинается значительно позже, иногда через несколько лет.

У туркмен Средней Азии в прошлом существовал обычай «кайтармы» («возвращения»), заключающийся в том, что если жених не был в состоянии сразу уплатить весь калым за невесту, то через месяц после свадьбы жена возвращалась в дом своих родителей и оставалась в нем до выплаты всей суммы калыма. Кайтарма продолжалась иногда несколько лет, что сокращало период фактического пребывания в браке. При Советской власти этот обы-

чай (как и калым) был запрещен законом. Однако его пережитки иногда еще встречаются в некоторых сельских районах Туркмении¹.

В населении с широким распространением внутрисемейного ограничения рождаемости действительная продолжительность репродуктивного периода жизни женщины зависит не столько от возраста вступления в брак, сколько от желаемого числа детей в семье. При низком уровне контролируемой рождаемости зависимость между возрастом вступления в брак (и состоянием в браке) и продолжительностью репродуктивного периода жизни очень сложна. При средней «норме» 1—2 ребенка за всю жизнь женщине достаточно 5—10 лет, чтобы реализовать эту норму, после чего ей приходится прилагать усилия, чтобы с помощью противозачаточных мер или абортов предотвратить нежелательные рождения, т. е. продолжительность репродуктивного периода сокращается искусственно.

Таким образом, удлинение продолжительности репродуктивного периода жизни женщин вследствие повышения уровня жизни, улучшения здоровья, повышения уровня брачности и продолжительности брачной жизни имеет значение для уровня рождаемости, но только в основном при условии естественной рождаемости². В этом случае число рождений прямо пропорционально продолжительности репродуктивного периода и плодовитости. В населении же с широким распространением внутрисемейного ограничения рождаемости и с относительно невысоким ее уровнем удлинение репродуктивного периода жизни отнюдь не сулит повышения рождаемости, но несет с собой ряд проблем социально-гигиенического характера, часть из которых представляет интерес и для социодемографов, изучающих репродуктивное поведение.

Возможно, акселерация полового и физического развития молодежи влияет в какой-то степени на снижение среднего возраста вступления в брак. Некоторые зарубежные исследования дают основания предполагать возмож-

¹ См.: Эсенова Т. Ненавистный калым. — «Лит. газ.», 1974, 22 мая, с. 12.

² Хотя надо отметить, какая-то зависимость числа рождений от возраста вступления женщины в брак остается и в населении с широко планируемой рождаемостью (см.: Дарский Л. Е. Формирование семьи. М., 1972, с. 121).

ность такого влияния¹. Но все же, думается, вполне очевидно, что возраст вступления в брак зависит в гораздо большей степени, чем от биологических, от социально-экономических факторов, таких, например, как возраст приобретения профессии, возраст экономической самостоятельности. Поэтому снижение возраста полового созревания при стабильном и довольно высоком среднем возрасте достижения социально-экономической зрелости молодежи в экономически развитых странах лишь осложняет проблемы добрачного полового воспитания и просвещения, но не имеет никакого положительного значения для динамики рождаемости.

Увеличение продолжительности физиологического репродуктивного периода жизни женщин в старших возрастах имеет также противоречивое значение. В медицинском аспекте это увеличение — один из признаков улучшения здоровья (и, возможно, некоторого снижения уровня первичного бесплодия). Тем не менее в демографическом аспекте это увеличение не имеет положительного значения. Даже при условии сохранения уровня рождаемости, необходимого для обеспечения расширенного воспроизводства населения, фактический период деторождения вполне может уложиться в наиболее благоприятные возрастные границы от 20 до 35 лет.

Беременности в возрастах старше 35 лет менее благоприятны по многим причинам социально-гигиенического характера: с возрастом женщины увеличивается риск выкидыша, мертворождения или смерти ребенка на первом году жизни, риск генетических нарушений и т. п.

Фактически сейчас большинство женщин в экономически развитых странах (в том числе и в нашей стране) рожают всех своих детей в основном в интервале от 20 до 35 лет. Родив желаемое число детей, женщины прекращают дальнейшее деторождение с помощью средств и методов контрацепции, аборт и стерилизации задолго до наступления менопаузы. Следовательно, повышение среднего возраста наступления менопаузы лишь увеличивает число лет, во время которых женщина должна защищать свое здоровье от уже ненужных беременностей.

¹ *Buck C., Stavray K. The Relationship Between Age at Menarhe and Age at Marriage among Childbearing Women. — «Human Biology», 1967, v. 39, № 2.*

Это ставит перед медиками проблему обеспечения населения совершенными противозачаточными средствами. Пока эта проблема решается недостаточно удовлетворительно, и, думается, среди причин этого недостаточная осведомленность медиков о средних размерах человеческой плодовитости (биологической способности к деторождению), а также не всегда правильное представление о современном значении биологических факторов в статистико-демографическом аспекте.

В литературе нередко высказываются мнения, будто за счет удлинения репродуктивного периода жизни может увеличиться рождаемость, без оговорки, что это могло бы иметь значение только в условиях естественной рождаемости.

Плодовитость. Как было обусловлено ранее, плодовитость означает биологическую способность к деторождению. Неспособность к деторождению обозначается понятием *бесплодие* (infecundity), а неспособность к зачатию — *стерильность* (sterility). Бесплодие и стерильность могут быть абсолютными и относительными. Во втором случае некоторые шансы на зачатие и рождение детей сохраняются, но значительно снижены. Относительное бесплодие обозначается также понятием *субплодовитость* (subfecundity). Отсутствие рождений — *инфертильность* — может быть следствием как бесплодия, так и намеренного отказа от рождения детей. В свою очередь *бездетность* может быть следствием как инфертильности, так и смерти детей.

Среди множества факторов, определяющих общее число беременностей, определенную роль играет и плодовитость как биологический фактор рождаемости. В прошлом, когда о плодовитости судили по числу живорождений, как и в отношении возраста полового созревания, господствовали наивно-глобальные представления вроде тех, что у «варварских» народов плодовитость выше, чем у «цивилизованных», что в жарком климате плодовитость выше, чем в умеренном и т. п. Свидетельства таких различий между народами были основаны чаще на личных впечатлениях и предубеждениях, нежели на результатах специальных исследований.

Современные исследования не подтверждают существование каких-либо значительных географических, исто-

рических или этнических различий в плодовитости¹. Поэтому высокие показатели рождаемости, которые наблюдаются сегодня или наблюдались когда-либо в тех или иных странах или этнических группах населения, могут служить базой для очень грубой оценки потенциала рождаемости в населении с сильно контролируемой рождаемостью. Однако оценки, основанные на таких грубых сравнениях, занижают, как правило, действительные масштабы плодовитости. Во-первых, у большинства народов с высокой рождаемостью существовали и существуют различные обычаи и другие социальные нормы, косвенно ограничивающие рождаемость (например, запреты на половые сношения на значительный срок по различным поводам²). Во-вторых, рождаемость всех народов в прошлом, и до сих пор во многих развивающихся странах, занижалась недостаточным и некачественным питанием, а также различными болезнями, снижающими плодовитость.

Улучшение санитарных условий жизни в экономически развитых странах устранило влияние этих отрицательных факторов на плодовитость. Правда, какое-то разрушительное влияние на плодовитость в этих странах оказывают искусственные аборты, влияющие на число бесплодных, но в среднем, думается, плодовитость современного населения с широким распространением внутрисемейного ограничения рождаемости не ниже во всяком случае, чем плодовитость населения в развивающихся странах.

Средняя плодовитость человеческого рода довольно велика, 10—12 живорождений за всю жизнь, или 12—15 беременностей (с учетом мертворождений и самопроизвольных абортов). Следует сразу заметить, что при низкой детской смертности такая плодовитость, благодаря которой человечество на заре своей юности смогло вы-

¹ Из географических факторов некоторого внимания заслуживает высота над уровнем моря. Ряд исследований показывает, что у живущих в высокогорных районах женщин плодовитость развивается медленнее и период плодовитости в среднем несколько короче. В связи с отрицательным влиянием высоты над уровнем моря на женскую репродуктивную систему возможно, что и плодовитость в течение всего репродуктивного периода в высокогорных районах несколько понижена.

² См.: Козлов В. И. Динамика численности народов М., 1969, с 146—147.

жить, теперь стала избыточной. Даже вдвое меньшая средняя рождаемость обеспечивает слишком быстрый рост населения. Поэтому вопрос об ограничении плодovitости приобретает в экономически развитых странах самостоятельное социально-гигиеническое значение, независимое от любых общественных потребностей в росте населения.

Средняя плодovitость складывается из чрезвычайно большой амплитуды индивидуальных различий в плодovitости и у женщин, и у мужчин, как врожденных и, возможно, передающихся по наследству, так и за счет ее изменения в течение жизни под влиянием внешних факторов. Эти индивидуальные различия в плодovitости еще слишком мало изучены и о них можно судить только в самом общем плане. Так, специалисты по проблемам бесплодия считают брак бесплодным, если беременность не наступает в течение двух или трех (по разным оценкам) лет брачной жизни без применения противозачаточных мер. Таким образом, интервалы между зачатиями могут колебаться в пределах от одного года до трех-четырёх лет (в редких случаях и больше). Тогда, если плодovitость сохраняется на протяжении всего репродуктивного периода жизни, число возможных рождений за период с 18 до 50 лет может варьировать от 8 до 30.

Если средние размеры плодovitости интересуют демографов при изучении рождаемости на макроуровне, то индивидуальные различия в плодovitости необходимо учитывать при изучении репродуктивного поведения. Известно, что какая-то часть браков остается бесплодной в течение всего периода существования, какая-то часть утрачивает плодovitость раньше, чем достигает желаемого числа детей. Наоборот, какая-то часть супружеских пар страдает от избыточной плодovitости, которая вынуждает их после достижения желаемого числа детей прилагать большие усилия для ее ограничения с помощью контрацепции и абортов.

К сожалению, объективных показателей для измерения всей амплитуды индивидуальной плодovitости, пригодных для использования в социально-демографических исследованиях, пока не существует. И вряд ли такие показатели могут быть разработаны. Однако некоторую информацию о состоянии плодovitости можно получить, обратившись с соответствующими вопросами к самим

супругам. В последние годы вопросы о состоянии плодовитости становятся неременной частью вопросников в зарубежных обследованиях факторов рождаемости и репродуктивного поведения. Правда, при этом выявляются только бесплодие и пониженная плодовитость (субплодовитость), но и это немаловажно.

Как показывает ряд зарубежных исследований, доля супругов, бесплодных или имеющих пониженную плодовитость, весьма значительна. Причем интересно, что эта доля примерно одинакова в обследованиях, проведенных в разных местах и в разное время, но по однотипной классификации плодовитости. Так, в обследовании факторов рождаемости, проведенном в 1941 г. в Индианополисе (США), супружеские пары, бесплодные или имевшие пониженную плодовитость вследствие различных нарушений репродуктивной системы, составляли около 27% опрошенных; в двух обследованиях под названием «Формирование американской семьи», проведенных в США в 1955 и 1960 гг. (сокращенно, GAF 1955 и GAF 1960), — соответственно 34 и 31%, в американском же «Национальном обследовании рождаемости», проведенном в 1965 г. (NFS 1965), — 27%; в обследовании мужской фертильности, проведенном в г. Нью-Орлеане в 1965 г., — 30%, в обследовании, проведенном в Югославии в 1970 г., — 24,3% (в городских поселениях — 22,8, в сельских — 25,1%).

Используемые в зарубежных исследованиях классификации состояния плодовитости основываются на сведениях, сообщаемых опрашиваемыми женщинами о себе и своих мужьях, а также на изучении истории беременностей этих женщин¹. И хотя изучение плодовитости

¹ Одна из первых таких классификаций плодовитости была разработана американскими демографами Р. Фридменом, П. Уэлптоном и А. Кэмпбеллом и использована в целом ряде социально-демографических обследований (она опубликована в русском переводе в нашей статье „О категориях «рождаемость» и «плодовитость»” в кн.: Население и народное благосостояние. Труды МЭСИ. М., 1971, с 40—41, поэтому здесь не приводится). Ряд вопросов, имеющих целью классификацию состояния плодовитости респондентов, рекомендуется в типовой анкете, подготовленной Комитетом по сравнительным исследованиям рождаемости и ограничения размеров семьи Международного союза по изучению проблем народонаселения в сотрудничестве с Секретариатом ООН (см.: Варианты и анкета для сравнительных обследований рождаемости. Нью-Йорк, 1970, с. 52—53, 92).

с помощью прямых вопросов не позволяет выявить все масштабы пониженной плодовитости, поскольку многие из опрошенных могут еще не знать о том, что их плодовитость понижена или утрачена полностью, все же оно вносит существенные коррективы в распределение совокупности респондентов по их репродуктивным ожиданиям и намерениям.

К примеру, по данным обследования GAF 1960 11% супружеских пар в выборке были совершенно стерильны и для них вероятность рождения ребенка в будущем равна нулю. Большинство из них стерилизованы (в том числе 76% — женщины, 24% — мужчины). Кроме того, с увеличением возраста характеристики плодовитости ухудшаются. К 35—39 годам только половина опрошенных супружеских пар еще обладали нормальной плодовитостью. Если в самой младшей возрастной группе 18—24 года только 3% женщин полностью стерильны (две трети из них — вследствие контрацептивной стерилизации¹), то к возрасту 35—39 лет эта доля увеличивается до 19% (в том числе около половины — вследствие контрацептивной стерилизации).

Пониженные физиологические возможности отражаются и на репродуктивных ожиданиях супругов (табл. 2). Так, на момент обследования все супружеские пары в выборке имели в среднем по 2,3 рождения, желали иметь 3,3 ребенка, ожидали иметь чуть меньше — 3,1. Однако дифференциация супругов по категориям плодовитости позволяет обнаружить при незначительных различиях в средних желаемых числах детей существенные различия в средних ожидаемых. В то время как супруги с нормальной плодовитостью ожидают реально иметь в среднем столько детей, сколько они желают, супруги с пониженной плодовитостью не надеются достичь желаемого числа (в среднем ожидают 2,5 ребенка вместо желаемых 3,3). Почти половина женщин (49%) из супружеских пар с пониженной плодовитостью сказали, что они ожидают иметь меньше детей, чем хоте-

¹ Контрацептивная стерилизация названа так потому, что является заменой контрацепции, т. е. производится с непосредственной целью исключить возможность зачатия; в отличие от контрацептивной лечебная стерилизация производится с целью лечения болезни (например, рака матки и т. п.), но не непосредственно для предупреждения зачатия.

ли бы. Среди супругов с нормальной плодовитостью соответствующая доля была вдвое меньше (20%).

Почти все опрошенные супружеские пары в обследовании GAF 1960 желали иметь по крайней мере одного ребенка. Только 1% женщин в возрасте 18—39 лет сказали, что не хотели бы иметь ни одного ребенка. На самом деле 6—8% супружеских пар останутся бездетными, вопреки своему желанию, вследствие физиологических дефектов репродуктивной системы. По результатам того же обследования было рассчитано, что если бы не влияние субплодовитости, то общее число рожденных детей у всех супругов в выборке было бы больше на 17%¹. Таким образом, даже поверхностные наблюдения состояния плодовитости респондентов способны внести существенные коррективы в результаты изучения репродуктивных намерений населения.

Таблица 2

Среднее число рождений на момент интервью, среднее ожидаемое и желаемое число рождений и детей в зависимости от состояния плодовитости супругов в обследовании GAF 1960 (США)

Классификация плодовитости	Число супружеских пар	Среднее число рождений		Среднее число детей	
		на момент интервью	ожидаемое	ожидаемое	желаемое
Всего супружеских пар	2414	2,3	3,1	3,1	3,3
Стерильность и пониженная плодовитость (субплодовитость)	740	2,2	2,6	2,5	3,3
в том числе:					
полная стерильность	257	2,8	2,8	2,7	3,6
в том числе вследствие:					
контрацептивной стерилизации	136	3,6	3,6	3,4	3,5
лечебной операции	102	2,1	2,1	2,0	3,7
других причин	19	0,8	0,8	0,7	3,5
вероятная стерильность	85	1,1	1,3	1,2	3,1
возможная стерильность	199	1,7	2,3	2,2	3,2
возможно нормальная плодовитость	199	2,4	3,1	3,1	3,3
Нормальная плодовитость	1674	2,4	3,4	3,3	3,3

Источник. *Whelpton P. K., Campbell A. A., Patterson J. E. Fertility and Family Planning in the United States. Princeton, 1966, p. 169.*

¹ *Kiser C. V., Grabill W. H., Campbell A. A. Trends and Variations in Fertility in the United States. Cambridge, 1968, p. 38.*

В советских демографических исследованиях факторов рождаемости вопросам социально-биологической основы рождаемости и, в частности, плодовитости до последнего времени уделялось мало внимания. Плодовитость как фактор рождаемости учитывалась в них фактически лишь на уровне более или менее очевидных гипотез.

Ни в одном из отечественных исследований факторов рождаемости не делалось пока попытки как-то дифференцировать обследуемых по состоянию плодовитости. В исследованиях, проводившихся экономистами, и, в частности, в самых крупных из них, проведенных ЦСУ СССР, учитывались только живорождения, остальные исходы беременностей (мертворождения, аборты и т. п.) оставались без освещения.

В исследованиях, проводившихся медиками или при участии медиков, изучалась не только частота живорождений, но и частота беременностей. Это уже дает возможность оценить хотя бы частоту стерильности. Так, по данным исследования, проведенного в одном из районов Москвы, на протяжении 5 лет после вступления в первый брак только у 4,3% женщин в выборке из 400 супружеских брачных пар не было ни одной беременности¹.

По данным исследования, проведенного в Латвии в 1966—1967 гг., первичное бесплодие отмечалось в 5,5% обследованных брачных пар, вторичное бесплодие — в 8,1%, итого бесплодных браков — 13,6%. Инфертильные браки составили 11,8%². В двух крупнейших советских исследованиях, проведенных ЦСУ СССР в 1960 и 1967 гг., были получены данные об инфертильности различных когорт женщин по годам их рождения и в зависимости от возраста вступления в брак.

Хотя результаты этих двух обследований не совсем сопоставимы, они дают возможность судить о том, что инфертильность женщин разных поколений, состоявших в браке более 10 лет, колеблется от 3 до 7% в зависимости от возраста вступления в брак и в среднем близка к 5% (табл. 3). Инфертильность всех женщин (состояв-

¹ См.: Каткова И. П. Рождаемость в молодых семьях. М., 1971, с. 29.

² См.: Шлиндман Ш., Звидриньш П. Изучение рождаемости, М., 1973, с. 92—93.

ших и не состоявших в браке) составляла по данным обследования ЦСУ СССР 1967 г. среди рабочих и служащих в среднем 11,3% (для когорт 1923—1927 гг. рождения) ¹.

Таблица 3

Инфертильность в семьях рабочих и служащих в зависимости от возраста вступления женщин в брак и продолжительность брака (обследование ЦСУ СССР 1967 г.) *

Продолжительность брака к моменту обследования, лет	Ориентировочные годы вступления в брак	Доля не имевших рождений (в %) среди вступивших в брак в возрасте		
		15—21 года	22—29 лет	во всех возрастах
10—14	1953—1957	3,1	5,4	5,4
15—29	1948—1952	2,9	5,8	5,0
20—24	1943—1947	2,9	6,1	4,8
25 и более	1942 и ранее	3,6	7,2	4,5

* Включены женщины, состоящие в первом браке до момента обследования. Источник: Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР, с. 91.

Все эти результаты представляют, безусловно, большой научный интерес, но они явно недостаточны для оценки влияния бесплодия и пониженной плодовитости на рождаемость и репродуктивное поведение.

Влияние мертворождений и спонтанных аборт. Мертворождения и спонтанные аборты ², не отражаясь в числе родившихся и умерших, увеличивают величину интервалов между живорождениями и тем самым оказывают некоторое влияние на уровень рождаемости. Число мертворождений и спонтанных аборт находится под воздействием сложного взаимодействия как социальных факторов (уровень жизни и медицинского обслуживания, доход семьи, уровень культуры, брачное состояние женщины и т. д.), так и биологических (возраст и конституция тела матери, число предшествующих родов и аборт и т. п.).

¹ Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР, с. 88.

² Используемый по традиции термин «выкидыш» является, по мнению экспертов ВОЗ, устаревшим и не рекомендуется для использования в научной литературе. Взамен ими предлагается термин «спонтанный (самопроизвольный) аборт» («Spontaneous and Induced Abortion», Report of a WHO Scientific Group. Geneva, 1970, p. 9).

На показатели мертворождаемости и спонтанных аборт^{ов} в какой-то мере влияет и степень легализации искусственных аборт^{ов}: там, где они запрещены, в число мертворождений и спонтанных аборт^{ов} непременно попадает часть нелегальных искусственных аборт^{ов}. Даже в странах с терпимым отношением законодательства к производству искусственных аборт^{ов} какая-то часть их по различным мотивам производится подпольно и лишь частично отражается в статистике аборт^{ов} (и искусственных, и спонтанных). Например, К. Ваха обратил внимание на то, что в те годы, когда в Чехословакии уменьшалось число аборт^{ов} по заявлению женщин (из-за некоторых административных препятствий), увеличивалось число спонтанных аборт^{ов} ¹.

По определению ВОЗ под мертворождением понимается смерть плода до его полного отделения или извлечения из организма матери вне зависимости от продолжительности беременности. Таким образом, это определение охватывает все внутриутробные смерти — мертворождения и аборт^ы (спонтанные и искусственные).

В большинстве стран к мертворожденным относятся дети, родившиеся после 28 недель беременности (в США — после 20 недель), без признаков жизни. В некоторых странах к мертворожденным относятся и дети, родившиеся живыми, но умершие в первые 24 ч после рождения (Польша) или до регистрации живорождения (Алжир, Греция, Франция, Люксембург, Испания, Марокко).

Существуют различия и в методах расчета показателей, которые затрудняют международные сравнения уровней мертворождаемости, а иногда делают их невозможными. Кроме того, регистрация мертворождений в большинстве стран не охватывает всех случаев. Но все же, по-видимому, можно считать, что уровень мертворождаемости в экономически развитых странах составляет примерно 1—2% числа родившихся.

Случаи внутриутробной смерти плода, происшедшие ранее 28-й (в некоторых странах — 20-й) недели беременности, относятся к спонтанным (самопроизвольным) аборт^{ам}. В СССР спонтанные аборт^ы учитываются в об-

¹ Vacha K. Důsledky zákona o umělém prerušeni tehotenství. — «Demografie», 1970, № 1, s. 48—53.

щем числе аборт, начатых и начавшихся вне лечебного учреждения¹. Отделить спонтанные аборты от искусственных не всегда возможно. Поэтому учет спонтанных аборт, чрезвычайно труден, а там, где искусственные аборты запрещены (в большинстве капиталистических стран), невозможен вовсе.

В 1954 г. Отдел народонаселения ООН оценил частоту спонтанных аборт, в среднем примерно в 10% общего числа беременностей². Однако в последнее время ряд исследований показывают, что эта оценка сильно занижена. Основная проблема измерения частоты спонтанных аборт, — это трудности выявления смерти плода в первые недели беременности. Беременность может закончиться спонтанным аборт, еще до того, как сама женщина узнает о ней.

В 1925 г. А. А. Чупров, занимавшийся проблемой соотношения полов среди новорожденных, высказал мысль, что «от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ зачатий — это очень осторожная оценка! — кончаются выкидышем, который не улавливается обычной статистической регистрацией»³. Последующие исследования подтвердили эту оценку. В частности, по результатам исследования, проведенного американками Ферн Френч и Джесси Бирман на одном из Гавайских островов в 1953—1956 гг. с использованием методики таблиц дожития, частота внутриутробной смертности составила 23,7% числа беременностей⁴.

Другое исследование, проведенное К. Эрхардтом в 1960 г. в Нью-Йорке также с использованием метода таблиц дожития, дало еще более высокую оценку частоты внутриутробной смерти — 29,5% числа беременностей⁵. Ряд исследований (в том числе проведенных и с помощью опросов женщин) дали значительно меньшие оценки — 12—14%, однако сами исследователи сочли их

¹ Сифман Р. И. Статистика охраны здоровья матери и новорожденного. М., 1963, с. 32.

² «Spontaneous and Induced Abortion», p. 20.

³ Чупров А. А. Половой состав родившихся как предмет статистического исследования. — В кн.: Чупров А. А. Вопросы статистики. Избр. статьи. М., 1960, с. 336.

⁴ French F. E., Bierman J. M. Probabilities of Fetal Mortality. — «Public Health Reports», 1962, v. 77, № 10.

⁵ Erhardt C. L. Pregnancy Losses in New York City, 1960. — «American Journal of Public Health», 1963, v. 53, № 9.

заниженными, поскольку опрошенные женщины могли забыть часть спонтанных аборт¹ или не заметить их¹.

В числе внутриутробных потерь, кроме мертворождений и спонтанных абортов, следует отметить также и случаи гибели плода в результате внематочной беременности.

В исследовании ТС-66 венгерские демографы показали, что частота внематочных беременностей довольно значительна. По их оценкам 14,7‰ женщин в выборке имели в среднем по 1,11 внематочной беременности, или 16,3 на 1000 женщин (мертворождений было 38,9 на 1000 женщин)².

Вопрос об истинных размерах внутриутробной смертности еще мало изучен. Возможно, около 20—25% общего числа беременностей заканчивается внутриутробной смертью плода в результате спонтанных абортов, мертворождений и внематочных беременностей. Эта оценка и принимается далее как один из параметров в модели естественной рождаемости.

Интервалы между беременностями. Число беременностей варьирует в зависимости от величины интервалов между ними, которые складываются из следующих частей: 1) продолжительность самой беременности; 2) период восстановления овуляций после окончания беременности; 3) период овуляторной экспозиции.

Продолжительность беременности при нормальном течении равна 9—10 месяцам (36—40 недель). В случаях рождения мертвого ребенка или спонтанного аборта продолжительность беременности может быть значительно короче, при мертворождении — 20—40 недель или 28—40 недель (в зависимости от системы учета). Спонтанный аборт может произойти в любой момент беременности до 20-й или 28-й недели, следовательно, в этом случае продолжительность беременности составляет в среднем 9,5 или 13,5 недели, т. е., грубо говоря, около 3 месяцев.

После окончания беременности восстановление способности к зачатию происходит не сразу, а через некоторый промежуток времени, в зависимости от исхода бе-

¹ Shapiro S., Schlesinger E. R., Nesbitt R. E. L. Infant, Perinatal, Maternal and Childhood Mortality in the United States. Cambridge, 1968, p. 73.

² «Survey Techniques in Fertility and Family Planning Research: Experience in Hungary», Budapest, 1969/2, p. 99.

ременности. При рождении живого ребенка этот период равен 2—3 месяцам, если женщина не кормит ребенка грудью (лактация), и до 9 и более месяцев при условии лактации. По некоторым данным у кормящих женщин после восстановления менструальных циклов еще какое-то время они в 40—50% случаев бывают ановуляторными. Иногда бывает и наоборот — овуляция может происходить и в период аменореи (в восстановительный период). Тогда, естественно, зачатие может произойти и в период лактации.

При мертворождении период аменореи продолжается около 2 месяцев, а при аборте (самопроизвольном или искусственном) — около одного месяца. Так как искусственный аборт производится обычно не позднее 12-й недели беременности, то, следовательно, в этом случае интервал между зачатиями может составлять даже 4—5 месяцев, т. е. в одном году женщина может прибегать к искусственному аборту дважды, а в отдельных случаях — и трижды. Фактически, по данным выборочного обследования в РСФСР среди женщин, имевших аборты в 1958—1959 гг., доля прибегавших к этой операции дважды в одном году составляла 15% в городской и 16% в сельской местности¹.

Период овуляторной экспозиции, или, иначе говоря, период отсрочки зачатия, — это интервал времени от момента начала половой жизни без предохранения от беременности до момента зачатия. Этот интервал также значительно варьирует в зависимости от многих факторов, очень мало еще изученных. Вероятность зачатия в каждом менструальном цикле зависит от индивидуальных различий в плодovitости как женщины, так и мужчины, от возраста, от частоты половых сношений в каждом цикле.

В исследовании NFS 1965 были получены данные о продолжительности периода овуляторной экспозиции для женщин, прекративших использование мер контрацепции для того, чтобы зачать ребенка. В течение первых 6 месяцев брачной жизни без использования мер контрацепции первая или вторая в жизни беременность наступила у 91% женщин, использовавших ранее пилюли, и у 86% женщин, использовавших ранее другие методы

¹ См.: Садвокасова Е. А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969, с. 149.

контрацепции; в течение одного года брачной жизни беременность наступила соответственно у 97 и 93% женщин. На протяжении первых 6 месяцев брачной жизни средняя продолжительность периода овуляторной экспозиции составила для обеих групп женщин 2,2 месяца¹.

В нашей стране продолжительность периода овуляторной экспозиции рассматривалась в ряде медицинских исследований, а также в медико-демографическом исследовании, проведенном в Латвийской ССР в 1966—1967 гг. По данным этого исследования среди женщин, начавших супружескую жизнь без контрацепции после оформления брака, беременность в течение первого полугодия наступила у 71,0% женщин, в течение года — у 87,7%. Среди женщин, начавших половую жизнь в браке до его оформления, первая беременность наступила в течение первого полугодия у 79,2%, в течение года — у 85,6%. В течение 2 лет беременность наступила у 88—94% женщин².

Т а б л и ц а 4

Средняя продолжительность интервалов между зачатиями при отсутствии контрацепции в зависимости от исхода предыдущей беременности

	Средняя продолжительность в месяцах			
	при живорождении		при мертворождении	при спонтанном аборте
	с лактацией	без лактации		
Беременность	9	9	8	3
Послеродовая аменорея	9	3	2	1
Овуляторная экспозиция	6	6	6	6
Всего	24	18	16	10

Однако эти данные в публикациях не дифференцированы ни по возрасту, ни по состоянию плодовитости, ни по каким-либо другим характеристикам. Они не дают также возможности рассчитать показатели месячной вероятности зачатия, поскольку не ранжированы помесечно. Все же на основе этих данных (и ряда других) можно полагать, что продолжительность овуляторной экспозиции

¹ Westoff Ch F., Bumpass L., Ryder N. B. Oral Contraception, Coital Frequency, and the Time Required to Conceive. — «Social Biology», 1969, v. 16, № 1, p. 9—10.

² См.: Шлиндман Ш., Звидриньш П. Изучение рождаемости, с 90—91.

зиции без контрацепции может варьировать в основном от одного месяца до одного года (в редких случаях — до 2, 3 и более лет) и в среднем менее 6 месяцев. Будем считать ее равной 6 месяцам. Таким образом, средняя продолжительность интервалов между зачатиями может значительно варьировать и при отсутствии контрацепции в зависимости от исхода предыдущей беременности и ряда других факторов.

Гипотетический минимум естественной рождаемости (ГМЕР). После рассмотрения основных параметров биологической основы рождаемости попытаемся теперь смоделировать уровень естественной рождаемости современного населения, который мог бы служить мерой отсчета для определения масштабов внутрисемейного ограничения рождаемости (после элиминирования влияния структурных факторов).

Известно не много попыток определить вероятный уровень естественной рождаемости. Практически все они ориентированы на определение физиологического максимума рождаемости. Одним из первых пытался рассчитать максимально возможный общий коэффициент рождаемости Уильям Петти в 1682 г. Он считал, что на 1000 жителей приходится в среднем 300 женщин в возрасте 15—45 лет, каждая из которых может родить ребенка один раз в два года. Это дало бы уровень рождаемости 150 на 1000 жителей в год.

В XIX в. И. Ваплеус полагал в качестве такого теоретического максимума уровень рождаемости 100‰, который практически никогда не может быть достигнут. Не так давно, однако, французский демограф Ж. Буржуа-Пиша высказал мнение, что при особенно благоприятных («лабораторных») жизненных условиях максимальный уровень рождаемости около 105‰ мог бы даже быть реализован¹. Некоторые из таких оценок используются современными мальтузианцами для запугивания обывателей буржуазного Запада как указание на возможность повышения мирового уровня рождаемости. Никакого другого смысла такие оценки и не могут иметь, поскольку рождаемость в гораздо большей степени зависит от социальных факторов, чем от биологических.

Фактически наблюдавшиеся когда-либо коэффициен-

¹ *Bourgeois-Pichat J. Some Unsolved Problems Raised by Human Reproduction — «Advances in Fertility Control», 1967, v. 2, № 4, p. 45*

ты рождаемости были намного ниже приведенных выше теоретических максимумов (не более 60—70‰). В 1950-х гг. в некоторых странах Африки отмечался еще уровень рождаемости выше 60‰ (мировой максимум рождаемости 71‰ в 1957 г. отмечался в Того). Но в 1960-х гг. в мире уже не было ни одной страны с таким уровнем рождаемости. По-видимому, отмечавшийся в 1950-х гг. максимальный уровень рождаемости безвозвратно миновал и в дальнейшем он будет снижаться. При этом какая бы ни была фактическая высота коэффициента рождаемости, сама по себе она еще не дает оснований говорить о якобы «неконтролируемой» рождаемости.

Высоким коэффициентам рождаемости сопутствуют, как правило, и высокие коэффициенты смертности, и особенно младенческой (в возрасте до одного года). В определенной степени высокий уровень младенческой смертности способствует поддержанию высокого уровня рождаемости, и не только вследствие воздействия социально-экономических факторов, но и биологических. В период вскармливания ребенка грудью вероятность следующего зачатия примерно вдвое меньше, чем при отсутствии лактации (в случае смерти младенца). При условии ранней смерти младенца интервалы между зачатиями сокращаются, что повышает в условиях естественной рождаемости коэффициент рождаемости.

Смерть детей, умерших на первом году жизни, отражается в показателях рождаемости лишь номинально. В 1967 г. Н. С. Соколова предложила назвать часть коэффициента рождаемости, образуемую за счет детей, родившихся живыми и умерших на первом году жизни, «бесполезной» рождаемостью, а часть, остающуюся после вычета «бесполезной» рождаемости, — редуцированным коэффициентом рождаемости¹.

Редуцированный коэффициент рождаемости, т. е. коэффициент рождаемости детей, переживающих первый год жизни, рассчитывается следующим образом:

$$n' = n (1 - 0,001 m_0),$$

где n' — редуцированный коэффициент рождаемости;
 n — общий коэффициент рождаемости;
 m_0 — коэффициент младенческой смертности.

¹ См. Соколова Н. С. О влиянии детской смертности на динамику рождаемости. — «Советское здравоохранение», 1967, № 2.

Общие и редуцированные коэффициенты рождаемости
в некоторых странах мира, ‰

Страны	Год	Общий коэффициент рождаемости	Коэффициент младенческой смертности	Редуцированный коэффициент рождаемости
Развивающиеся страны				
Мали	1960	62,0	250,0	46,5
Нигер	1960	61,0	200,0	48,8
Берег Слоновой Кости	1961	56,1	138,0	48,4
Гана	1960	55,8	113,1	49,5
Бенин	1961	54,0	110,0	48,1
Замбия (африканское население)	1963	51,3	259,0	38,0
Бурунди	1965	46,1	150,0	39,2
ЮАР (африканское население)	1966	45,6	136,1	39,4
Экономически развитые страны				
Нидерланды	1966	19,2	14,4	18,9
Англия и Уэльс	1965	18,4	19,0	18,1
Норвегия	1966	17,5	16,4	17,2
Франция	1966	17,5	21,8	17,1
Швеция	1965	15,9	12,4	15,7
Бельгия	1965	15,8	24,1	15,4

Этот простой метод может быть полезен и при сравнении коэффициентов рождаемости стран с резко различными уровнями младенческой смертности. Так, данные табл. 5 показывают, что, в то время как в отдельных экономически развитых странах Европы младенческая смертность почти не оказывает уже влияния на коэффициент рождаемости, в некоторых странах Африки вместе с элиминированием влияния младенческой смертности коэффициенты рождаемости существенно снижаются.

Следовательно, фактически наблюдаемые максимально высокие коэффициенты рождаемости в некоторых развивающихся странах или наблюдавшиеся в прошлом не могут служить стандартом для оценки уровня естественной рождаемости современного населения экономически развитых стран. Они свидетельствуют не только и не столько о рождаемости, сколько о демографической отсталости: высокой смертности, низкой продолжительности жизни, плохих санитарных условиях жизни населе-

ния. В условиях такого режима воспроизводства населения применение самых «точных» показателей уровня рождаемости — возрастных коэффициентов брачной рождаемости, коэффициентов суммарной рождаемости и т. п. — мало чем может помочь, поскольку все они находятся под воздействием тех же отрицательных факторов.

Нас же интересует уровень естественной рождаемости в современном населении с низкой смертностью, относительно высоким уровнем жизни и живущем в благоприятных санитарных условиях. По-видимому, такое сочетание может существовать только потенциально, в форме модели, так как сокращение детской смертности неизбежно превращает рождаемость в контролируруемую (на внутрисемейном уровне), поскольку при таких условиях плодовитость населения в среднем становится социально избыточной.

Некоторые зарубежные исследователи для оценки степени внутрисемейного ограничения рождаемости используют в качестве базы сравнения уровень брачной рождаемости небольшой религиозной секты гуттеритов¹.

¹ Гуттериты — одна из ветвей религиозной секты анабаптистов, названная по имени своего основателя, проповедника Якоба Гуттера. Возникла в эпоху Реформации в 1533 г. в Австрийском Тироле и Моравии. Подвергаясь религиозным преследованиям и католиков, и протестантов, гуттериты постепенно передвигались на восток и с 1770 до 1873 г. жили на Украине, где вели общинный сельскохозяйственный образ жизни. С 1874 г. эмигрировали в Северную Америку.

Секта живет замкнуто, увеличиваясь в основном только за счет исключительно высокого естественного прироста. С 1880 по 1950 г. ее численность увеличилась в 19 раз, с 443 до 8542 человек, а к 1965 г. еще удвоилась и составила 17 800 человек. Такие темпы роста населения объясняются тем, что у гуттеритов уникально сочетаются хорошие санитарные условия, относительно высокий уровень жизни, низкая заболеваемость и смертность и неограничиваемая рождаемость.

Такое уникальное сочетание привлекает интерес демографов к гуттеритам как к своеобразной естественной демографической лаборатории. В течение длительного времени уровень рождаемости гуттеритов был самым высоким в мире и служил моделью максимальной плодовитости (в среднем примерно 12 живорождений в течение брачной жизни женщины с 18 лет до конца репродуктивного периода). Правда, рождаемость гуттеритов нельзя, по-видимому, считать полностью неограничиваемой. Д. Итон и А. Мейер, проводившие наиболее глубокое демографическое обследование гуттеритов, обнаружили, что некоторые гуттеритские женщины прибегают после 35 лет к стерилизации с целью ограничения рождаемости. Кроме того, у гуттеритов не считается «грехом» половое воздержание с целью ограничения рож-

Сравнивая фактические показатели брачной рождаемости в разных странах или группах населения с показателями рождаемости гуттеритов, они рассматривают разницу между ними как показатель степени намеренного ограничения рождаемости¹. Такой подход представляется нам не совсем удовлетворительным.

Гуттериты — население уникальное по своему образу жизни, и поэтому их чрезвычайно высокие плодовитость и рождаемость вряд ли годятся в качестве стандарта для оценки естественной рождаемости обычного населения.

Более подходящим для этой цели представляется стандарт, разработанный на основе математической модели репродуктивного процесса, потому что такой подход позволяет использовать массовые фактические данные о параметрах естественной рождаемости современного населения. Используем одну из простейших таких моделей².

Рассмотрим репродуктивный процесс по этапам. В каждом менструальном цикле (для простоты принятом равным месяцу) замужняя женщина, живущая регулярной половой жизнью, имеет определенную вероятность зачатия при условии, что она не стерильна и не находится в одном из состояний, исключающих возможность зачатия: беременность, послеродовая аменорея. Если женщина становится беременной, то беременность закончится

даемости, но влияние воздержания на рождаемость гуттеритов определить не удалось. Во всяком случае, по наблюдениям Д. Итона и А. Мейера ни у одной гуттеритской женщины не было в течение жизни более 16 рождений, что косвенно указывает на некоторую степень намеренного ограничения рождаемости (*Eaton J. W., Mayer A. J. The Social Biology of Very High Fertility among the Hutterites: the Demography of a Unique Population.* — «Human Biology», 1953, v. 25, № 3).

¹ См., например: *Coale A. J. Factors Associated with the Development of Low Fertility: an Historic Summary.* — «Proceedings of the World Population Conference, Belgrade, 30 aug. — 10 sept. 1965», v. 2, N. Y., 1967, p. 206—209; *Coale A. J. The Decline of Fertility in Europe from the French Revolution to World War II.* — «Fertility and Family Planning: A World View», Ann Arbor, 1969, p. 4—5; *Carlsson G. The Decline of Fertility: Innovation or Adjustment Process.* — «Population Studies», 1966, v. 20, № 2, p. 160—162; *Espenshade T. J. A New Method for Estimating the Level of Natural Fertility in Populations Practicing Birth Control.* — «Demography», 1971, v. 8, № 4.

² В данном случае частично использована одна из моделей Миндель Шепс (*Sheps M. Pregnancy Wastage as a Factor in the Analysis of Fertility Data.* — «Demography», 1964, v. 1, № 1).

одним из возможных исходов, каждый из которых имеет определенную вероятность: живорождение, мертворождение или спонтанный аборт (поскольку речь идет о естественной рождаемости, вероятность искусственного аборта исключается).

Продолжительность беременности в зависимости от ее исхода есть также величина с определенным распределением вероятностей. После окончания беременности женщина временно стерильна в течение периода, продолжительность которого также различна в зависимости от исхода беременности. Затем она вновь становится способной к зачатию и весь процесс может повториться снова.

Формально можно считать, что, поскольку брачная пара сохраняет плодovitость (в данном случае способность к зачатию), женщина в любой момент времени находится в одном из следующих состояний: S_0 — овуляторная экспозиция (время отсрочки зачатия); S_1 — беременность; S_2 — стерильность после живорождения; S_3 — стерильность после мертворождения или спонтанного аборта. Когда женщина становится беременной, она из состояния S_0 переходит в состояние S_1 . Вероятность такого перехода есть месячная вероятность зачатия, коэффициент оплодотворяемости q . Если беременность закончится живорождением, то женщина переходит из состояния S_1 в состояние S_2 , если мертворождением или спонтанным абортом, то в состояние S_3 . Из любого последующего состояния она возвращается в состояние S_0 .

Обозначим вероятность определенного изменения состояния через V_i , а среднюю продолжительность периода стерильности, связанную с этим состоянием, — через t_i . Тогда V_2 — вероятность рождения живого ребенка, t_2 — средняя продолжительность беременности, заканчивающейся живорождением, плюс средняя продолжительность периода стерильности после живорождения; V_3 и t_3 означают соответствующие характеристики, связанные с внутриутробной смертностью. Средняя продолжительность периода овуляторной экспозиции (среднее ожидаемое время до зачатия) определяется как отношение $(1 - q) : q$. Отсюда средний интервал между зачатиями складывается как сумма трех периодов:

$$T_1 = \frac{1 - q}{q} + V_2 t_2 + V_3 t_3, \text{ где } V_2 + V_3 = 1.$$

Средний интервал между живорождениями определяется выражением

$$T_2 = \frac{1}{V_3} \cdot T_1.$$

Среднемесячный коэффициент живорождаемости будет обратно пропорционален величине интервала между живорождениями, т. е.

$$F = \frac{1}{T_2}; \text{ или } F = \frac{V_2}{\frac{1-\rho}{\rho} + V_2 t_2 + V_3 t_3}; \text{ или}$$

$$F = \frac{\rho V_2}{1 + \rho (V_2 t_2 + V_3 t_3 - 1)}.$$

Чтобы перейти от этого выражения к годовому коэффициенту брачной рождаемости (в расчете на 1000 замужних женщин), умножим F на 12 месяцев и на 1000. Кроме того, теперь учтем, что какая-то часть замужних женщин бесплодна и какая-то часть не живет половой жизнью вследствие длительной разлуки с мужьями. Обозначим доли этих женщин соответственно через α и β . Окончательный вид модели будет таким:

$$F = \frac{12 \cdot 1000 \cdot \rho V_2 (1 - \alpha - \beta)}{1 + \rho (V_2 t_2 + V_3 t_3 - 1)}.$$

По этой модели можно было бы получить распределение всех возрастных коэффициентов брачной рождаемости, подставляя изменяющиеся с возрастом значения ρ , V , t , α . Однако изменение параметров плодovitости в зависимости от возраста еще мало изучено. По этим причинам для расчета гипотетических показателей естественной рождаемости более пригодны предельные, а не средние значения параметров плодovitости и рождаемости.

При этом целесообразно определить *минимум* естественной рождаемости, т. е. такую величину, относительно которой можно быть уверенным, что ниже ее уровень брачной рождаемости не мог бы опуститься в нормальных санитарных условиях¹, при отсутствии намеренного ограничения рождаемости. Для этого в приведенной выше модели нужно задать такие критические значения

¹ Условно под нормальными санитарными условиями понимается отсутствие значительной заболеваемости населения болезнями, снижающими плодovitость.

q, V, t, α, β , которые были бы наименее благоприятными, но в пределах нормальных санитарных условий.

На основе проведенного ранее анализа произведем выбор таких критических значений сначала только для возрастной группы женщин 20—24 года, потому что в этом возрасте плодовитость максимальная, а индивидуальные различия ее наименьшие, а также потому, что параметры плодовитости этой возрастной группы изучены относительно лучше.

Месячная вероятность зачатия q статистически измеряется процентом женщин, забеременевших в течение менструального цикла (практически одного месяца), от общего числа женщин в начале цикла (месяца)¹. Эта вероятность для женщин в возрасте 20—29 лет (при половой жизни без контрацепции) оценивается в среднем от 15 до 25%. Принимаем $q=0,15$.

Величину всей внутриутробной смертности условно принимаем в размере 20% общего числа беременностей (2% — мертворождения и 18% — спонтанные аборты). Отсюда вероятность рождения живого ребенка $V_2=0,8$, вероятность внутриутробной смерти плода $V_3=0,2$. Полагая для простоты, что все матери, родившие живого ребенка, кормят его грудью в среднем 9 месяцев (т. е. игнорируя неонатальную смертность), принимаем $t_2=18$ месяцев. Интервал t_3 рассчитывается по данным табл. 4 как взвешенная арифметическая средняя из длительности стерильных периодов при мертворождении и спонтанном аборте:

$$t_3 = (8 + 2) \frac{0,02}{0,20} + (3 + 1) \frac{0,18}{0,20} = 4,6 \text{ месяца.}$$

Примерно 3—6% замужних женщин в возрасте 20—24 года полностью бесплодны². Принимаем максимальное значение $\alpha=0,06$.

¹ Способ расчета месячной вероятности зачатия описан в кн. Р. Пресса «Народонаселение и его изучение» (с. 240—243).

² По данным обследования ЦСУ СССР 1960 г. среди женщин, состоявших в первом браке более 10 лет, доля инфертильных составила 4,2% (без дифференциации по возрасту), а среди женщин, вступивших в брак в возрасте 18—19 лет, — всего 2,5% в среднем (см.: Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР, с. 90—91). Доля абсолютно стерильных супружеских пар с женой в возрасте 20—24 года по результатам исследования Л. Анри, относившихся к европейскому населению, не ограничивавшему рождаемость, составляла 3—6%.

Доля браков, в которых супруги живут раздельно в течение длительного времени, в некоторых случаях может оказывать отрицательное влияние на уровень рождаемости. Так, в конце XIX в. уход из деревень в города на заработки значительной части мужчин оказывал значительное влияние на уровень рождаемости сельского населения в некоторых русских губерниях¹.

Современные оценки существенности влияния разлук супругов на уровень рождаемости встречаются крайне редко. Согласно одной из оценок, сделанной индийским ученым Мони Нагом, существенным показателем частоты разлук является доля 5% и более супругов, находящихся в разлуке². Отсюда принимаем $\beta = 0,05$.

Теперь можно подставить принятые критические значения в модель:

$$F_{20-24} = \frac{12 \cdot 1000 \cdot 0,15 \cdot 0,80 (1 - 0,06 - 0,05)}{1 + 0,15 (0,80 \cdot 18 + 0,20 \cdot 4,6 - 1)} = 407,6\%_0.$$

Округлив полученный результат до 400%₀, можно с уверенностью утверждать, что коэффициент брачной рождаемости в возрастной группе женщин 20—24 года не может быть ниже этой оценки при отсутствии искусственного ограничения рождаемости и нормальных санитарных условиях.

Для получения остальных возрастных минимальных коэффициентов естественной рождаемости³ воспользуемся средним распределением показателей брачной рождаемости различных населений (по данным специальных исследований), о которых имеются достаточно надежные статистические сведения (табл. 6). Это самые высокие коэффициенты брачной рождаемости, отмеченные когда-либо, что косвенно указывает на отсутствие искусственного ограничения рождаемости или на его небольшие

(Henry L. Some Data on Natural Fertility. — «Eugenics Quarterly», 1961, v. 8, № 2, p. 85); в американском исследовании GAF 1960 для абсолютно стерильных супружеских пар с женой в возрасте 18—24 года — 3% в среднем, в возрасте 25—29 лет — 6% (Kiser C. V., Grabill W. H., Campbell A. A. Trends and Variations in Fertility in the United States. Cambridge, 1968, p. 33).

¹ См.: Жбанков Д. Н. Влияние отхожих заработков на движение населения. Спб., 1895.

² Nag M. Factors Affecting Human Fertility in Nonindustrial Societies, Across Cultural Study. New Haven, 1962, p. 98.

³ За исключением возрастной группы 15—19 лет, которая не принимается в расчет по причинам, изложенным ранее.

масштабы. Дополнительным критерием отбора было требование, чтобы коэффициенты брачной рождаемости в возрастной группе женщин 20—24 года превышали 400‰.

Таблица 6

Возрастные коэффициенты брачной рождаемости некоторых населений, не ограничивавших рождаемость

Населения	Число живорожденных в браке на 1000 замужних женщин соответствующей возрастной группы, лет					
	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49
Гуттериты (США) — браки 1921—1930 гг.	549	502	447	406	236	63
Женевская буржуазия — когорты 1600—1649 гг. рождения мужей	525	485	429	287	141	16
Французы в Канаде — браки 1700—1730 гг.	509	496	484	410	231	30
Соттевиль ле Руан (Нормандия) — браки и годы рождения 1760—1790 гг.	480	450	410	315	125	10
Гуттериты (США) — браки, заключенные до 1921 г.	475	451	425	374	205	29
Европейцы Туниса — браки 1840—1859 гг.	468	430	402	324	190	13
Крюлэ (Нормандия) — браки 1674—1742 гг.	440	420	375	280	140	10
Узбекская ССР — сельское население; 1958—1959 гг.*	420	407	392	302	225	121
В среднем	483	455	421	337	187	37
В среднем, %	100,0	94,2	87,2	69,8	38,7	7,7
Минимальные коэффициенты естественной рождаемости	400	377	349	279	155	31

* Коэффициенты брачной рождаемости для сельского населения Узбекской ССР получены приближенно путем деления возрастных коэффициентов рождаемости (по данным выборочного исследования, проведенного А. М. Хамитовой) на доли женщин, состоящих в браке по итогам переписи населения 1959 г. Такой способ расчета представляется в данном случае правомерным, поскольку число внебрачных детей в сельском населении Среднеазиатских республик очень мало.

Источники: Хамитова А. М. Воспроизводство населения Узбекистана и его санитарная оценка. Автореф. канд. дис. М., 1964; Eaton J. W., Mayer A. J. The Social Biology of Very High Fertility among the Hutterites: the Demography of a Unique Population. — «Human Biology», 1953, v. 25, № 3; Henripin J. La population canadienne au debut du XVIII scécle. Paris, 1954; Henry L. Some Data on Natural Fertility. — «Eugenics Quarterly», 1961, v. 8, № 2.

Полученное в нижней строке табл. 6 распределение минимальных возрастных коэффициентов брачной рождаемости очерчивает пограничную кривую гипотетического минимума естественной рождаемости (ГМЕР). *Ниже этой границы уровень брачной рождаемости может опуститься под влиянием только 4 причин: недоучета числа родившихся; высокой доли бесплодных супругов; высокой доли раздельно живущих супругов и, наконец, намеренного ограничения рождаемости в браке.*

Наложив затем полученные возрастные коэффициенты ГМЕР на фактическую брачно-возрастную структуру женского населения в репродуктивном возрасте, можно получить предельно низкие гипотетические специальные и общие коэффициенты естественной рождаемости для реального конкретного населения и конкретного периода времени. Для сравнения фактических показателей рождаемости с гипотетическими показателями естественной рождаемости наиболее наглядными и в большинстве случаев вполне достаточными будут общие коэффициенты (т. е. в расчете на 1000 человек всего населения). Расчет может вестись несколькими способами в зависимости от характера исходных данных.

Если известны возрастная структура замужних женщин и распределение живорожденных в браке по возрасту матерей (за период, на середину которого приходится возрастная структура замужних женщин), то общий коэффициент ГМЕР можно рассчитать следующим образом. Перемножив числа замужних женщин на соответствующие минимальные возрастные коэффициенты естественной рождаемости (принимаемые за стандарт) и сложив произведения, получаем в сумме гипотетическое число родившихся у замужних женщин в возрасте 20—49 лет.

Иначе говоря, мы получаем число детей, которое как минимум непременно родилось бы у замужних женщин 20—49 лет, если бы не ограничивалось искусственно. Поскольку модель естественной рождаемости ограничена возрастным интервалом 20—49 лет, необходимо отдельно решить вопрос относительно числа родившихся вне брака и у матерей моложе 20 и старше 49 лет. Наиболее верным представляется оставить фактическое число неизменным (т. е. считать, что число родившихся вне брака и у матерей моложе 20 и старше 49 лет в условиях есте-

ственной рождаемости было бы таким же, каким оно и есть фактически).

Получить это число можно как разность между общим фактическим числом родившихся и числом родившихся у замужних женщин в возрасте 20—49 лет. Прибавив эту разность к гипотетическому числу родившихся у замужних женщин в возрасте 20—49 лет при условии естественной рождаемости, получаем общее гипотетическое минимальное число живорожденных. Остается только разделить этот итог на среднюю (для данного расчетного периода времени) численность населения и мы получим общий коэффициент ГМЕР. Этот способ расчета можно представить в виде формулы

$$n_{\text{ГМЕР}} = \frac{\sum_{20}^{49} W_x^m \cdot 0,001 \cdot F_x^0 + \left(N - \sum_{20}^{49} N_x^m \right)}{\bar{S}} \cdot 1000,$$

где $n_{\text{ГМЕР}}$ — общий коэффициент ГМЕР;
 F_x^0 — минимальные возрастные коэффициенты брачной естественной рождаемости (стандарт);
 N — общее фактическое число родившихся;
 N_x^m — фактическое число родившихся в браке у матерей в возрасте x ;
 W_x^m — число замужних женщин в возрасте x ;
 \bar{S} — средняя численность населения.

Второй способ расчета можно использовать в том случае, если известны возрастные коэффициенты брачной рождаемости и распределение живорожденных в браке по возрасту матерей. Этот способ отличается от первого только предварительным нахождением числа замужних женщин в возрасте x . Его можно выразить в виде следующей формулы:

$$n_{\text{ГМЕР}} = \frac{\sum_{20}^{49} \frac{N_x^m \cdot 0,001 \cdot F_x^0}{0,001 \cdot F_x^m} + \left(N - \sum_{20}^{49} N_x^m \right)}{\bar{S}} \cdot 1000,$$

где F_x^m — фактические возрастные коэффициенты брачной рождаемости.

Наконец, третий, самый грубый способ расчета можно использовать, если в распоряжении исследователя

имеются только данные о возрастном составе замужних женщин (по переписи населения или расчетные). В этом случае, перемножив числа замужних женщин по пятилетним возрастным группам на соответствующие минимальные возрастные коэффициенты брачной естественной рождаемости, получаем гипотетическое число живорожденных в браке у матерей в возрасте 20—49 лет, которое как минимум родилось бы у этих женщин при условии естественной рождаемости.

Несколько сложнее в этом случае решается вопрос о числе родившихся вне брака и у матерей моложе 20 и старше 49 лет. В каждом конкретном случае здесь может быть принята та или иная гипотеза. Рассчитанная нами доля родившихся вне брака и у матерей моложе 20 и старше 49 лет по 32 экономически развитым странам в 1960-х гг. составила в среднем $11,5 \pm 1,8\%$ фактического общего числа живорожденных, или 6% по отношению к гипотетической сумме живорожденных в браке у матерей в возрасте 20—49 лет. Увеличив гипотетическую сумму родившихся в браке у матерей в возрасте 20—49 лет на 6% , получим общее гипотетическое число живорожденных. Затем обычным порядком, путем деления полученного итога на среднюю численность всего населения, находим общий коэффициент ГМЕР. Этот способ расчета можно выразить следующей формулой:

$$n^{\text{ГМЕР}} = \frac{1,06 \cdot \sum_{20}^{49} W_x^m \cdot 0,001 \cdot F_x^0}{\bar{S}} \cdot 1000.$$

Сочетание двух общих коэффициентов — фактической и естественной рождаемости (ГМЕР) — позволяет, думается, решить спор о роли факторов структуры и факторов поведения на количественной основе, а также открывает интересные возможности для простого и наглядного сравнительного анализа. При этом то, что обычно является недостатком общего коэффициента (его обобщенность), становится его преимуществом. Коэффициент ГМЕР одним числом характеризует брачно-возрастную структуру населения с точки зрения социально-биологического потенциала рождаемости, а величина отклонения фактического уровня от естественного минимума (конкретного в каждом отдельном случае) дает

хотя и приближенное, но вполне реальное представление о степени реализации потенциала рождаемости.

Коэффициенты ГМЕР сопоставимы и пригодны для территориальных и динамических сравнений. Так, увеличение или уменьшение коэффициента ГМЕР свидетельствует об улучшении или ухудшении брачно-возрастной структуры с точки зрения потенциала рождаемости. Величина отклонения фактического коэффициента рождаемости от ГМЕР также является показателем, пригодным для территориальных и динамических сравнений, поскольку является показателем, стандартизованным дважды: и по плодовитости, и по брачно-возрастной структуре репродуктивного контингента женщин.

В тех случаях, когда учет рождений достаточно полный, а величина бесплодия и длительных разлук супругов незначительна, этот показатель может быть назван коэффициентом *минимума намеренного ограничения рождаемости (МНОР)*. Правда, абсолютная величина коэффициента МНОР в какой-то степени зависит от абсолютной величины фактических и гипотетических коэффициентов рождаемости. Поэтому для территориальных сопоставлений, пожалуй, более пригодны относительные показатели степени реализации ГМЕР, которые рассчитываются как отношение общего коэффициента рождаемости к коэффициенту ГМЕР и выражаются в процентах.

Посмотрим теперь, как «работает» коэффициент ГМЕР. В табл. 7 представлены результаты расчетов коэффициентов ГМЕР по многим странам мира. Для большинства стран, представленных в таблице, коэффициенты ГМЕР рассчитаны вторым способом (для ГДР, Румынии, Италии и АРЕ — третьим способом). Страны в таблице расположены в порядке возрастания относительного показателя степени реализации ГМЕР (последняя графа таблицы).

Анализ данных табл. 7 приводит к ряду выводов. Прежде всего, неограниченную, вернее, почти неограниченную рождаемость (и, по-видимому, достаточно полный учет рождений) можно констатировать в трех районах: Юго-Западная Африка (африканское население), Восточное Самоа и Реюньон, т. е. там, где фактический уровень рождаемости превышает свой естественный минимум.

Фактический уровень рождаемости и ГМЕР в некоторых странах мира

А	Годы	%			Относительная степень реализации ГМЕР ($\frac{\text{ОКР}}{\text{ГМЕР}} \cdot 100$)
		ОКР	ГМЕР	(ОКР—ГМЕР) (-1)*	
	1	2	3	4	5
Румыния	1965—1966	14,5	54,5	40,0	26,6
Венгрия	1963	13,1	48,6	35,5	27,0
Болгария	1965—1966	15,1	55,0	39,9	27,5
ГДР	1966—1967	15,3	46,1	30,8	33,2
Западный Берлин *	1963	11,9	35,1	23,2	33,9
Чехословакия	1961	15,8	45,3	29,5	34,9
Люксембург	1960	16,0	43,0	27,0	37,2
Швеция	1963	14,8	38,9	24,1	38,0
Япония	1960	17,2	43,0	25,8	40,0
Бельгия	1961	17,3	42,7	25,4	40,5
Дания	1963	17,6	42,1	24,5	41,8
Греция	1961	17,9	42,0	24,1	42,6
ФРГ	1963	18,5	43,1	24,6	42,9
Англия и Уэльс	1964	18,5	42,4	23,9	43,6
Италия	1965—1966	19,1	43,6	24,5	43,8
Норвегия	1960	17,3	38,5	21,2	44,9
Франция	1963	18,2	40,1	21,9	45,3
Алжир (европейское население)	1955	18,7	40,7	22,0	45,9
Швейцария	1960	17,6	38,1	20,5	46,2
Финляндия	1963	18,1	39,1	21,0	46,3
Польша	1960	22,3	47,3	25,0	47,1
Австрия	1961	18,6	38,8	20,2	47,9
Шотландия	1964	20,0	41,1	21,1	48,7
США	1960	23,7	46,9	23,2	50,5
Австралия	1961	22,8	44,6	21,8	51,1
Нидерланды	1963	20,9	39,2	18,3	53,3
Южно-Африканская Республика (европейское население)	1960	24,8	45,5	20,7	54,5
Испания	1960	21,8	39,1	17,3	55,8
Канада	1961	26,0	45,5	19,5	57,1
Португалия	1960	24,2	41,5	17,3	58,3
Юго-Западная Африка (европейское население)	1960	30,3	51,2	20,9	59,2
Новая Зеландия	1961	27,1	45,2	18,1	60,0
Новая Гвинея (европейское население)	1961	29,0	48,0	19,8	60,4

* Имеет особый статус.

А	Годы	%			Относительная степень реализации ГМЕР ($\frac{\text{ОКР}}{\text{ГМЕР}} \cdot 100$)
		ОКР	ГМЕР	(ОКР— —ГМЕР) (—1)*	
	1	2	3	4	5
Филиппины	1960	29,6	46,6	17,0	63,5
Мальта	1958	26,5	36,1	9,6	73,4
Бенин (африканское население)	1961	54,0	67,6	13,6	79,9
Гуам	1960	36,7	44,2	7,5	83,0
Ирландия	1961	21,2	25,5	4,3	83,1
Гвинея (африканское население)	1955	62,0	73,9	11,9	83,9
Чили	1960	35,7	42,5	6,8	84,0
АРЕ	1960	43,1	48,1	5,0	89,6
Панама	1960	40,8	45,5	4,7	89,7
Гваделупа	1961	35,7	37,7	2,0	94,7
Сальвадор	1962	48,4	50,5	2,1	95,8
Мартиника	1961	36,3	37,9	1,6	95,8
Гренландия	1960	48,6	50,6	2,0	96,0
Юго-Западная Африка (африканское население)	1960	46,2	45,9	—0,3	100,7
Восточное Самоа	1960	42,9	41,6	—1,3	103,1
Реюньон	1961	43,9	42,0	—1,9	104,5

* Отклонение фактического уровня рождаемости от ГМЕР в графе 4 показывается с обратным знаком, чтобы избежать большого числа знаков минус.

Страны Латинской Америки (Панама, Гваделупа, Сальвадор, Чили), АРЕ, Гренландия и ряд других имеют уровень рождаемости, близкий к естественному минимуму, но все-таки несколько ниже. Конкретный анализ по каждой стране может показать, какие из четырех факторов в какой степени обуславливают разницу между фактическими и гипотетическими показателями рождаемости в этих странах (такой анализ не входит сейчас в задачу автора). Даже максимальные фактические коэффициенты рождаемости в Бенине (54,0‰) и в Гвинее (62,0‰) оказались значительно ниже своих естественных минимумов (соответственно 67,6 и 73,9‰). По-видимому, в данном случае разница обусловлена в основном недоучетом числа рождений и, возможно, высокой

долей бесплодия. Но, несомненно, влияют и социальные факторы, ограничивающие рождаемость¹.

Во всяком случае, главное, на что хотелось бы здесь обратить внимание, — это то, что, какая бы ни была высота общих коэффициентов рождаемости, сама по себе она не свидетельствует о степени реализации социально-биологического потенциала рождаемости. Это особенно хорошо видно на примере Ирландии. Хотя фактический коэффициент рождаемости в Ирландии в 1961 г. составлял 21,2‰, что соответствует среднему уровню для стран с широким распространением внутрисемейного ограничения рождаемости, необычайно низкий коэффициент ГМЕР, превышающий фактический уровень всего на 4,3‰, показывает, что в данном случае уровень рождаемости почти целиком определяется особенностями брачно-возрастной структуры населения. Степень внутрисемейного ограничения рождаемости в Ирландии такая же, как в африканских и латиноамериканских странах, хотя фактический общий коэффициент рождаемости вдвое ниже. Если бы брачно-возрастная структура населения Ирландии была бы такая же, как, например, в Болгарии, то коэффициент рождаемости в Ирландии в 1961 г. мог бы составлять 50,7‰ (55,0‰ — 4,3‰).

Если имеются данные о возрастной брачной рождаемости за ряд лет, можно с помощью коэффициентов ГМЕР показать изменение потенциала рождаемости и степени его ограничения за любой соответствующий этим данным период. Такая динамика показателей за ряд лет по отдельным социалистическим и капиталистическим странам представлена в табл. 8.

Так, в Болгарии до 1955—1958 гг. происходило улучшение брачно-возрастной структуры населения (и городского, и сельского), на что указывает рост величины ко-

¹ Правда, нужно иметь в виду, что принятые в модели ГМЕР критические значения вероятностей V_2 , V_3 и периодов стерильности t_2 , t_3 не совсем пригодны для стран с очень высокой рождаемостью и соответственно высокой мертворождаемостью и младенческой смертностью. Коэффициенты ГМЕР для Бенина и Гвинеи в какой-то степени завышены (поскольку завышена вероятность живорождения V_2) и одновременно занижены (поскольку завышен период t_2). Думается, не так трудно проанализировать и установить, в какой степени эти противоположные факторы перекрывают друг друга и что же остается в результате. Нетрудно также скорректировать модель. Однако сейчас это не входит в тему данной книги.

эффициента ГМЕР. Затем в первой половине 1960-х гг. брачно-возрастная структура населения несколько ухудшилась (с точки зрения потенциала рождаемости). Различия между городским и сельским населением как в величине потенциала рождаемости, так и в степени его ограничения невелики на протяжении длительного периода времени, хотя, конечно же, в сельской местности степень ограничения рождаемости неизменно была меньше, чем в городах.

Таблица 8

Динамика ОКР и ГМЕР в некоторых социалистических и капиталистических странах

	Годы	ОКР	ГМЕР	(ОКР— —ГМЕР) (—1)	Относительная степень реализации ГМЕР $(\frac{ОКР}{ГМЕР} \cdot 100)$
Болгария (все население)	1925—1928	35,2	51,5	16,3	68,3
	1933—1936	27,9	53,6	25,7	52,1
	1945—1948	24,6	54,4	29,8	45,2
	1955—1958	19,0	56,7	37,7	33,5
	1965—1966	15,1	55,0	39,9	27,5
городское население	1925—1928	26,4	48,9	22,5	54,0
	1933—1936	20,2	48,6	28,4	41,6
	1945—1948	23,1	50,9	27,8	45,4
	1955—1958	17,4	58,9	41,5	29,5
	1965—1966	15,1	58,5	43,4	25,8
сельское население	1925—1928	37,4	52,2	14,8	71,6
	1933—1936	30,0	55,0	25,0	54,5
	1945—1948	25,1	55,5	30,4	45,2
	1955—1958	19,8	55,6	35,8	35,6
	1965—1966	15,2	51,8	36,6	29,3
Венгрия	1960	14,7	49,1	34,4	29,9
	1961	14,0	49,0	35,0	28,6
	1962	12,9	49,2	36,3	26,2
	1963	13,1	48,6	35,5	27,0
	1964	13,1	48,9	35,8	26,8
	1965	13,1	48,5	35,4	27,0
	1966	13,6	48,5	34,9	28,0
	1967	14,6	48,8	34,2	29,9
	1968	15,1	48,8	33,7	30,9
	1969	15,0	48,8	33,8	30,7
	1970	14,7	48,7	34,0	30,2
	1971	14,6	48,7	34,1	30,0
	1972	14,7	48,8	34,1	30,1
	1973	15,0	49,0	34,0	30,1

	Годы	ОКР	ГМЕР	(ОКР— —ГМЕР) (—1)	Относитель- ная степень реализации ГМЕР ($\frac{\text{ОКР}}{\text{ГМЕР}} \cdot 100$)
Чехословакия	1961	15,8	45,3	29,5	34,9
	1967	15,1	45,9	30,8	32,9
Австралия	1961	22,8	44,6	21,8	51,1
	1966	19,3	44,2	24,9	43,7
Австрия	1961	18,6	38,8	20,2	47,9
	1968	17,1	40,4	23,3	42,3
Англия и Уэльс	1964	18,5	42,4	23,9	43,6
	1968	17,1	42,8	25,7	40,0
Бельгия	1961	17,3	42,7	25,4	40,5
	1970—1971	14,7	41,4	26,7	35,5
Дания	1963	17,6	42,1	24,5	41,8
	1966	18,4	43,4	25,0	42,4
Ирландия	1961	21,2	25,5	4,3	83,1
	1966	21,6	26,6	5,0	81,2
Нидерланды	1963	20,9	39,2	18,3	53,3
	1968	18,6	41,1	22,5	45,3
	1971	17,2	41,9	24,7	41,1
Финляндия	1963	18,1	39,1	21,0	46,3
	1967	16,5	39,9	23,4	41,4
Франция	1963	18,2	40,1	21,9	45,4
	1967	16,9	40,4	23,5	41,8
	1971	16,7	40,2	23,5	41,5
ФРГ	1963	18,5	43,1	24,6	42,9
	1967	17,3	42,6	25,3	40,6
	1970	13,4	43,2	29,8	31,0

Рассчитано по: «Demographic Yearbook» за 1965 и 1969 гг. и национальным статистическим ежегодникам за соответствующие годы.

Другими словами, рождаемость сельского населения Болгарии выше, чем городского, в то время как общие коэффициенты рождаемости городского и сельского населения почти одинаковы (в 1965—1966 гг. соответственно 15,1 и 15,2‰). Нужно отметить также, что до второй мировой войны потенциал рождаемости в селах Болгарии был выше, чем в городах, а после войны соотношение изменилось: демографическая структура городского населения стала более благоприятной для рождаемости, чем сельского.

На примере Венгрии имеется возможность наблюдать изменение ситуации в каждом году с 1960 по 1973 г.

В 1962 г. общий коэффициент рождаемости в Венгрии был самым низким в мире. В то же время и потенциал рождаемости и степень его ограничения были самыми высокими. Затем началось постепенное повышение общего коэффициента рождаемости, вопреки некоторому ухудшению брачно-возрастной структуры населения (до 1966 г.). В результате наблюдается уменьшение разности между ГМЕР и ОКР, т. е. уменьшение степени намеренного ограничения рождаемости (и, наоборот, увеличение степени реализации ГМЕР) вплоть до 1968 г. Отсюда можно констатировать, что с 1963 по 1968 г. в Венгрии происходило повышение рождаемости за счет повышения интенсивности деторождения, а не за счет изменений в демографической структуре населения (правда, это повышение могло быть и результатом изменений в величине интервалов между рожденьями детей). С 1969 по 1973 г. степень реализации ГМЕР в Венгрии стабилизировалась на уровне примерно 30%.

Можно видеть, что в большинстве из представленных в таблице стран степень намеренного ограничения рождаемости увеличилась, а степень реализации социально-биологического минимума рождаемости понизилась независимо от характера динамики грубого показателя рождаемости. Например, в Ирландии за период с 1961 по 1966 г. повысились и общий коэффициент рождаемости и коэффициент ГМЕР, но последний в большей степени. Поскольку при этом степень реализации ГМЕР понизилась, можно констатировать, что в действительности рождаемость в Ирландии медленно снижается при улучшении брачно-возрастной структуры населения.

Для нашей страны показатели ГМЕР рассчитаны по данным переписей населения 1959 и 1970 гг. о возрастной структуре замужних женщин, т. е. третьим способом. Так как переписи населения в нашей стране проводятся на начало года, то показатели рождаемости (и ОКР и ГМЕР) рассчитаны как средняя за двухлетний период. Эти показатели представлены в табл. 9. Союзные республики расположены в таблице в порядке возрастания показателя относительной степени реализации ГМЕР за 1969—1970 гг. Данные таблицы наглядно показывают, за счет каких факторов сложился тот или иной уровень рождаемости. Особенно это заметно было в 1958—1959 гг. Так, например, в то время как фактический коэффициент

рождаемости в Молдавской ССР (31,2‰) намного превышал соответствующий показатель в Литовской ССР (22,8‰), разница в относительной степени реализации ГМЕР была небольшой (соответственно 59,4 и 51,5%). Следовательно, разница в общих коэффициентах рождаемости в Молдавии и Литве в 1958—1959 гг. была в основном следствием только различий в брачно-возрастной структуре населения.

Таблица 9

**Фактический уровень рождаемости и ГМЕР в СССР
и союзных республиках в 1958—1959 и 1969—1970 гг., ‰**

	Годы	ОКР	ГМЕР	(ОКР— ГМЕР) (—I)	Относительная степень реализации ГМЕР $\left(\frac{\text{ОКР}}{\text{ГМЕР}} \cdot 100\right)$
СССР	1958—1959	25,2	49,3	24,1	51,1
	1969—1970	17,2	46,8	29,6	36,8
РСФСР	1958—1959	23,9	49,2	25,3	48,6
	1969—1970	14,4	47,2	32,8	30,5
Украинская ССР	1958—1959	21,0	48,8	27,8	43,0
	1969—1970	15,0	48,7	33,7	30,8
Латвийская ССР	1958—1959	16,7	45,5	28,8	36,7
	1969—1970	14,3	46,1	31,8	31,0
Эстонская ССР	1958—1959	16,6	45,4	28,8	36,6
	1969—1970	15,7	45,1	29,4	34,8
Белорусская ССР	1958—1959	25,6	46,9	21,3	54,6
	1969—1970	16,1	46,3	30,2	34,8
Литовская ССР	1958—1959	22,8	44,3	21,5	51,5
	1969—1970	17,5	46,3	28,8	37,8
Молдавская ССР	1958—1959	31,2	52,5	21,3	59,4
	1969—1970	19,2	47,5	28,3	40,4
Грузинская ССР	1958—1959	23,8	49,7	25,9	47,9
	1969—1970	19,0	46,5	27,5	40,9
Армянская ССР	1958—1959	40,7	52,1	11,4	78,1
	1969—1970	22,5	45,2	22,7	49,8
Казахская ССР	1958—1959	36,8	50,3	13,5	73,2
	1969—1970	23,4	46,5	23,1	50,3
Киргизская ССР	1958—1959	34,2	51,8	17,6	66,0
	1969—1970	30,3	42,4	12,1	71,5
Азербайджанская ССР	1958—1959	41,0	51,2	10,2	80,1
	1969—1970	29,3	40,9	11,6	71,6
Узбекская ССР	1958—1959	37,5	51,5	14,0	72,8
	1969—1970	33,2	40,9	7,7	81,2
Таджикская ССР	1958—1959	29,7	55,2	25,5	53,8
	1969—1970	34,8	41,8	7,0	83,3
Туркменская ССР	1958—1959	39,6	53,8	14,2	73,6
	1969—1970	34,8	41,4	6,6	84,1

В 1969—1970 гг. различия между этими двумя республиками и в фактических показателях и в величине потенциалов рождаемости значительно сократились. Причем если в Литовской ССР коэффициент ГМЕР за межпереписной период несколько возрос (с 44,3 до 46,4‰), то в Молдавской ССР коэффициент ГМЕР, напротив, значительно снизился (с 52,5 до 47,5‰). Иными словами, уменьшение различий в демографической структуре населения Молдавской и Литовской ССР (с точки зрения потенциала рождаемости) происходило при некотором улучшении брачно-возрастной структуры репродуктивного контингента женщин в Литовской ССР и ухудшении ее в Молдавской ССР. В то же время степень ограничения рождаемости в обеих республиках осталась почти одинаковой (вернее, увеличилась почти в одинаковой степени).

Сравнение коэффициентов ГМЕР показывает, что в целом по СССР потенциал рождаемости в 1969—1970 гг. несколько уменьшился по сравнению с 1958—1959 гг., а степень внутрисемейного ограничения рождаемости увеличилась. По союзным республикам характер динамики показателей был различным. Так, кроме Литовской ССР, несколько улучшилась демографическая структура населения также в Латвийской ССР. Почти не изменилась величина потенциала рождаемости в РСФСР, Украинской, Белорусской и Эстонской ССР. Следовательно, уменьшение фактического коэффициента рождаемости в этих республиках за межпереписной период произошло почти исключительно за счет увеличения степени намеренного ограничения рождаемости с помощью контрацепции и абортов.

Напротив, в республиках Средней Азии произошли большие изменения в брачно-возрастной структуре населения, на что указывает резкое снижение коэффициента ГМЕР. Если в 1958—1959 гг. потенциал рождаемости Среднеазиатских республик был самым высоким в СССР (максимум 55,2‰ в Таджикской ССР), то в 1969—1970 гг. он стал самым низким (минимум 40,9‰ в Узбекской ССР)¹.

¹ Такой характер изменения коэффициента ГМЕР обусловлен главным образом изменением удельного веса замужних женщин 20—49 лет во всем населении (коэффициент ранговой корреляции

Между прочим, в республиках Средней Азии за межпереписной период относительная степень реализации ГМЕР не снизилась, как во всех остальных республиках, а увеличилась. Это, казалось бы, свидетельствует о повышении рождаемости за счет сокращения степени внутрисемейного ограничения рождаемости. Однако такой вывод был бы ошибочным¹. Конкретные исследования (результаты которых будут рассматриваться в дальнейших разделах книги) показывают, что влияние социальных факторов (например, таких, как индустриализация, урбанизация, рост образовательного уровня и социальной активности женщин и т. д.) оказывает на уровень рождаемости, в принципе, одинаковое по направлению влияние.

Таким образом, логичнее считать, что более высокая разница между ОКР и ГМЕР в республиках Средней Азии в 1958—1959 гг. по сравнению с 1969—1970 гг. не отражает истинной динамики степени внутрисемейного ограничения рождаемости вследствие существовавшего еще в то время в этих республиках некоторого недоучета рождений. И отсюда увеличение относительной степени реализации ГМЕР в республиках Средней Азии говорит не об увеличении рождаемости, а только об улучшении учета рождений.

Спирмэна между этими долями по переписи 1970 г и соответствующими показателями ГМЕР составил +0,885).

По итогам переписи 1970 г удельный вес замужних женщин 20—49 лет в населении был самым высоким на Украине (17,6%), в РСФСР (17,0%) и Молдавии (17,0%), а самый низкий — в Узбекистане (13,7%), Азербайджане (13,7%), Туркмении (13,8%) и Таджикистане (13,9%). Если за период между переписями 1959 и 1970 гг. доля замужних женщин в населении Украины, Белоруссии, РСФСР, Литвы, Латвии и Эстонии повысилась, то в республиках Средней Азии и в Азербайджане она заметно сократилась, что и явилось фактором сокращения коэффициента ГМЕР. Другим фактором было сокращение доли женщин 20—29 лет в составе замужних женщин 20—49 лет, которое произошло во всех союзных республиках, хотя и в разной степени. Противоречивое действие названных основных двух факторов привело к тому, что в одних республиках коэффициент ГМЕР изменился мало, в других — резко сократился (там, где оба фактора действовали однозначно).

¹ Хотя, возможно, некоторое повышение рождаемости в старших возрастных группах женщин могло происходить за счет сокращения смертности мужчин в репродуктивном возрасте и отсюда увеличение средней продолжительности периода брачной жизни в этом возрасте. При высоком желаемом числе детей в семье это обстоятельство может иметь значение

Таким образом, использование показателя ГМЕР дает, как нам кажется, интересные возможности для простого и наглядного сравнительного анализа уровней рождаемости. Конечно, коэффициент ГМЕР — грубый показатель. Он предназначен только для самого первого подхода к ответу на вопрос о степени ограничения рождаемости. Однако это совсем не мало, если учесть, что до сих пор по вопросу о «стихийной» и «контролируемой» рождаемости среди специалистов бытует еще столько предрассудков, основанных на субъективных впечатлениях и эмоциях. Иметь в таком случае хоть какой-нибудь количественный ориентир представляется совершенно необходимым.

Для расчета коэффициента ГМЕР не требуется сложная вычислительная техника, что можно отнести к его достоинствам, поскольку еще не все исследователи и не всегда могут этой техникой располагать. Другим немаловажным достоинством показателя ГМЕР является также и то, что для его расчета требуется такой минимум статистических данных, который обычно имеется даже в самых скромных публикациях итогов переписей населения. Безусловно, методику расчета показателя ГМЕР можно и нужно совершенствовать далее, но сам принцип представляется нам полезным.

Прежде чем закончить эту главу, необходимо сказать об одном возможном недоразумении, могущем возникнуть при интерпретации показателя ГМЕР. Высокие коэффициенты ГМЕР свидетельствуют о громадном социально-биологическом потенциале рождаемости современного населения. Однако это совсем не означает, что такой высокий уровень рождаемости может выступать в качестве идеала, к которому стоит стремиться. Наоборот, высота коэффициентов ГМЕР в нашей стране говорит об объективной необходимости внутрисемейного ограничения плодovitости, которая в условиях низкой смертности превышает любые общественные потребности в воспроизводстве населения.

Глава 2

УРОВЕНЬ РОЖДАЕМОСТИ В СССР

Поскольку в этой книге выражается беспокойство по поводу распространения в нашей стране низкой рождаемости, необходимо, по-видимому, ввести какие-то количественные критерии, условиться, что автор понимает под низким уровнем рождаемости или под низкой рождаемостью.

Рождаемость в демографии интересует нас главным образом с точки зрения того, в какой степени она обеспечивает возобновление населения, т. е. замещение поколения родителей поколением их детей. С этих позиций будем считать низкой рождаемостью, которая недостаточна для хотя бы простого замещения поколений¹.

Из числа относительно простых показателей, которые можно рассчитать на основе данных нашей текущей статистики, наиболее подходящими для оценки уровня рождаемости продолжают оставаться коэффициент суммарной рождаемости, брутто- и нетто-коэффициенты воспроизводства условного поколения (обычно их называют просто коэффициентами воспроизводства населения)².

¹ Конечно, замещение поколения (воспроизводство населения) зависит от соотношения уровней рождаемости и смертности. Но в настоящее время в нашей стране уровень смертности почти стабилизировался на относительно низкой величине, и рождаемость стала определяющим фактором в тенденциях воспроизводства населения.

² В этой главе используются только показатели условного поколения, публикуемые в статистических изданиях. Для некоторых выводов предпочтительнее были бы показатели реального поколения, но для их расчета в динамике статистических публикаций пока недостаточно, особенно по союзным республикам.

Коэффициент суммарной рождаемости рассчитывается как сумма однолетних возрастных коэффициентов рождаемости в расчете на од-

При стабильной половозрастной структуре населения нетто-коэффициент характеризует замещение одного поколения другим в населении обоего пола, или, иначе говоря, режим воспроизводства населения (складывающийся из соотношений уровней рождаемости и смертности). Если нетто-коэффициент воспроизводства населения равен 1,0, это означает, что соответствующий ему режим воспроизводства населения обеспечивает только простое воспроизводство населения. Таким образом, нетто-коэффициент, равный 1, обозначает границу, отделяющую расширенное воспроизводство населения от суженного.

При этом нужно иметь в виду, во-первых, что нетто-коэффициент воспроизводства населения имеет оценочно-прогностический характер, т. е. он дает оценку сегодняшнего режима воспроизводства населения с позиций возможного будущего, которое может наступить при длительном сохранении такого режима неизменным. Так, нетто-коэффициент ниже единицы не означает, что депопуляция уже началась. Он означает только возможность депопуляции при сохранении данного режима воспроизводства населения в течение длительного времени (по разным оценкам от 30 до 100 лет). Однако, думается, это обстоятельство не снижает ценности нетто-коэффициента как одного из критериев оценки демографической ситуации, если учесть большую инерцию демографических процессов, а также отсутствие пока более надежных и доступных индикаторов.

Во-вторых, использование нетто-коэффициента воспроизводства населения (условного поколения) требует осторожности также и потому, что его величина зависит от изменений в уровне брачности и изменений интервалов между рождениями. Это обстоятельство имеет особое значение при оценке тенденций уровня рождаемости в странах с широким распространением внутрисемейного контроля числа рождений и интервалов между ними. Так, если повышается средний возраст вступления женщин в брак или рождения детей откладываются на более поздний возраст (при одном и том же суммарном числе рождений за всю жизнь), то суммарные показате-

ну женщину (т. е. деленная на 1000). При пятилетних возрастных интервалах сумма коэффициентов умножается на 5. В этом случае получаются лишь приближенные значения коэффициентов суммарной рождаемости, которыми в основном мы и пользуемся в этой книге.

ли рождаемости условного поколения и соответствующие показатели воспроизводства могут понизиться в одном календарном периоде и повыситься в другом, в то время как показатели воспроизводства реального поколения остаются неизменными.

Наоборот, если происходит снижение среднего возраста вступления женщин в брак, если одно и то же суммарное число рождений в реальных когортах сдвигается к более молодым возрастам, если сокращаются интервалы между рождениями, то в каком-то календарном периоде повышаются возрастные коэффициенты рождаемости (преимущественно в возрастах до 30 лет за счет аккумуляции рождений детей у женщин разных когорт в одном календарном периоде) и соответственно повышаются коэффициенты воспроизводства условного поколения (при неизменных показателях воспроизводства реального поколения).

Нужно отметить, что такое повышение показателей условного поколения, во-первых, не означает «повышения рождаемости» (как это иногда трактуют), а, во-вторых, сигнализирует о вероятном снижении возрастных коэффициентов рождаемости в старших возрастных группах женщин через несколько лет. Ведь если желаемое число детей в семье остается фиксированным, то рождение детей на несколько лет раньше означает нерождение их в последующие годы (у тех же самых женщин, перешедших в старшие возрастные группы).

Принимая во внимание некоторые недостатки показателей условного поколения в оценке демографических тенденций¹, будем все же считать, что нетто-коэффициент воспроизводства населения, равный 1,0, отделяет расширенное воспроизводство населения от депопуляции (в некотором будущем). Величине нетто-коэффициента, равной 1,0, соответствует величина коэффициента суммарной рождаемости, равная примерно 2,1—2,2 живорождения в среднем на одну женщину за всю жизнь (в зависимости от уровня смертности, особенно детской), или примерно 2,3—2,4 живорождения за всю жизнь в среднем на один брак, или примерно 2,6—2,7 живорож-

¹ Как отмечает А. Я. Боярский, «это, однако, не оправдывает их огульного отрицания. Надо лишь учитывать границы их действия, особенно при резких изменениях положения в прошлом» (Курс демографии, Изд. 2-е. М., 1974, с. 112).

дения на один эффективный брак (т. е. обладающий плодovitостью)¹. Этому же примерно соответствует и общий коэффициент рождаемости 16‰.

Следовательно, ни при каких условиях двухдетная семья недостаточна для обеспечения хотя бы простого замещения поколения. При распространении двухдетной системы родительства страна рано или поздно подходит неизбежно к границе, за которой начинается убыль населения — депопуляция. Если же желательна не только стационарность населения, но некоторый умеренный его рост, то для этого преобладающей должна быть семья с тремя детьми. Отсюда проблема рождаемости трактуется как «проблема третьего ребенка».

С точки зрения характера воспроизводства населения и темпов его роста можно разделить семьи по числу детей на три основных типа: малодетная семья — один-два ребенка, среднететная семья — три-четыре ребенка и многодетная семья — пять и более детей². Такая типизация детности представляется имеющей объективную основу, наименее зависимой от эмоционального предпочтения тех или иных размеров семьи.

¹ См.: Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР, с. 288.

При расчете среднего числа детей в семье, необходимого для простого воспроизводства населения, нужно учесть, что девочек рождается меньше, чем мальчиков; что не все родившиеся доживают до возраста зрелости; что из числа женщин, доживающих до брачного возраста, некоторые всю жизнь остаются вне брака и не имеют внебрачных детей; что какое-то число браков остаются бездетными.

² Здесь речь идет только о семьях с детьми. Брачная пара без детей должна, по нашему мнению, рассматриваться как неполная семья, независимо от причин, по которым она не имеет детей. Некоторые социологи считают, что брачная пара без детей вообще не может считаться семьей, поскольку деторождение и воспитание детей является главной конституирующей функцией семьи как социального института. Так, по мнению А. И. Антонова, «бездетная семья еще не семья, ибо без детей, без реализации репродуктивной функции все прочие функции семьи как таковой лишаются смысла» (Антонов А. И. Проблемы социологического изучения репродуктивного поведения семьи. — В кн.: Вопросы теории и методов социологических исследований. М., 1974, с. 112). Не включает брачную пару без детей в понятие семьи и В. П. Горелик (см.: Горелик В. П. Некоторые вопросы моделирования семейной структуры населения. — В кн.: Демографические тетради. Вып. 2—3. Киев, 1970, с. 193—194). Мы считаем, что брачная пара без детей — все-таки семья, хотя бы в статистическом смысле, поскольку она характеризуется тремя основными статистическими признаками семьи: отношениями родства или свойства (в

Рассмотрим динамику уровня рождаемости в нашей стране. При этом основное внимание будет уделено периоду после переписи населения 1970 г. Это вызывается рядом причин. Во-первых, динамика уровня рождаемости, его структура и факторы в нашей стране за длительный исторический период уже показаны в целом ряде работ, и прежде всего в книге Б. Ц. Урланиса «Рождаемость и продолжительность жизни в СССР» (М., 1963)¹. Во-вторых, в последние 10 лет значительно расширились статистические публикации показателей рождаемости в региональном разрезе. Кроме того, в последнее десятилетие регистрация рождений в некоторых районах, а именно в республиках Средней Азии, достигла, по-видимому, достаточной полноты и показатели рождаемости этих республик начали отражать действительную картину.

Наконец, в-третьих, самое главное — сокращение уровня рождаемости в прошлом и теперь заслуживает разного подхода и разной оценки.

Сокращение рождаемости с высокого до среднего уровня вполне закономерно. Оно определяется не только изменением потребности семьи в детях (о чем речь пойдет позднее), но в значительной степени сокращением смертности, особенно детской. Ведь для семьи и общества в конечном счете имеет значение не число рождений само по себе, а число детей, которые вырастут взрослыми и сами станут родителями. Поэтому при анализе динамики уровня рождаемости важно учесть, что в этом аспекте рождаемость в нашей стране по сравнению с прошлым стала несравненно «экономичнее».

В дореволюционной России до среднего возраста родителей (примерно до 30 лет) доживало только 47,0% из числа родившихся². Причем это средняя цифра только по европейской части России. В отдельных районах России смертность была значительно выше. Поэтому если родители желали иметь трех-четырёх взрослых детей (которые могли бы кормить их в старости), то они были вынуждены рожать вдвое больше.

данном случае супружескими отношениями), общностью бюджета и совместностью проживания. Но это *неполная семья*.

¹ См. также: Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе. М., 1941; Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956; Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР и др.

² См.: Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916, с. 131.

**Динамика показателей рождаемости СССР
с учетом изменения уровня смертности**

Годы	Общий коэффициент рождаемости	Коэффициент суммарной рождаемости	Вероятность дожития до 30 лет для новорожденных	Число детей, рожденных в среднем одной женщиной за всю жизнь и доживающих до среднего возраста родителей
1926—1927	44,4	5,383	0,627	3,375
1958—1959	25,2	2,810	0,910	2,557
1969—1970	17,2	2,389	0,938*	2,241
Отношение показателей:				
1958—1959 к 1926—1927 гг.	0,568	0,522		0,758
1969—1970 к 1926—1927 гг.	0,387	0,444		0,664
1958—1959 гг.	0,683	0,850		0,876

* В данном случае в качестве поправки на смертность принято не число живущих в возрасте 30 лет, а число доживающих до 30 лет из таблиц дожития 1968—1971 гг. Это вызвано тем, что таблицы дожития 1968—1971 гг. были опубликованы не полностью, по ним нельзя рассчитать число живущих L_x в возрасте 30 лет. Однако разница между L_x и l_x в этом возрасте очень мала и ею можно пренебречь.

Уже в 1926—1927 гг. уровень смертности в СССР значительно снизился, но все-таки еще более $\frac{1}{3}$ новорожденных (37,3%) не доживало до 30 лет¹. Даже в 1940 г. 18,1% новорожденных умирало на первом году жизни². В последующие же два десятилетия, несмотря на последствия тяжелейшей войны, уровень младенческой смертности в нашей стране сократился более чем в 5 раз (со 181,5‰ в 1940 г. до 35,3‰ в 1960 г.), а затем через десятилетие — еще на 30%, достигнув 24,7‰ в 1970 г.³ Соответственно вероятность для новорожденного дожить до 30 лет повысилась до 91,0% в 1958—1959 гг. и до 93,8% в 1968—1971 гг.⁴ Таким образом, сегодня родители име-

¹ По таблицам дожития 1926—1927 для европейской части СССР (см.: Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926—1927. Таблицы смертности. М.—Л., 1930, с. 2.

² См.: Народное хозяйство СССР в 1973 г. М., 1974, с. 43.

³ Там же, с. 43.

⁴ По таблицам дожития 1958—1959 и 1968—1971 гг. (см.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том). М., 1962, с. 262; «Вестник статистики», 1974, № 2, с. 94.

ют возможность рожать детей не более того, сколько хотят их иметь¹.

Эти кардинальные изменения в смертности не могли не отразиться на динамике уровня рождаемости. Если учесть это, то снижение уровня рождаемости было менее значительным, чем об этом говорит простое сопоставление коэффициентов. Так, по сравнению с 1926—1927 гг. коэффициент суммарной рождаемости в СССР сократился к 1958—1959 гг. почти вдвое, на 48%, но с поправкой на изменение смертности — вдвое меньше, на 24% (табл. 10). В период между переписями 1959 и 1970 гг. значение такой поправки уже значительно уменьшилось. Коэффициент суммарной рождаемости за этот период уменьшился на 15%, а с поправкой на изменение смертности — на 12%.

Таблица 11

**Динамика валово- и нетто-коэффициентов
воспроизводства населения СССР**

Годы	Коэффициенты воспроизводства населения		Отношение нетто-коэффициента к валово-коэффициенту
	валово	нетто	
1926—1927	2,610	1,680	0,644
1938—1939	2,148	1,438	0,669
1958—1959	1,365	1,262	0,925
1961—1962	1,304	1,206	0,925
1962—1963	1,270	1,175	0,925
1963—1964	1,227	1,135	0,925
1964—1965	1,196	1,134	0,948
1965—1966	1,195	1,134	0,949
1966—1967	1,187	1,128	0,950
1967—1968	1,171	1,114	0,951
1968—1969	1,166	1,110	0,952
1969—1970	1,181	1,126	0,953
1970—1971	1,200	1,147	0,956
1971—1972	1,202	1,143	0,951
1972—1973	1,182	1,128	0,954
1973—1974	1,177	1,123	0,954

Источники: *Паевский В. В.* Вопросы демографической и медицинской статистики М., 1970, с. 106; «Вестник статистики», 1967, № 11; 1969, № 2; 1971, № 2; 1973, № 12; 1974, № 12; 1975, № 12. За 1973—1974 гг. — собственные расчеты.

¹ Теперь даже родители единственных детей не слишком, по-видимому, задумываются относительно вероятности остаться вдруг бездетными. И это хорошо, что они имеют возможность не думать о таком несчастье. Однако, к сожалению, как ни мала такая вероятность, она все же существует.

В значительной степени закономерным было и снижение нетто-коэффициента воспроизводства населения (табл. 11). Если бы этот показатель стабилизировался на уровне последних лет (и если бы от среднего уровня по СССР не было существенных региональных отклонений), то современный уровень рождаемости в нашей стране мог бы, вероятно, считаться вполне удовлетворительным. Но, во-первых, в том-то и вопрос — будет или не будет снижаться рождаемость далее? Во-вторых, средний уровень рождаемости по СССР складывается из ряда региональных уровней с чрезвычайно большим размахом вариации. В то время как в республиках Средней Азии и Азербайджане уровень рождаемости весьма высокий, в РСФСР, Украинской, Белорусской ССР и республиках Прибалтики уровень рождаемости низкий, с нетто-коэффициентом воспроизводства населения, близким к 1,0 или даже ниже (см. табл. 12).

Более дифференцированную (хотя и более грубую) оценку региональных различий в уровне рождаемости можно получить, сгруппировав население¹ союзных республик без областного деления, краев и областей союзных республик с областным делением, автономных республик и областей по величине общего коэффициента рождаемости в соответствии с предлагаемой шкалой (табл. 13). Тогда можно видеть, что в 1973 г. районы, в которых проживает более половины населения СССР, имели низкий уровень рождаемости, в том числе в 39 из 71 административных единиц РСФСР (преимущественно в европейской части), в 19 из 25 областей Украины, в 5 из 6 областей Белоруссии, в Латвии и Эстонии. Районы, в которых проживает всего 7% населения (Средняя Азия) имеют высокий уровень рождаемости, который также нельзя признать удовлетворительным¹.

Правда, начиная с 1970 г. числа родившихся и коэффициенты рождаемости в нашей стране увеличились. Увеличились и средние по СССР коэффициенты воспроиз-

¹ В условиях развитого социализма высокий уровень рождаемости в республиках Средней Азии не может создавать проблем, подобных социально-экономическим проблемам в развивающихся странах. Но это не значит, что он не создает вообще никаких проблем. Высокая рождаемость в Средней Азии ведет, в частности, к ряду организационных проблем, быстрый рост населения и низкая миграционная подвижность коренного населения приводят к положительному сальдо миграции на довольно ограниченной территории региона

Динамика общих коэффициентов рождаемости и нетто-коэффициентов воспроизводства населения СССР и союзных республик *

	Общие коэффициенты рождаемости, ‰							Нетто коэффициенты воспроизводства населения		
	1960 г	1965 г	1970 г	1971 г	1972 г	1973 г	1974 г	1958— 1959 гг	1969— 1970 гг.	1972— 1973 гг
СССР	24,9	18,4	17,4	17,8	17,8	17,6	18,0	1,262	1,126	1,128
Латвийская ССР	16,7	13,8	14,5	14,7	14,5	13,9	14,2	0,879	0,911	0,937
РСФСР	23,2	15,7	14,6	15,1	15,3	15,1	15,6	1,186	0,934	0,936
Украинская ССР	20,5	15,3	15,2	15,4	15,5	14,9	15,1	1,042	0,960	0,965
Эстонская ССР	16,6	14,6	15,8	16,0	15,6	15,0	15,1	0,882	1,021	1,009
Белорусская ССР	24,4	17,9	16,2	16,4	16,1	15,7	15,8	1,253	1,092	1,074
Литовская ССР	22,5	18,1	17,6	17,6	17,0	16,0	15,8	1,183	1,109	1,079
Грузинская ССР	24,7	21,2	19,2	19,0	18,0	18,2	18,3	1,146	1,233	1,195
Молдавская ССР	29,3	20,4	19,4	20,2	20,6	20,4	20,4	1,570	1,190	1,205
Армянская ССР	40,1	28,6	22,1	22,6	22,5	22,1	21,9	1,990	1,488	1,388
Казахская ССР	37,2	26,9	23,4	23,8	23,5	23,2	24,1	1,947	1,559	1,526
Азербайджанская ССР	42,6	36,6	29,2	27,7	25,6	25,4	25,0	2,132	2,085	1,827
Киргизская ССР	36,9	31,4	30,5	31,6	30,5	30,6	30,5	1,909	2,231	2,175
Узбекская ССР	39,8	34,7	33,6	34,5	33,2	33,7	34,2	2,142	2,598	2,568
Таджикская ССР	33,5	36,8	34,8	36,8	35,3	35,6	37,0	1,693	2,657	2,661
Туркменская ССР	42,4	37,2	35,2	34,7	33,9	34,3	34,3	2,116	2,685	2,595

* Республики в таблице ранжированы по общему коэффициенту рождаемости в 1970 г в порядке возрастания

изводства населения. Но было бы ошибкой трактовать это повышение показателей как «повышение рождаемости», как долговременный перелом в репродуктивном поведении семей. Для такого перелома пока нет объективных оснований.

Таблица 13

Шкала общих коэффициентов рождаемости

Общий коэффициент рождаемости, ‰	Оценка уровня рождаемости	Доля населения СССР в 1973 г с таким уровнем рождаемости, %
Ниже 16,0	Низкий	55,7
16,0—24,9	Средний	31,8
25,0—29,9	Выше среднего	5,5
30,0—39,9	Высокий	6,8
40,0 и выше	Очень высокий	0,2

Источник *Урланис Б Ц* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР, с. 9. Незначительные изменения сделаны с учетом сокращения уровня смертности за годы, прошедшие со времени издания его книги

Прежде всего нужно иметь в виду, что в отмеченных выше республиках с низкой рождаемостью ситуация, в принципе, не изменилась. Повышение коэффициентов было кратковременным и незначительным. Уровень рождаемости или не достиг 16,0‰ (а коэффициента суммарной рождаемости — 2,1) или едва превысил границу простого воспроизводства. Кроме того, есть основания полагать, что и такое повышение коэффициентов рождаемости в 1970—1972 гг. было следствием только изменений в брачно-возрастной структуре населения и в интервалах рождений. В этом можно убедиться разными способами и, в частности, произведя стандартизацию коэффициентов рождаемости за этот период. Но, пожалуй, целесообразно сделать это по ходу анализа изменений в структуре уровня рождаемости по возрасту матерей и очередности рождений, а также изменений в демографической структуре населения.

Изменения в уровне рождаемости по возрасту матерей. Возрастные коэффициенты рождаемости, которые регулярно публикуются в нашей стране с 1962 г., дают лучшую возможность оценить уровень рождаемости по сравнению с грубыми показателями (общим и специальным коэффициентами рождаемости). Они мало зависят от осо-

бенностей возрастной структуры женского репродуктивного контингента, зато зависят от колебаний уровня брачности. Поэтому наиболее точными были бы возрастные коэффициенты брачной рождаемости, дифференцированные по возрасту вступления женщин в брак и по продолжительности брака, но такие показатели рассчитываются и публикуются пока только в немногих странах мира.

Менее всего зависимы от возрастной структуры коэффициенты, рассчитанные по одногодичным возрастным интервалам. Но обычно публикуются только коэффициенты по пятилетним возрастным интервалам, которые более компактно, но менее точно характеризуют возрастную структуру уровня рождаемости и ее изменения. Чаще всего эта неточность невелика, и пятилетние возрастные коэффициенты рождаемости позволяют рассчитать достаточно близкие к точным значения коэффициентов суммарной рождаемости и брутто-коэффициентов воспроизводства населения. Но в некоторые кратковременные периоды, если резко меняется структура внутри пятилетних возрастных групп, расхождения точных и приближенных показателей увеличиваются.

Анализируя динамику возрастных коэффициентов рождаемости целесообразно весь репродуктивный период разделить на три основных возрастных интервала, существенно различных и по величине показателей и по характеру их изменений: 15—19, 20—34 и 35—49 лет (табл. 14). Тогда отчетливо видно, что сокращение общей величины коэффициента суммарной рождаемости происходит в основном за счет сокращения числа рождений у женщин старших возрастных групп и соответственно рождений старших очередностей. Так, по сравнению с 1938—1939 гг. коэффициент суммарной рождаемости в СССР в 1973—1974 гг. был меньше на 45%. Но при этом в возрастной группе 20—34 года он уменьшился на 38%, а в группе 35—49 лет — на 72%. В то же время коэффициент рождаемости у женщин 15—19 лет был почти таким же, как и в 1938—1939 гг. Такой же характер имеет динамика возрастных коэффициентов рождаемости и по союзным республикам.

Рождения все более сосредоточиваются в возрастах моложе 35 лет. В настоящее время в СССР 80% всех рождений приходится на возрастную группу 20—34 года,

**Структура суммарных коэффициентов рождаемости
в СССР и союзных республиках**

Годы	Число детей, рожденных в среднем одной женщиной условного поколения, человек				Число детей, рожденных в среднем одной женщиной условного поколения, %			
	всего с 15 до 50 лет	в том числе в воз- расте, лет			всего с 15 до 50 лет	в том числе в воз- расте, лет		
		15—19	20—34	35—49		15—19	20—34	35—49
А	1	2	3	4	5	6	7	8

СССР

1926—1927	5,372	0,181	3,764	1,427	100,0	3,4	70,1	26,5
1938—1939	4,401	0,164	3,143	1,094	100,0	3,7	71,4	24,9
1958—1959	2,810	0,146	2,186	0,478	100,0	5,2	77,8	17,0
1969—1970	2,389	0,152	1,903	0,334	100,0	6,3	79,7	14,0
1972—1973	2,433	0,162	1,950	0,321	100,0	6,7	80,1	13,2
1973—1974	2,412	0,167	1,937	0,308	100,0	6,9	80,3	12,8

РСФСР

1958—1959	2,626	0,142	2,081	0,403	100,0	5,4	79,3	15,3
1969—1970	1,971	0,141	1,618	0,212	100,0	7,1	82,1	10,8
1972—1973	2,023	0,158	1,662	0,203	100,0	7,8	82,2	10,0
1973—1974	2,000	0,164	1,642	0,194	100,0	8,2	82,1	9,7

Украинская ССР

1958—1959	2,296	0,140	1,867	0,289	100,0	6,1	81,3	12,6
1969—1970	2,044	0,166	1,692	0,186	100,0	8,1	82,8	9,1
1972—1973	2,083	0,183	1,711	0,189	100,0	8,8	82,1	9,1
1973—1974	2,044	0,187	1,678	0,179	100,0	9,1	82,1	8,8

Белорусская ССР

1958—1959	2,795	0,081	2,224	0,490	100,0	2,9	79,6	17,5
1969—1970	2,298	0,098	1,916	0,284	100,0	4,3	83,4	12,3
1972—1973	2,284	0,118	1,917	0,249	100,0	5,2	83,9	10,9
1973—1974	2,233	0,122	1,876	0,235	100,0	5,5	84,0	10,5

Узбекская ССР

1958—1959	5,044	0,192	3,283	1,569	100,0	3,8	65,1	31,1
1969—1970	5,636	0,209	3,860	1,567	100,0	3,7	68,5	27,8
1972—1973	5,669	0,200	4,008	1,461	100,0	3,5	70,7	25,8
1973—1974	5,706	0,200	4,078	1,428	100,0	3,5	71,5	25,0

Годы	Число детей, рожденных в среднем одной женщиной условного поколения, человек				Число детей, рожденных в среднем одной женщиной условного поколения, %			
	всего с 15 до 50 лет	в том числе в возрасте, лет			всего с 15 до 50 лет	в том числе в возрасте, лет		
		15—19	20—34	35—49		15—19	20—34	35—49
А	1	2	3	4	5	6	7	8

Казахская ССР

1958—1959	4,462	0,242	3,227	0,993	100,0	5,4	72,3	22,3
1969—1970	3,307	0,150	2,525	0,632	100,0	4,5	76,4	19,1
1972—1973	3,319	0,144	2,568	0,607	100,0	4,3	77,4	18,3
1973—1974	3,313	0,148	2,574	0,591	100,0	4,5	77,7	77,8

Грузинская ССР

1958—1959	2,587	0,111	2,043	0,433	100,0	4,3	79,0	16,7
1969—1970	2,616	0,172	2,138	0,306	100,0	6,6	81,7	11,7
1972—1973	2,572	0,162	2,129	0,281	100,0	6,3	82,8	10,9
1973—1974	2,577	0,167	2,140	0,270	100,0	6,5	83,0	10,5

Азербайджанская ССР

1958—1959	5,005	0,215	3,461	1,329	100,0	4,3	69,1	26,6
1969—1970	4,633	0,204	3,358	1,071	100,0	4,4	72,5	23,1
1972—1973	4,132	0,120	3,115	0,897	100,0	2,9	75,4	21,7
1973—1974	4,035	0,112	3,078	0,845	100,0	2,9	76,2	20,9

Литовская ССР

1958—1959	2,627	0,072	2,009	0,546	100,0	2,7	76,5	20,8
1969—1970	2,354	0,112	1,922	0,320	100,0	4,8	81,6	13,6
1972—1973	2,289	0,112	1,886	0,291	100,0	4,9	82,4	12,7
1973—1974	2,227	0,112	1,840	0,275	100,0	5,0	82,6	12,4

Молдавская ССР

1958—1959	3,573	0,170	2,606	0,797	100,0	4,8	72,9	22,3
1969—1970	2,563	0,141	1,995	0,427	100,0	5,5	77,8	16,7
1972—1973	2,626	0,153	2,083	0,390	100,0	5,8	79,3	14,9
1973—1974	2,587	0,162	2,070	0,355	100,0	6,3	80,0	13,7

Латвийская ССР

1958—1959	1,938	0,084	1,569	0,285	100,0	4,3	81,0	14,7
1969—1970	1,926	0,135	1,605	0,186	100,0	7,0	83,3	9,7
1972—1973	1,986	0,134	1,658	0,194	100,0	6,7	83,5	9,8
1973—1974	1,972	0,136	1,646	0,190	100,0	6,9	83,5	9,6

Годы	Число детей, рожденных в среднем одной женщиной условного поколения. человек				Число детей, рожденных в среднем одной женщиной условного поколения, %			
	всего с 15 до 50 лет	в том числе в воз- расте, лет			всего с 15 до 50 лет	в том числе в воз- расте, лет		
		15—19	20—34	35—49		15—19	20—34	35—49
А	1	2	3	4	5	6	7	8

Киргизская ССР

1958—1959	4,320	0,202	3,005	1,113	100,0	4,7	69,5	25,8
1969—1970	4,846	0,205	3,420	1,221	100,0	4,2	70,6	25,2
1972—1973	4,889	0,194	3,527	1,168	100,0	4,0	72,1	23,9
1973—1974	4,807	0,204	3,469	1,134	100,0	4,2	72,2	23,6

Таджикская ССР

1958—1959	3,926	0,131	2,420	1,375	100,0	3,3	61,7	35,0
1969—1970	5,903	0,201	3,900	1,802	100,0	3,4	66,1	30,5
1972—1973	6,071	0,206	4,116	1,749	100,0	3,4	67,8	28,8
1973—1974	6,196	0,204	4,271	1,721	100,0	3,3	68,9	27,8

Армянская ССР

1958—1959	4,730	0,188	3,346	1,196	100,0	4,0	70,7	25,3
1969—1970	3,195	0,206	2,507	0,482	100,0	6,4	78,5	15,1
1972—1973	3,070	0,187	2,459	0,424	100,0	6,1	80,1	13,8
1973—1974	2,913	0,195	2,352	0,366	100,0	6,7	80,7	12,6

Туркменская ССР

1958—1959	5,123	0,198	3,423	1,502	100,0	3,9	66,8	29,3
1969—1970	5,930	0,168	3,989	1,773	100,0	2,8	67,3	29,9
1972—1973	5,867	0,136	4,063	1,668	100,0	2,3	69,3	28,4
1973—1974	5,854	0,135	4,083	1,636	100,0	2,3	69,7	28,0

Эстонская ССР

1958—1959	1,946	0,101	1,571	0,274	100,0	5,2	80,7	14,1
1969—1970	2,143	0,151	1,803	0,189	100,0	7,1	84,1	8,8
1972—1973	2,145	0,157	1,795	0,193	100,0	7,3	83,7	9,0
1973—1974	2,111	0,160	1,767	0,184	100,0	7,6	83,7	8,7

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200
201
202
203
204
205
206
207
208
209
210
211
212
213
214
215
216
217
218
219
220
221
222
223
224
225
226
227
228
229
230
231
232
233
234
235
236
237
238
239
240
241
242
243
244
245
246
247
248
249
250
251
252
253
254
255
256
257
258
259
260
261
262
263
264
265
266
267
268
269
270
271
272
273
274
275
276
277
278
279
280
281
282
283
284
285
286
287
288
289
290
291
292
293
294
295
296
297
298
299
300
301
302
303
304
305
306
307
308
309
310
311
312
313
314
315
316
317
318
319
320
321
322
323
324
325
326
327
328
329
330
331
332
333
334
335
336
337
338
339
340
341
342
343
344
345
346
347
348
349
350
351
352
353
354
355
356
357
358
359
360
361
362
363
364
365
366
367
368
369
370
371
372
373
374
375
376
377
378
379
380
381
382
383
384
385
386
387
388
389
390
391
392
393
394
395
396
397
398
399
400
401
402
403
404
405
406
407
408
409
410
411
412
413
414
415
416
417
418
419
420
421
422
423
424
425
426
427
428
429
430
431
432
433
434
435
436
437
438
439
440
441
442
443
444
445
446
447
448
449
450
451
452
453
454
455
456
457
458
459
460
461
462
463
464
465
466
467
468
469
470
471
472
473
474
475
476
477
478
479
480
481
482
483
484
485
486
487
488
489
490
491
492
493
494
495
496
497
498
499
500
501
502
503
504
505
506
507
508
509
510
511
512
513
514
515
516
517
518
519
520
521
522
523
524
525
526
527
528
529
530
531
532
533
534
535
536
537
538
539
540
541
542
543
544
545
546
547
548
549
550
551
552
553
554
555
556
557
558
559
560
561
562
563
564
565
566
567
568
569
570
571
572
573
574
575
576
577
578
579
580
581
582
583
584
585
586
587
588
589
590
591
592
593
594
595
596
597
598
599
600
601
602
603
604
605
606
607
608
609
610
611
612
613
614
615
616
617
618
619
620
621
622
623
624
625
626
627
628
629
630
631
632
633
634
635
636
637
638
639
640
641
642
643
644
645
646
647
648
649
650
651
652
653
654
655
656
657
658
659
660
661
662
663
664
665
666
667
668
669
670
671
672
673
674
675
676
677
678
679
680
681
682
683
684
685
686
687
688
689
690
691
692
693
694
695
696
697
698
699
700
701
702
703
704
705
706
707
708
709
710
711
712
713
714
715
716
717
718
719
720
721
722
723
724
725
726
727
728
729
730
731
732
733
734
735
736
737
738
739
740
741
742
743
744
745
746
747
748
749
750
751
752
753
754
755
756
757
758
759
760
761
762
763
764
765
766
767
768
769
770
771
772
773
774
775
776
777
778
779
780
781
782
783
784
785
786
787
788
789
790
791
792
793
794
795
796
797
798
799
800
801
802
803
804
805
806
807
808
809
810
811
812
813
814
815
816
817
818
819
820
821
822
823
824
825
826
827
828
829
830
831
832
833
834
835
836
837
838
839
840
841
842
843
844
845
846
847
848
849
850
851
852
853
854
855
856
857
858
859
860
861
862
863
864
865
866
867
868
869
870
871
872
873
874
875
876
877
878
879
880
881
882
883
884
885
886
887
888
889
890
891
892
893
894
895
896
897
898
899
900
901
902
903
904
905
906
907
908
909
910
911
912
913
914
915
916
917
918
919
920
921
922
923
924
925
926
927
928
929
930
931
932
933
934
935
936
937
938
939
940
941
942
943
944
945
946
947
948
949
950
951
952
953
954
955
956
957
958
959
960
961
962
963
964
965
966
967
968
969
970
971
972
973
974
975
976
977
978
979
980
981
982
983
984
985
986
987
988
989
990
991
992
993
994
995
996
997
998
999
1000

в то время как на группу 35—49 лет — всего 13%. Чем ниже уровень рождаемости, тем ниже и доля суммарного коэффициента в интервале 35—49 лет во всей величине коэффициента суммарной рождаемости и выше доля коэффициента рождаемости в интервале 20—34 года. Например, в 1973—1974 гг. доля суммарного коэффициента в интервале 35—49 лет варьировала от 9% (Украина и Эстония) до 28% (Туркмения и Таджикистан). Соответственной была вариация и коэффициентов суммарной рождаемости в целом.

Тенденция сокращения числа рождений у женщин старше 35 лет отмечается и в других странах. В последние годы удельный вес суммарного коэффициента в интервале 35—49 лет во всей величине коэффициента суммарной рождаемости варьировал от 4—6% в Болгарии, Венгрии, ГДР, Чехословакии и Японии до 13% в Канаде. По-видимому, это общая тенденция, и в будущем, вероятно, рождения у женщин старше 35 лет во всех странах станут редкостью. И это хорошо, поскольку, как уже отмечалось в первой главе, рождения после 35 лет менее благоприятны для здоровья как ребенка, так и матери. Однако в настоящее время коэффициенты воспроизводства населения в некоторых наших союзных республиках (Белоруссия, Литва) превышают уровень простого воспроизводства только за счет рождений у женщин старших возрастов.

Изменения в возрастной структуре рождаемости происходят как за счет сокращения рождаемости вообще (т. е. сокращения числа рождений за всю жизнь), так и за счет сокращения продолжительности фактического репродуктивного периода жизни, т. е. интервала времени между рождением первого и последнего ребенка (при одном и том же общем числе рожденных за всю жизнь детей). Это обстоятельство нужно учитывать при анализе динамики возрастных коэффициентов рождаемости.

Если коэффициент суммарной рождаемости условного поколения в динамике за длительный период проявляет устойчивую плавную тенденцию к сокращению, то это косвенно свидетельствует о сокращении рождаемости и в реальных поколениях. В таком случае неизменность или даже повышение коэффициентов рождаемости в младших и средних возрастных группах, при их сокращении в старших группах, косвенно указывает на перемещение

рождений к молодым возрастам (в реальных поколениях) и на вероятность дальнейшего сокращения рождаемости в старших возрастных группах женщин через 10—15 лет.

Другой вывод, который можно сделать из анализа возрастной структуры рождаемости, следующий. В прошлом считалось, что одними из структурных факторов уровня рождаемости являются удельный вес женщин 15—49 лет в населении и доля замужних среди них. В условиях естественной рождаемости или близкой к ней, когда плодовитость замужних женщин реализуется на всем протяжении репродуктивного периода, это мнение, безусловно, верно. Но в условиях низкой контролируемой рождаемости, когда замужние женщины намеренно прекращают деторождение задолго до окончания репродуктивного периода жизни¹, оценка роли отдельных возрастных групп репродуктивного контингента женщин в динамике общего уровня рождаемости нуждается в уточнении.

Если увеличение доли женщин в возрасте 20—34 года (и доли замужних среди них) в репродуктивном контингенте действительно положительно коррелирует с общим и специальным коэффициентами рождаемости, то подобное же увеличение доли женщин в возрасте 35—49 лет оказывает, скорее, отрицательное влияние на общие показатели рождаемости (а колебания уровня брачности в этом возрасте уже не имеют большого значения для уровня рождаемости). Поэтому и динамику возрастной структуры женщин в связи с ее влиянием на уровень рождаемости представляется целесообразным анализировать дифференцированно по трем основным возрастным группам репродуктивного контингента.

Структура рождаемости по очередности рождения детей. Для характеристики этой структуры можно использовать различные типы показателей. В частности, представляется целесообразным использовать общие коэффициенты рождаемости по очередности рождений. При всех недостатках общих коэффициентов они привлекательны

¹ Кстати, именно поэтому представляется вдвойне неудачным термин «исчерпанная плодовитость», используемый некоторыми демографами как синоним коэффициента суммарной рождаемости. Во-первых, это показатель, суммарно характеризующий рождаемость, а не плодовитость. Во-вторых, в районах низкой рождаемости деторождение завершается искусственно задолго до «исчерпания» плодовитости.

своей простотой и наглядностью. Мы ограничимся рассмотрением показателей по СССР в целом и по четырем союзным республикам, две из которых с низким уровнем рождаемости и две — с высоким.

Таблица 15

**Структура общих коэффициентов рождаемости в СССР
и некоторых союзных республиках
по очередности рождений детей у матери
в 1969—1973 гг., ‰**

	Год	Общий коэф- фициент рожда- емости	в том числе по очередности рождения			
			первое	первое и второе	третье и четвертое	пятое и более
СССР	1969	17,0	6,7	11,3	3,1	2,6
	1970	17,4	7,3	11,9	2,9	2,6
	1971	17,8	7,7	12,4	2,9	2,5
	1972	17,8	7,8	12,7	2,7	2,4
	1973	17,6	7,8	12,6	2,7	2,3
РСФСР	1969	14,2	6,7	11,0	2,1	1,1
	1970	14,6	7,4	11,6	2,0	1,0
	1971	15,1	7,9	12,3	1,9	0,9
	1972	15,3	8,0	12,6	1,8	0,9
	1973	15,1	8,0	12,6	1,7	0,8
Украинская ССР	1969	14,7	6,9	12,1	2,1	0,5
	1970	15,2	7,5	12,6	2,1	0,5
	1971	15,4	7,8	12,9	2,1	0,4
	1972	15,5	8,0	13,1	2,0	0,4
	1973	14,9	7,9	12,7	1,8	0,4
Узбекская ССР	1969	38,2	5,9	10,7	8,1	14,0
	1970	33,6	6,6	11,7	7,5	14,4
	1971	34,5	6,9	12,3	7,8	14,4
	1972	33,1	6,9	12,3	7,3	13,5
	1973	33,7	7,2	13,3	7,7	12,7
Туркменская ССР	1969	34,3	5,9	10,6	7,9	15,8
	1970	35,2	7,4	12,3	7,8	15,1
	1971	34,7	6,9	12,1	7,5	15,1
	1972	33,9	7,2	12,8	7,3	13,8
	1973	34,3	7,4	13,0	7,8	13,5

Как видим, различий в коэффициентах первых двух очередностей между республиками с низкой и высокой рождаемостью фактически нет. Все различия — за счет

коэффициентов третьей — четвертой очередности, и особенно — пятой и более очередностей. Если в 1973 г. на Украине коэффициент рождаемости пятой и более очередности составлял всего 0,4‰, то в Узбекистане — 12,7‰.

Вернемся к вопросу о повышении общих коэффициентов рождаемости в 1970—1972 гг. Как видим из данных табл. 15, динамика коэффициентов рождаемости разной очередности была в эти годы неодинаковой. Увеличение всей величины общего коэффициента рождаемости происходило только за счет первых и вторых рождений, в то время как коэффициенты рождаемости третьей и более очередности продолжали сокращаться. Характер динамики коэффициентов рождаемости по очередности был, в принципе, одинаковым во всех союзных республиках (причем как в городском, так и в сельском населении). В одних республиках такая тенденция проявляется достаточно четко, в других — нет, но, пожалуй, ее можно считать общей. Хотя общие коэффициенты рождаемости в целом увеличились, рождаемость продолжала сокращаться, так как она определяется динамикой коэффициентов третьей и более очередностей.

Кстати, в республиках Средней Азии, с самым высоким в СССР уровнем рождаемости, внешняя инертность общего коэффициента рождаемости в последние годы оказывается обманчивой: она складывается из двух противоположных по направлению изменений. Как и в других союзных республиках (хотя и в значительно менее заметной степени), коэффициенты рождаемости первых двух очередностей в республиках Средней Азии повысились в 1970—1972 гг., а коэффициенты пятой и более очередностей начинают снижаться. Следовательно, и в этих республиках сокращение рождаемости началось.

Динамика коэффициентов первых двух очередностей, особенно первой, определяется в основном структурными факторами. Рост коэффициентов первой и второй очередностей в нашей стране в 1970—1972 гг. был связан, видимо, с изменениями в возрастной структуре младших возрастных групп женского репродуктивного контингента, повышением уровня брачности в молодых возрастах и со снижением среднего возраста вступления женщин в брак и соответствующим снижением среднего возраста матерей при рождении первых и вторых детей. В частности, средний возраст матерей при рождении первенцев, по нашим

приближенным расчетам, сократился в СССР за период с 1966 по 1973 г. с 24,6 до 23,1 года.

В целом по СССР удельный вес рождений первых двух очередностей в общем числе живорожденных повысился с 65,2% в 1960 г. до 73,0% в 1974 г. (причем в городском населении — 86,1%, в сельском — 55,9%). Малодетная семья уже стала преобладающей в городском населении и становится преобладающей и в сельском.

Таблица 16

Распределение семей по числу детей
(где супруга (мать) в возрасте 35—39 лет)
в СССР и союзных республиках в 1970 г. (все семьи = 100%)

	Городское население				Сельское население			
	в том числе семьи				в том числе семьи			
	без детей	с 1 ребенком	с 2 детьми	с 3 детьми и более	без детей	с 1 ребенком	с 2 детьми	с 3 детьми и более
СССР	6,2	31,4	45,0	17,4	5,3	16,6	30,0	48,1
РСФСР	6,2	34,0	45,8	14,0	5,4	18,0	32,9	43,7
Украинская ССР	7,0	32,3	49,5	11,2	7,0	22,6	38,4	31,5
Белорусская ССР	4,9	23,2	54,8	17,1	4,1	14,3	34,5	47,1
Узбекская ССР	4,0	16,4	28,9	50,7	4,6	4,6	6,5	86,3
Казахская ССР	5,7	20,4	39,3	34,6	3,8	10,4	19,5	66,3
Грузинская ССР	5,1	20,8	44,1	30,0	3,9	11,1	27,1	57,9
Азербайджанская ССР	3,9	14,9	23,5	57,7	2,5	4,3	6,0	87,2
Литовская ССР	7,0	30,9	47,2	14,9	6,3	19,0	35,5	39,2
Молдавская ССР	8,4	30,6	42,1	18,9	8,4	17,0	24,8	49,8
Латвийская ССР	9,1	44,1	40,3	6,5	9,0	27,4	39,9	23,7
Киргизская ССР	4,7	19,7	36,6	39,0	1,2	9,0	14,4	73,4
Таджикская ССР	4,9	15,8	26,5	52,8	2,7	3,9	5,9	87,5
Армянская ССР	2,4	10,7	25,1	61,8	1,6	4,1	7,6	86,7
Туркменская ССР	4,4	15,9	24,9	54,8	2,4	4,5	5,7	87,4
Эстонская ССР	7,8	39,4	44,7	8,1	8,5	27,0	38,8	25,7

Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VII. М., 1974, с. 380—395. В таблице данные приведены по семьям, состоящим из одной брачной пары с детьми и без детей или одной матери с детьми.

Правда, они характеризуют распределение по числу детей только семей, состоящих из одной брачной пары с детьми и без детей или одной матери с детьми (т. е. без других родственников). Но поскольку такие семьи и брачные пары без детей составили по итогам переписи населения 1970 г. примерно 93% общего числа семей, не будет, видимо, преувеличением считать данное распределение семей по числу детей достаточно представительным.

На начало 1970 г. малодетные семьи и брачные пары без детей составляли среди всех семей в городском населении 83,6%, в сельском населении — 51,9% (см. табл. 16). Причем в союзных республиках с низкой рождаемостью этот процент, и в городском, и в сельском населении, выше среднего уровня.

Например, на Украине среди сельского населения малодетные и бездетные семьи составляли $\frac{2}{3}$ всех семей, а в Латвии и Эстонии — даже $\frac{3}{4}$. Эти данные в сопоставлении с динамикой показателей рождаемости по очередности говорят о распространении в нашей стране малодетности.

Изменения в брачно-возрастной структуре населения.
На протяжении периода между переписями 1959 и 1970 гг. происходило непрерывное и плавное улучшение структуры населения в возрасте 20—49 лет по полу. В целом по СССР по данным переписи населения 1959 г. в возрастной группе 20—29 лет — наиболее активные возрасты вступления женщин в первый брак и рождения первых и вторых детей в районах низкой рождаемости — соотношение женщин и мужчин было 1031 : 1000. По переписи 1970 г. число женщин и мужчин в этих возрастах было уже равным (соответственно 15 435 и 15 440 тыс. человек). В последующий после переписи 1970 г. период улучшение структуры населения по полу продолжалось. На начало 1974 г. соотношение женщин и мужчин в возрасте 20—29 лет было уже 979 : 1000. Это один из благоприятных факторов, оказывающих влияние на повышение уровня женской брачности, поскольку большинство девушек вступает в первый брак до 25 лет.

Более сложными были изменения в структуре населения и репродуктивного контингента женщин по возрасту. В первой половине 1960-х гг. удельный вес жен-

ского репродуктивного контингента (15—49 лет) в населении сократился. Особенно значительным в этот период было сокращение доли женщин самой активной группы 20—24 года в составе женского репродуктивного контингента. Она сократилась почти вдвое — с 19% на начало 1961 г. до 10% на начало 1968 г.¹ Такие изменения, вызванные сокращением уровня рождаемости в годы Великой Отечественной войны, оказали существенное влияние на уменьшение общего и специального коэффициентов рождаемости в 1960-х гг.

При этом важно подчеркнуть, что сокращение уровня рождаемости в 1960-е годы только частично было обусловлено действием структурных сдвигов. По расчетам А. Г. Волкова, ухудшение возрастной структуры репродуктивного контингента женщин в первой половине 60-х гг. обусловило только 25% снижения числа рождений в этот период. Основная часть снижения числа рождений явилась результатом сознательного ограничения рождаемости². С помощью показателя ГМЕР также было показано в первой главе книги, что в межпереписной период степень намеренного ограничения рождаемости среди большинства нашего населения значительно увеличилась.

Начиная с 1967 г., удельный вес женского репродуктивного контингента в населении стал чрезвычайно медленно увеличиваться, составив на начало 1970 г. 26,1%, а на начало 1973 г. — 26,6%³ (т. е. меньше, чем в 1959 г.). Доля женщин в возрасте 20—24 года в составе женского репродуктивного контингента начала увеличиваться примерно с 1968 г., когда она составляла около 10%, и в начале 1970 г. достигла 13,4%, а в начале 1973 г. — 15,6%. Такое значительное увеличение доли женщин репродуктивного возраста явилось, думается, одним из главных факторов, повлиявших на рост числа браков и первых рождений, а также и на показатели рождаемости.

¹ Рассчитано по: Женщины и дети в СССР. М., 1963, с. 36; 1969, с. 34.

² См.: Волков А. Г. О некоторых причинах снижения коэффициента рождаемости. — В кн.: Изучение воспроизводства населения. М., 1968, с. 181.

³ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. II. М., 1972, с. 13; Народное хозяйство СССР в 1972 г. М., 1973, с. 33.

В то же время удельный вес женщин 25—34 лет в составе репродуктивного контингента неуклонно сокращался в течение всего периода после 1961 г. На начало 1961 г. он составлял 32,7%, а на начало 1973 г. — 24,2%. В результате сократилась и доля всей группы 20—34 года в репродуктивном контингенте женщин, что оказало известное отрицательное влияние на уровень рождаемости и выразилось, в частности, в снижении коэффициента ГМЕР.

Таблица 17

Численность и структура репродуктивного контингента женщин СССР
(на начало 1959 и 1970 гг. — по итогам переписей населения, на начало других лет — оценка)

Год	Всего женщин 15—49 лет	в том числе в возрасте, лет						
		15—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49
Тыс. человек								
1959	59 190	8 213	10 287	9 273	10 388	7 062	6 410	7 558
1961	58 129	6 042	11 065	8 678	10 336	8 448	6 243	7 317
1968	61 697	10 490	6 347	9 667	9 331	9 762	9 469	6 631
1970	63 156	10 774	8 478	6 957	10 736	8 454	10 245	7 512
1972	65 282	11 299	9 930	5 841	10 750	8 502	10 035	8 925
1973	66 195	11 638	10 296	6 304	9 708	9 038	19 729	9 452
В процентах								
1959	100,0	13,9	17,4	15,7	17,5	11,9	10,8	12,8
1961	100,0	10,4	19,0	14,9	17,8	14,5	10,8	12,6
1968	100,0	17,0	10,3	15,7	15,1	15,8	15,3	10,8
1970	100,0	17,1	13,4	11,0	17,0	13,4	16,2	11,9
1972	100,0	17,3	15,2	8,9	16,5	13,0	15,4	13,7
1973	100,0	17,6	15,6	9,5	14,7	13,6	14,7	14,3

Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. II. с. 12, 13.; Женщины и дети в СССР, М., 1963, с. 36; Женщины и дети в СССР. М., 1969, с. 34; «Вестник статистики», 1973, № 1; Народное хозяйство СССР в 1972 г., с. 33.

Напротив, доля женщин 35—49 лет в репродуктивном контингенте увеличивалась как в межпереписной период, так и после переписи 1970 г. Так, по переписи 1959 г. она составляла 35,5%, по переписи 1970 г. — 41,5, а на начало 1973 г. — 42,6%. Этот фактор также оказы-

вает отрицательное влияние на общий коэффициент рождаемости¹.

Таким образом, влияние изменений в возрастной структуре женского репродуктивного контингента в конце 1960-х — начале 1970-х гг. на уровень рождаемости было довольно противоречивым. Одни факторы оказывали положительное влияние на грубые показатели рождаемости, другие — отрицательное. Но в основном эти изменения можно считать, вероятно, благоприятными, так как увеличение доли женщин 20—24 года в репродуктивном контингенте было более «весомым» структурным фактором, чем другие, особенно в республиках с высокой долей однодетных семей.

Значительные и в основном благоприятные изменения произошли в уровне брачности. За межпереписной период уровень брачного состояния женщин в СССР повысился во всех возрастных группах, кроме 16—17-летних; последнее, очевидно, тоже следует отнести к положительным изменениям. В Узбекистане, Туркмении и Азербайджане несколько сократился очень высокий до этого удельный вес женщин, состоящих в браке, в возрастных группах 18—24 года (а в Таджикистане — в группе 18—19 лет).

На всем протяжении послевоенного периода в СССР повышается удельный вес вступающих в брак в молодые годы среди всех вступающих в брак женщин. Если в 1950 г. среди вступающих в брак женщин женщины моложе 25 лет составляли 54,7%, то в 1973 г. их доля составляла уже 73,8%, а среди вступающих в первый брак — 81,9%.

Средний возраст вступления в брак в последние годы снизился у мужчин с 26,6 года в 1965 г. до 24,4 года в 1973 г.; у женщин — с 24,9 года в 1965 г. до 22,6 года в 1973 г.²

В возрасте до 30 лет среди женщин, вступающих в брак, преобладают вступающие в первый брак. Но среди женщин, вступающих в брак после 35 лет, уже

¹ Ранговая корреляция (коэффициент Спирмэна) между долей женщин 20—34 года в репродуктивном контингенте на начало 1970 г. и общим коэффициентом рождаемости по союзным республикам в 1970 г. была невысокая, но положительная (+0,253), а между долей женщин 35—49 лет и общим коэффициентом рождаемости — довольно тесная обратная (—0,865).

² См.: Население СССР. 1973. М., 1975, с 172.

преобладают вступающие в повторный брак. Доля повторных браков среди вступающих в брак увеличивается во всех возрастных группах, особенно заметно после 30 лет. Это связано с ростом разводов, однако, что здесь является причиной, а что следствием, определить непросто. С одной стороны, распавшийся брак возвращает бывших супругов в категорию бракоспособных, многие из которых могут вступить и вступают в новый брак. С другой стороны, решение вступить в другой брак зачастую предшествует разводу и, таким образом, повторный брак еще до своего оформления становится причиной расторжения предыдущего брака. Исследование причин разводов ведется пока на недостаточно высоком научном уровне (только с помощью лобовых опросов уже разведенных, как правило, только женщин, по узкой программе, без попыток проникновения дальше «мнений»), поэтому в этом вопросе трудно опереться на какой-либо эмпирический материал. Но все же хотелось бы высказать некоторые соображения по поводу влияния разводов на рождаемость, хотя и по этому вопросу очень мало научных фактов для размышлений.

Некоторые ученые считают, что разводы отрицательно влияют на рождаемость. Рост уровня разводов рассматривается часто как один из факторов снижения уровня рождаемости. Однако правильность такого мнения во многом зависит, думается, от уровня рождаемости. Чем ближе рождаемость к естественной, тем больше ее зависимость от разводов, если разводы сокращают время пребывания женщин в браке и тем самым уменьшают число возможных рождений. Даже в странах с широким распространением внутрисемейного контроля рождаемости, но одновременно и с относительно высоким ее уровнем (как, например, до недавнего времени в США) женщины, состоящие в повторном браке, имеют в среднем меньше рождений, чем состоящие в первом браке. Но разница эта настолько мала, что не дает надежных оснований для каких-либо твердых выводов¹.

¹ По данным переписи населения США 1970 г. в среднем на 1000 замужних белых женщин в возрасте 35—39 лет, состоявших в первом браке, приходилось 3120 рождений за 16,2 года брака, в то время как на женщин, состоявших в повторном браке, — 3089 рождений за 18,4 года, прошедших с момента заключения первого брака (Women by Number of Children Ever Born. 1970 Census of Population. Subject Reports, PC(2)-3A, Washington, 1973, p. 98).

При низком уровне рождаемости, когда преобладающей становится одно- и двухдетная семья, связи между продолжительностью времени пребывания в браке и рождаемостью меняются. Для рождения одного-двух детей уже не требуется большой длительности брака. В то же время какая-то часть женщин, вступив в повторный брак, может родить еще одного ребенка, которого в непрерывном первом браке, возможно, и не имела бы. Это зависит от многих обстоятельств и прежде всего, вероятно, от числа детей, желаемого женщиной и ее первым и вторым мужьями.

В зависимости от различного сочетания всех этих факторов, а при выборочных обследованиях также и от объема выборки и правильности отбора единиц наблюдения, среднее число детей в районах низкой рождаемости может быть в повторном браке и ниже, и выше, и таким же, как в первом браке. Вопросы эти мало изучены, хотя представляют интерес. Во всяком случае, видимо, на рождаемость теперь влияет не столько развод, сколько предшествующие ему отношения между супругами. А эти отношения, если они неблагоприятны, могут оказывать влияние на рождаемость даже и в тех браках, где до развода дело не доходит.

Думается, что и в нашей стране рост числа разводов, который происходит в основном как раз в районах низкой рождаемости, вряд ли оказывает на нее существенное влияние.

Таким образом, в целом происходящие в последние годы изменения в демографической структуре населения нашей страны можно оценить как благоприятные с точки зрения их влияния на уровень рождаемости. Увеличение удельного веса младших возрастных групп в составе женского репродуктивного контингента, повышение уровня брачности и снижение среднего возраста вступления женщин в брак — вот, по-видимому, основные факторы повышения уровня рождаемости в 1970—1972 гг.

Снижение среднего возраста вступления женщин в брак и возможное сокращение интервалов между рождениями могло также стать причиной аккумуляции рождений первых двух очередностей у женщин разных поколений в одном календарном году. О том, что такая аккумуляция рождений имела место, говорят изменения в структуре коэффициента суммарной рождаемости ус-

ловного поколения, происходившие в этот период (табл. 18). В 1970—1973 гг. число первенцев в СССР, рожденных в среднем одной женщиной за всю жизнь, превысило 1,0, что невозможно в реальном поколении, а в условном поколении возможно за счет аккумуляции рождений у женщин разных реальных поколений в одном году. В реальном поколении число первых рождений в среднем на одну женщину за всю жизнь не может быть даже равно 1, потому что определенная часть женщин остаются бездетными всю жизнь.

Таблица 18

Структура коэффициента суммарной рождаемости в СССР по очередности рождений

Годы	Число детей, рожденных в среднем одной женщиной условного поколения за всю жизнь (15—50 лет)					
	всего	в том числе по очередности рождения у матери				
		первое	второе	третье	четвертое	пятое и более
1966—1967	2,431	0,951	0,648	0,298	0,183	0,351
1967—1968	2,394	0,955	0,638	0,278	0,173	0,350
1968—1969	2,369	0,945	0,644	0,269	0,163	0,348
1969—1970	2,389	0,969	0,659	0,266	0,154	0,341
1970—1971	2,442	1,000	0,679	0,269	0,150	0,344
1971—1972	2,469	1,018	0,704	0,267	0,146	0,334
1972—1973	2,433	1,004	0,710	0,262	0,139	0,318
1973—1974	2,412	0,995	0,709	0,260	0,136	0,312

Расчитано по: «Вестник статистики», 1967, № 11, 1969, № 2; 1970, № 6; 1971, № 2, 12; 1973, № 12; 1974, № 12; 1975, № 12.

По вероятностным таблицам рождаемости, построенным Л. Е. Дарским на материалах обследования, проведенного ЦСУ СССР в 1960 г., вероятность рождения первого ребенка составила 0,909, причем в городских поселениях — 0,937, в сельских — 0,871¹. По данным другого обследования, проведенного ЦСУ СССР в 1967 г. среди женщин в семьях рабочих и служащих, имевших к моменту обследования возраст 40—44 года, доля ни разу не рожавших составляла в среднем 11,3%, в республиках с низкой рождаемостью — 12,0%, в Москве, Ленинграде и Киеве — даже 16%². Таким образом, суммарный коэф-

¹ См.: Дарский Л. Е. Формирование семьи, с. 114.

² См.: Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР, с. 88.

фициент рождаемости первой очередности в реальном поколении вряд ли может быть выше 0,9. И следовательно, превышение этой величины в условном поколении свидетельствует о процессе сокращения среднего возраста женщин при рождении первенцев¹.

Итак, анализ динамики и структуры уровня рождаемости в нашей стране позволяет сделать вывод о том, что в начале 1970-х гг., несмотря на некоторое повышение показателей рождаемости, зависящих от структуры населения, никаких существенных изменений в тенденциях рождаемости не произошло.

¹ Отметим, что суммарные коэффициенты первых браков женщин в СССР в 1966—1971 гг. также превышали единицу (см.: Синельников А. Б. К оценке «перелома» в динамике рождаемости в 1970—1972 гг. — В кн.: Демографические процессы и социально-экономические факторы. Труды МЭСИ. М., 1975, с. 75). Это тоже свидетельствует о сдвигах в брачно-возрастной структуре женщин.

Глава 3

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РОЖДАЕМОСТЬ

Тезис о решающем воздействии социально-экономических условий жизни на рождаемость, пожалуй, всегда был общепризнанным. Но механизм этого воздействия понимался в разные эпохи по-разному. Лет 100—200 тому назад многие экономисты и социологи, обращавшие внимание на тот факт, что в богатых семьях бывает обычно меньше детей, чем в бедных, связывали этот факт с различиями в плодovitости.

Широко известно, например, высказывание Адама Смита о том, что «бедность... как кажется, даже благоприятствует размножению. Истощенная голодом женщина в горной Шотландии часто имеет более двадцати детей, тогда как изнеженная пресыщенная дама часто неспособна произвести на свет и одного ребенка и обыкновенно оказывается совершенно истощенной после рождения двух или трех детей. Бесплодие, столь частое среди светских женщин, весьма редко встречается у женщин из низших слоев народа. Роскошь, может быть, порождает в прекрасном поле страсть к наслаждениям, но, по-видимому, всегда ослабляет и часто совершенно уничтожает способность к деторождению»¹. Из этого высказывания видно, что А. Смит связывал относительно низкую рождаемость у богатых женщин с их неспособностью рожать детей, а не с намеренным ограничением числа рождений. Такие взгляды, согласно которым улучшение условий жизни «естественно» подавляет *плодовитость* и только

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962, с. 73. (Впервые книга вышла в Лондоне в 1776 г.)

поэтому снижает рождаемость, были весьма распространены в среде экономистов XVIII—XIX вв. На этот счет существовали целые теории.

Согласно некоторым из таких теорий относительно низкая рождаемость более обеспеченных и более образованных слоев населения объяснялась либо обильным и качественным питанием, будто бы снижающим плодовитость (Т. Доублдей, Ш. Фурье), либо отрицательным влиянием на плодовитость творческого умственного труда (П. Прудон), либо повышенными затратами энергии на «индивидуацию» в ущерб биологическим способностям к «генезису» (Г. Спенсер) и т. п.

Напротив, другие экономисты, пожалуй, даже большинство, считали, что хорошие условия жизни благоприятствуют реализации «инстинкта размножения» и тем самым способствуют высокой рождаемости. На этой точке зрения основаны опасения последователей Т. Мальтуса о возможности перенаселения Земли по мере улучшения жизни трудящихся. Такая же, в принципе, точка зрения на связь рождаемости с условиями жизни была фактически и у многих противников теории Т. Мальтуса.

Не отрицая прямой связи между уровнем жизни и рождаемостью, они расходились со сторонниками Мальтуса лишь в вопросе о том, что быстрее может расти — население или средства существования. Отсюда главное внимание в критике Мальтуса уделялось его теории двух прогрессий. Главный же постулат Мальтуса, что населению будто бы биологически присуще «стремление к размножению», ограничиваемое только внешними по отношению к личности условиями жизни, разделялся многими противниками Мальтуса (У. Годвин, Ж. Кондорсе, П. Прудон и др.).

Здесь хочется подчеркнуть, что социально-экономические факторы рассматривались в прошлом либо как непосредственно благоприятствующие высокой рождаемости, либо как непосредственно ее ограничивающие. Желание человека иметь *определенное число* детей, меньшее, чем определено его плодовитостью, фактически игнорировалось экономистами. Этому способствовали религиозные нормы и нормы морали того времени, согласно которым всякое намеренное ограничение числа деторождений рассматривалось как святотатство, разврат

и преступление. Вероятно, поэтому в работах экономистов и социологов прошлого, в которых рассматриваются вопросы рождаемости, мы, как правило, не найдем прямых упоминаний об абортах и контрацепции, хотя такая практика имела некоторое распространение.

По нашему мнению, именно представления о рождаемости как о процессе естественном, непосредственно и положительно зависящем от условий жизни, оказали определенное влияние на развитие методологии изучения факторов рождаемости и техники эмпирических исследований. В течение последних ста лет ученые разных стран (преимущественно экономисты и статистики), изучавшие социальные различия в рождаемости статистическими методами, искали причины этих различий непосредственно в условиях жизни, на макроуровне, минуя характеристики личности. Этим же мы объясняем и отставание теории факторов рождаемости от эмпирических исследований, и слабый до сих пор интерес социологов и психологов к проблемам рождаемости, а также и существующее, по нашему мнению, до сих пор предубеждение по отношению к результатам конкретных обследований, выявляющих обратную связь между показателями условий жизни и рождаемости вместо кажущейся очевидной прямой.

К настоящему времени проведено много эмпирических исследований, накоплено много статистического материала, дающего представление о различных аспектах рождаемости, однако в вопросе о характере причинно-следственной связи условий жизни с рождаемостью по-прежнему остается много спорного.

В этой главе делается попытка критически проанализировать опубликованные результаты ряда проведенных в нашей стране и за рубежом исследований, чтобы на этой основе высказать свои мнения о механизме причинно-следственной связи между рождаемостью и условиями жизни и о возможных тенденциях рождаемости под влиянием социально-экономических факторов.

Исследования дифференциальной рождаемости в нашей стране имеют уже свою историю. Одним из первых был, по-видимому, экономист Б. М. Яголим, который в 1928 г. проанализировал различия общих коэффициентов рождаемости в Москве за 1925 и 1927 гг. по сравни-

тельно мелким участкам города (отделениям милиции)¹. Он обнаружил, что самые низкие коэффициенты были в участках, расположенных ближе к центру города, а самые высокие коэффициенты — в окраинных участках. Так как ко времени написания его статьи имелись данные переписи населения 1926 г. о социальном составе только по районам Москвы, Б. М. Яголим использовал соответствующие итоги городской переписи населения 1923 г., в которых была проведена разработка по отделениям милиции.

Считая, что за 4 года социальный состав не мог существенно измениться, он сопоставил данные о социальном составе по итогам переписи населения 1923 г. с коэффициентами рождаемости по соответствующим административным единицам Москвы за 1927 г. Оказалось, что в центральных участках Москвы около половины жителей (50,7%) составляли служащие и лица свободных профессий, рабочие — только 15%. Коэффициент рождаемости в этих участках составлял в среднем 18,2‰. Среди жителей окраинных участков служащие и лица свободных профессий составляли 24,4%, рабочие — 45,4%. Коэффициент рождаемости в этих районах составлял в среднем 33,7‰.

На основании этих данных Б. М. Яголим справедливо объяснил различия в коэффициентах рождаемости по жилым районам Москвы социальными различиями в уровнях рождаемости.

В 1929 г. С. А. Новосельский опубликовал результаты своих исследований дифференциальной рождаемости по материалам Ленинграда². Сопоставив данные о социальном составе по итогам переписей населения 1910 и 1926 гг. с соответствующими этим данным показателями рождаемости за 1909—1912 и 1926—1927 гг., он также обнаружил обратную связь между социально-экономическим статусом населения и уровнем рождаемости.

Первое крупное исследование дифференциальной рождаемости в СССР было проведено органами нашей

¹ См.: Яголим Б. М. Рождаемость по г. Москве в связи с социальным составом населения. — «Статистическое обозрение», 1928, № 10, с. 85—88.

² См.: Новосельский С. А. Плодовитость населения в связи с социальным положением. — «Санитарно-статистический сборник Ленинградского облздравотдела», 1929, вып. 2, с. 84—93.

бюджетной статистики в 1934 г. Оно охватило около 10 тыс. матерей. Полученные результаты подтвердили наличие обратной зависимости между уровнем благосостояния и рождаемостью в семьях рабочих и служащих. Это указывало на возможность дальнейшего снижения рождаемости по мере роста уровня жизни и противоречило господствовавшим в то время взглядам, будто бы при социализме рождаемость непременно должна повышаться. Вероятно поэтому результаты обследования 1934 г. были опубликованы С. Г. Струмилиным только в 1957 г.¹

Интерес к исследованию факторов рождаемости резко возрос с начала 1960-х годов. Начиная с крупного бюджетного обследования, проведенного в 1960 г. ЦСУ СССР, и небольшого, но важного в теоретическом отношении исследования Н. А. Таубер в г. Жуковском под Москвой в том же году, шел неуклонный рост эмпирических исследований факторов рождаемости в различных районах нашей страны. Конечно, эти исследования во многом неравноценны и по своим масштабам, и по методологии, и по технике проведения. Пожалуй, среди них нет ни одного, результаты которого были бы в полной мере сопоставимы с результатами другого исследования. По сравнению с масштабами программ исследований публикации результатов их гораздо беднее².

Опубликованные результаты проведенных обследований приводят к различным, иногда противоречивым, выводам о влиянии определенных условий жизни на рождаемость. Различаются и программы исследований. Однако последнее вряд ли можно расценивать только как недостаток. Мы находимся, по-видимому, еще на стадии становления эмпирических исследований факторов рождаемости, когда идет разработка и проверка гипотез, а следовательно, и разработка и проверка программ исследований.

¹ См.: Струмилин С. Г. К проблеме рождаемости в рабочей среде. — В кн.: Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1957, с. 186—207. Статья снабжена примечанием: «Написано в 1936 г. Публикуется впервые».

² К сожалению, программы большинства из них богатыми тоже нельзя назвать. К тому же они, как правило, не публикуются. Между тем думается, что публикации программ были бы полезны, так как без знакомства с программой исследования трудно интерпретировать его результаты.

Несмотря на различные недостатки и спорность выводов многих исследований, все они дали бесценную информацию о различных аспектах рождаемости. Особенно следует отметить важнейшие из них: обследование ЦСУ СССР в 1960 г. семей рабочих и служащих, ведущих бюджетные записи, исследование Н. А. Таубер в г. Жуковском Московской области в 1960 г., исследование Л. М. Давтяна в Ереване в 1963 г. и исследование Лаборатории демографии НИИ ЦСУ СССР на четырех московских предприятиях в 1966 г. Последнее из названных исследование открыло собой начало нового подхода в изучении факторов рождаемости — изучение мнений женщин об идеальном и желаемом числе детей в семье и о мотивах ограничения рождаемости.

Наконец, весьма важное значение имеют результаты опроса мнений о наилучшем и ожидаемом числе детей в семье, проведенного в 1969 г. Отделом демографии НИИ ЦСУ СССР. Опрос был проведен анкетным методом по почте. Анкеты посылались замужним женщинам в возрасте до 40 лет, попавшим в выборочную совокупность при единовременном обследовании доходов и жилищных условий 250 тыс. семей рабочих и служащих за сентябрь 1967 г., проведенном ЦСУ СССР. Ответы на анкету, состоявшую из пяти вопросов, были получены от 33,6 тыс. женщин, проживающих по всей территории СССР. Методика проведения обследования 1969 г. была такова, что позволяла объединить данные опроса мнений с фактическими данными обследования 1967 г., относящимися к одним и тем же женщинам¹.

Таким образом, обследование 1969 г. стало наиболее представительным для территории СССР, в котором соединились традиционные методы сопоставления фиксированных показателей уровня жизни с показателями рождаемости и новые методы изучения мнений. Представительность этого обследования особенно хочется подчеркнуть именно потому, что его результаты подтвердили характер связи между отдельными социально-экономическими факторами и числом детей в семье, выявленный большинством исследований, проведенных в нашей стране ранее. Но самыми важными среди его результатов

¹ Результаты обследований 1969 и 1967 гг. наиболее полно опубликованы в работах: *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР; *Белова В. А.* Число детей в семье. М., 1975.

представляются нам те, которые показывают, что наиболее обеспеченные и образованные женщины не только фактически имеют, но и намерены иметь меньше детей, чем менее обеспеченные и образованные.

Еще более крупное единовременное выборочное обследование доходов и жилищных условий рабочих, служащих и колхозников было проведено ЦСУ СССР в 1972 г. Оно охватило около 350 тыс. женщин, в том числе 164 тыс. замужних женщин в возрасте от 18 до 45 лет. Хотя программа этого обследования, относящаяся к изучению рождаемости, была гораздо беднее предыдущего (всего один вопрос, относящийся к мнениям женщин об ожидаемом числе детей), его результаты, характеризующие дифференциацию рождаемости по социально-экономическим и этническим признакам, вполне подтверждают установленные ранее закономерности.

Рассмотрим закономерности рождаемости, связанные с основными социально-экономическими характеристиками условий жизни, следуя привычной схеме факторов рождаемости: урбанизация, социально-классовая принадлежность, занятость женщин в общественном производстве, доход и жилищные условия, уровень образования, этническая принадлежность. Конечно, влияние всех этих факторов сложно переплетено в реальной действительности. Выделение в анализе как бы изолированного влияния каких-либо конкретных факторов — это условность, абстракция, облегчающая рассуждение. Такой принцип представляется вполне допустимым, если только при этом не упускать из виду, что на самом деле все факторы рождаемости взаимодействуют нераздельно.

Очень важно также иметь в виду, что влияние условий жизни на рождаемость весьма различно в зависимости от очередности рождения ребенка. Добровольный отказ от рождения хотя бы единственного ребенка в нашей стране, по-видимому, если и встречается, то только в исключительно редких случаях, не имеющих статистической значимости. В подавляющем большинстве случаев брачная инфертильность — результат бесплодия¹. Следо-

¹ По данным обследования, проведенного ЦСУ СССР в 1960 г. среди женщин, состоявших в браке более 10 лет, доля ни разу не рожавших (инфертильных) составляла всего 4,2%, а среди вступивших в брак до 25 лет (84% женщин в выборке) — даже 3,6% (см. Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР, с. 91). По данным

вательно, влияние социально-экономических условий жизни на рождение первенца в браке может выражаться в основном только в отсрочке, откладывании этого рождения¹. Однако результаты крупнейших обследований в нашей стране показывают, что и откладывание первых рождений в браке не имеет распространения². Нужно отметить, что некоторые исследования, проведенные медиками, обнаруживают значительную долю абортс при первой беременности в браке, что указывает на откладывание первого рождения. Так, по данным обследования, проведенного И. П. Катковой в одном из районов Москвы, эта доля составила 21%³, по данным другого обследования, проведенного Н. А. Кравченко в Алматы, — 10,3% у русских женщин и 6,5% — у казашек⁴. Выборочное исследование первородящих в Ленинграде показало, что 20,0% опрошенных женщин имели до рождения первого ребенка 1 аборт, 6,3% — 2 аборта, 3,5% — 3 и более⁵.

Но, во-первых, по данным этих обследований не известно, насколько таким образом были отложены первые рождения. Во-вторых, это небольшие локальные исследования в столичных городах и, следовательно, неrepresentative для периферии с относительно более высокой

другого крупнейшего обследования, проведенного ЦСУ СССР в 1967 г. среди женщин, вступивших в брак в возрасте 22—29 лет, доля инфертильных варьировала от 7,2% в старших когортах до 5,4% — в младших (см.: *Сифман Р. И.*, там же). Поскольку эти проценты очень близки уровню бесплодия (см. первую главу), можно сделать вывод, что брачная инфертильность в нашей стране является в основном результатом бесплодия.

¹ Правда, если отсрочка достигается с помощью абортов, то она может превратиться в вынужденную в результате возникновения бесплодия.

² По данным обследований 1960 и 1967 гг. протогенетические интервалы (интервалы между вступлением в брак и рождением первенца) в нашей стране в среднем близки по продолжительности к естественным и проявляют тенденцию к сокращению (см.: *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР, с. 147—156).

³ См.: *Серенко А. Ф.* [и др.]. Когортный метод в социально-гигиеническом изучении рождаемости в молодых семьях. М., 1971, с. 10

⁴ См.: *Кравченко Н. А.* Социально-гигиенические аспекты регулирования рождаемости в семьях русских и казахов. Автореф. канд. дис. М., 1973, с. 11.

⁵ См.: *Поляков И. В.* Тенденции воспроизводства населения Ленинграда. — В кн.: *Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе*, с. 481.

рождаемостью. Однако, с другой стороны, если эти результаты не могут служить для оценки масштабов откладывания первых рождений в широком плане сегодня, они, вполне возможно, указывают на расширение этих масштабов в будущем, поскольку столичные города являются моделью будущего образа жизни всего населения.

Чаще всего, по-видимому, использование мер контрацепции начинается только после рождения первого ребенка. Отсюда следует важный в методологическом отношении вывод: *рождение первенца мало зависит от каких-либо материальных условий жизни*. Если это так, то включение однодетных семей в выборку при изучении влияния условий жизни на рождаемость вряд ли правомерно. Если доля первенцев в выборке высока, то это обстоятельство может самым противоречивым образом повлиять на характер установленных исследованием закономерностей. Поэтому правильнее было бы, думается, при изучении зависимости рождаемости от социально-экономических факторов включать в выборку только семьи, имеющие более одного ребенка. Исследование же факторов, влияющих на рождение первого ребенка, целесообразнее было бы проводить отдельно, поскольку закономерности здесь иные.

Однако во многих исследованиях факторов рождаемости влияние условий жизни на рождаемость не дифференцируется по очередности рождения ребенка. Это нужно учитывать при анализе их результатов.

Урбанизация как фактор снижения рождаемости. Общеизвестно, что уровень рождаемости городского населения ниже, чем сельского. Обычно это заметно уже при сравнении грубых общих коэффициентов рождаемости. Тем более эта разница проявляется при сравнении более точных возрастных и суммарных коэффициентов рождаемости (табл. 19). Общие коэффициенты сегодня занижают разницу в уровнях рождаемости между городским и сельским населением, так как возрастная структура городского и сельского населения различается. Взрослое городское население в СССР в среднем несколько моложе, чем сельское¹.

¹ В начале 1970 г. средний возраст городского населения в возрастном интервале от 20 до 50 лет по СССР был равен 34,2 года, а сельского — 35,5 года. (Расчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. II, с. 15).

**Повозрастные коэффициенты рождаемости
городского и сельского населения СССР**

Годы	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы								Коэффициент сум- марной рожда- емости
	всего 15—19 лет*	в том числе							
		до 20**	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
Городское население									
1965—1966	57,0	25,8	137,5	111,0	69,6	31,3	9,4	1,3	1,930
1969—1970	55,7	28,5	144,2	108,8	68,6	29,6	7,3	1,1	1,941
1970—1971	57,1	29,6	148,6	111,6	68,1	30,9	7,0	0,8	1,983
1971—1972	57,9	30,2	150,5	116,7	66,0	31,8	6,8	0,7	2,014
1972—1973	57,5	30,5	147,3	115,3	64,1	31,3	6,5	0,6	1,978
1973—1974	57,6	31,6	146,4	113,3	61,1	29,6	6,5	0,6	1,946
Сельское население									
1965—1966	90,4	25,1	198,1	177,6	135,0	77,3	32,2	8,4	3,269
1969—1970	82,3	33,8	209,5	163,2	121,9	75,5	27,0	5,5	3,182
1970—1971	83,5	36,0	222,1	170,1	121,0	77,5	26,5	4,7	3,290
1971—1972	83,5	36,1	231,9	179,2	118,6	76,8	26,3	4,1	3,365
1972—1973	82,7	35,4	236,5	184,5	115,1	76,5	25,8	3,8	3,388
1973—1974	83,8	36,1	244,9	179,5	114,0	74,2	26,3	3,5	3,448

* Включая родившихся у матерей более старшего возраста.

** При определении показателей для этой возрастной группы условно взято число женщин в возрасте 15—19 лет.

Источники: «Вестник статистики», 1971, № 12, 1973, № 12; 1974, № 12, 1975, № 12.

В 1973—1974 гг. в целом по СССР общий коэффициент рождаемости у сельского населения был выше, чем у городского, всего на 14%. Однако сравнение коэффициентов суммарной рождаемости показывает, что на самом деле рождаемость сельского населения выше, чем городского, в 1,8 раза. Следует при этом отметить, что уровень рождаемости городского населения СССР в целом ниже необходимого для простого воспроизводства населения в будущем. Следовательно, расширенное воспроизводство населения в СССР в последние годы происходит только за счет сельского населения.

Структура городского и сельского населения в нашей стране различается не только по возрасту, но и по брачному состоянию. В селах по традиции женщины раньше вступают в брак, чем в городах. В селах также реже разводятся, чем в городах. Поэтому доля женщин, состоящих в браке, выше среди сельского населения, чем среди

городского. Это превышение особенно заметно в возрастных группах от 18 до 25 лет. В РСФСР процент замужних сельских женщин превышает процент замужних городских женщин только в возрастных группах моложе 40 лет, на Украине и в Белоруссии — только до 30 лет.

Таблица 20

Фактический уровень рождаемости и ГМЕР городского населения СССР и союзных республик в 1958—1959 и 1969—1970 гг., ‰

	Годы	ОКР	ГМЕР	(ОКР— ГМЕР) (—)	Относи- тельная степень реали- зации ГМЕР, ‰ $\left(\frac{\text{ОКР}}{\text{ГМЕР}} \cdot 100\right)$
СССР	1958—1959	22,3	54,2	31,9	41,1
	1969—1970	16,0	51,3	35,3	31,2
Латвийская ССР	1958—1959	16,8	52,6	35,8	31,9
	1969—1970	14,2	50,7	36,5	28,0
РСФСР	1958—1959	21,0	53,9	32,9	39,0
	1969—1970	14,4	51,3	36,9	28,1
Украинская ССР	1958—1959	20,3	55,2	34,9	36,8
	1969—1970	15,3	53,5	38,2	28,6
Эстонская ССР	1958—1959	17,2	53,7	36,5	32,0
	1969—1970	16,1	50,2	34,1	32,1
Белорусская ССР	1958—1969	25,1	57,6	32,5	43,6
	1969—1970	18,2	55,3	37,1	32,9
Молдавская ССР	1958—1959	22,8	58,1	35,3	39,2
	1969—1970	18,0	53,2	35,2	33,8
Литовская ССР	1958—1959	23,6	55,0	31,4	42,9
	1969—1970	18,4	53,7	35,3	34,3
Грузинская ССР	1958—1959	20,9	53,6	32,7	39,0
	1969—1970	18,2	49,1	30,9	37,1
Казахская ССР	1958—1959	32,1	53,1	21,0	60,5
	1969—1970	19,6	51,1	31,5	38,4
Армянская ССР	1958—1959	33,6	54,2	20,6	62,0
	1969—1970	21,1	48,9	27,8	43,1
Киргизская ССР	1958—1959	30,5	54,3	23,8	56,2
	1969—1970	24,6	48,2	23,6	51,0
Азербайджанская ССР	1958—1959	33,1	52,2	19,1	63,4
	1969—1970	23,9	44,1	23,9	54,2
Узбекская ССР	1958—1959	31,6	51,3	19,7	61,6
	1969—1970	26,3	45,1	18,8	58,3
Таджикская ССР	1958—1959	33,6	55,1	21,5	61,0
	1969—1970	28,6	45,7	17,1	62,6
Туркменская ССР	1958—1959	38,4	56,4	18,0	68,1
	1969—1970	30,1	44,8	14,7	67,2

Однако, отдавая должное влиянию структурных факторов, нужно отметить, что основные различия между городским и сельским населением заключаются в том, что городское население ограничивает свою рождаемость в гораздо большей степени, чем сельское. Это можно показать с помощью коэффициента ГМЕР (табл. 20 и 21).

Таблица 21

Фактический уровень рождаемости и ГМЕР сельского населения СССР и союзных республик в 1958—1959 и 1969—1970 гг., ‰

	Годы	ОКР	ГМЕР	(ОКР— ГМЕР) (—1)	Относительная степень реализации ГМЕР, % $\left(\frac{\text{ОКР}}{\text{ГМЕР}} \cdot 100\right)$
СССР	1958—1959	27,9	44,8	16,9	62,3
	1969—1970	18,7	40,9	22,2	45,7
Украинская ССР	1958—1959	21,5	43,3	21,8	49,7
	1969—1970	14,5	42,9	28,4	33,8
РСФСР	1958—1959	27,2	44,0	16,8	61,8
	1969—1970	14,5	40,5	26,0	35,8
Белорусская ССР	1958—1959	25,9	42,1	16,2	61,5
	1969—1970	14,4	39,5	25,1	36,5
Латвийская ССР	1958—1959	16,7	36,5	19,8	45,8
	1969—1970	14,3	38,5	24,2	37,1
Эстонская ССР	1958—1959	15,7	34,7	19,0	45,2
	1969—1970	14,7	35,6	20,9	41,3
Литовская ССР	1958—1959	22,3	37,5	15,2	59,5
	1969—1970	16,7	38,8	22,1	43,0
Молдавская ССР	1958—1959	33,5	50,9	17,4	65,8
	1969—1970	19,8	44,9	25,1	44,1
Грузинская ССР	1958—1959	26,0	47,0	21,0	55,1
	1969—1970	19,6	44,1	24,5	44,4
Армянская ССР	1958—1959	47,8	49,9	2,1	95,8
	1969—1970	24,5	40,0	15,5	61,3
Казахская ССР	1958—1959	40,5	48,1	7,6	84,2
	1969—1970	27,3	41,9	14,6	65,2
Киргизская ССР	1958—1959	36,1	50,5	14,4	71,5
	1969—1970	33,7	38,9	5,2	86,6
Азербайджанская ССР	1958—1959	48,4	50,3	1,9	96,2
	1969—1970	34,8	37,6	2,8	92,6
Узбекская ССР	1958—1959	40,4	51,6	11,1	78,3
	1969—1970	37,1	38,5	1,4	96,4
Таджикская ССР	1958—1959	27,8	55,2	27,4	50,4
	1969—1970	38,3	39,5	1,2	97,5
Туркменская ССР	1958—1959	40,6	51,7	11,1	78,5
	1969—1970	39,2	38,2	-1,0	102,6

В среднем по СССР относительная степень реализации ГМЕР у сельского населения примерно в 1,5 раза выше, чем у городского. За период между переписями 1959 и 1970 гг. она понизилась почти в одинаковой степени как в городском, так и в сельском населении (соответственно на 24 и 27%). Но это в среднем по СССР.

В союзных республиках динамика масштабов внутрисемейного ограничения рождаемости была различной. В РСФСР, Белоруссии, Молдавии и на Украине масштабы внутрисемейного ограничения рождаемости росли значительно быстрее в сельской местности, чем в городских поселениях. Поэтому и разница в степени намеренного ограничения рождаемости между городским и сельским населением сократилась в этих республиках наиболее значительно. Так, если в 1958—1959 гг. степень реализации ГМЕР среди сельского населения была выше, чем среди городского, в РСФСР — на 58%, на Украине — на 35, в Белоруссии — на 41, в Молдавии — на 68%, то в 1969—1970 гг. эта разница составляла уже соответственно 27, 18, 11 и 30%. Довольно резко за 11 лет увеличилось внутрисемейное ограничение рождаемости в Армении, причем почти в одинаковой степени и в городском, и в сельском населении (разница между городским и сельским населением сократилась мало).

Нужно отметить, что в республиках с относительно низким уровнем рождаемости в межпереписной период рождаемость в сельских поселениях снижалась быстрее, чем в городских. В республиках же с более высокой рождаемостью она снижалась в большей степени в городах, чем в сельской местности¹. В этом нет ничего удивительного, поскольку процесс снижения рождаемости первоначально начинается в городах. В тех республиках, где этот процесс начался уже давно, уровень рождаемости городского населения уже настолько низок, что, по-видимому, близок к стабилизации. Сельское население постепенно переходит к городским нормам детности, и разница в репродуктивном поведении городского и сельского населения сокращается. В республиках с относительно высоким уровнем рождаемости процесс изменения репро-

¹ Судя по данным табл. 20 и 21, степень реализации ГМЕР в республиках Средней Азии как будто даже увеличилась, но это результат только повышения, по-видимому, качества учета рождений (этот вопрос уже рассматривался в первой главе)

дуктивных норм находится еще в начальной стадии. Поэтому различия в степени ограничения рождаемости среди городского и сельского населения на этом этапе должны увеличиваться.

С точки зрения определения дальнейших тенденций уровня рождаемости в нашей стране имеет важное значение тот факт, что рождаемость в городах тем ниже, чем крупнее город. Это установлено многими исследованиями¹. Разница в уровнях рождаемости между городами в зависимости от их размера также определяется не столько особенностями брачно-возрастной структуры населения, сколько различиями в масштабах внутрисемейного ограничения рождаемости. Но, по-видимому, это верно только при определенном уровне рождаемости. По достижении очень низкого уровня его различия в городах выравниваются и вновь начинают определяться в основном только различиями в структуре населения. Это следствие преобладания однодетности.

Важно подчеркнуть, что различия в уровнях рождаемости городского и сельского населения обусловлены не просто разной степенью внутрисемейного ограничения рождаемости, а различиями в представлениях о наилучшем и желаемом числе детей в семье. Так, по данным опроса мнений женщин «СССР-1969»² городские женщины ожидали иметь в среднем 2,19 ребенка, а сельские — 3,32³. Самые низкие репродуктивные ожидания были отмечены в крупнейших столичных городах: в Москве — 1,69, в Ленинграде — 1,55 ребенка в среднем⁴. По данным обследования «СССР-1972» среднее ожидаемое число детей в семьях рабочих и служащих, проживающих в городах с населением 500 тыс. и более, составило всего 1,79, т. е. значительно ниже уровня, необходимого для простого замещения поколений.

¹ См., например: Глуханова Г. Л. Влияние проживания в городах разной величины на демографические процессы. — В кн.: Влияние социально-экономических факторов на демографические процессы. Киев, 1972, с. 165—169; Шлиндман Ш., Звидриньш П. Изучение рождаемости, с. 55; Сухова Л. С. Особенности воспроизводства населения в городах европейской части РСФСР. — В кн.: Демографические процессы и социально-экономические факторы, с. 35—37.

² Для удобства и краткости советским исследованиям, упоминаемым в этой книге, присваиваются условные наименования. Они образуются из указания места и года проведения исследования.

³ См.: Белова В. А. Число детей в семье, с. 129.

⁴ Там же, с. 109.

Не вдаваясь сейчас в обсуждение причин распространения малодетности в городах, попытаемся определить возможные дальнейшие тенденции уровня рождаемости в нашей стране по мере дальнейшего развития урбанизации. Являются ли крупнейшие города «образцами моды» на число детей в семье и, следовательно, провозвестниками перспектив рождаемости или нет? Думается, что являются.

Мы начали с того, что одним из показателей урбанизации является рост городского населения. Но сегодня процесс урбанизации понимается уже значительно шире — как процесс социально-экономического преобразования и города, и деревни на основе развития новейших систем индустрии, транспорта, жилищного строительства, массовых коммуникаций, культурного и бытового обслуживания, на основе распространения городского образа жизни и городских форм общения в самые отдаленные уголки страны¹. Происходящее при этом стирание существенных различий между городом и деревней в образе жизни и культуры неизбежно охватывает все стороны сельской жизни, в том числе и тип семьи, и число детей в ней. Крупнейшие города играют в этом процессе первостепенную роль. Особенно велико, по мнению экономгеографов, хозяйственное и культурное воздействие столичных городов и областных центров².

Следовательно, есть все основания полагать, что вместе с дальнейшей урбанизацией деревни в сельской местности будет происходить (и уже происходит) процесс «урбанизации» рождаемости, т. е. приближение уровня рождаемости в сельской местности, в малых и средних городах к уровню рождаемости в крупнейших городах. Если даже предположить, что рождаемость в крупнейших городах в дальнейшем не будет снижаться, выравнивание рождаемости всего населения на этом уровне все равно ставит воспроизводство населения под угрозу депопуляции. Безусловно, это может произойти только в том случае, если факторы, обуславливающие сохране-

¹ См.: Румянцев А. М. Урбанизация и общество. — В кн.: Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс. М., 1972, с. 12.

² См.: Константинов О. А. Некоторые черты урбанизации в СССР — В кн.: Урбанизация мира. М., 1974, с. 83

ние в крупнейших городах социальных норм малодетности, будут продолжать действовать.

Влияние на рождаемость изменений в социальной структуре общества. В результате индустриализации всего народного хозяйства происходят существенные изменения в социальной структуре нашего общества; увеличивается доля рабочих и служащих (как в городе, так и в деревне), сокращается доля колхозников¹. Наше общество развивается в направлении к социальной однородности. Происходит процесс сближения классов и социальных групп населения на основе научно-технической революции, изменений в характере труда, повышения уровня квалификации, образования и культуры всех трудящихся, на основе повышения уровня жизни и выравнивания доходов, в первую очередь за счет преимущественного их роста у низкооплачиваемых работников.

Естественным следствием этого процесса является сближение всех классов и социальных групп также и в образе жизни, в характере и структуре потребностей и, очевидно, в социально-групповых нормах детности. Отсюда возникает интересующий нас вопрос: какое влияние этот процесс может оказать на тенденции рождаемости в стране, т. е. на каком уровне будет происходить нивелирование социальных норм детности?

До настоящего времени исследования дифференциальной рождаемости в нашей стране неизменно показывают, что рождаемость в семьях рабочих в среднем ниже, чем в семьях колхозников, а в семьях служащих — ниже, чем у рабочих. Характер этих различий подтверждает и перепись населения 1970 г. (табл. 22). Правда, данные переписи лишь примерно характеризуют соотношения в уровнях рождаемости между общественными группами, так как в них показаны только дети, живущие вместе с матерью (примерно $\frac{3}{4}$ всех семей), однако, судя по тому, что соотношения по числу детей между общественными группами по этим данным имеют один и тот же характер во всех союзных республиках, думается, можно пользоваться ими для характеристики дифференциальной рождаемости.

¹ На начало 1975 г. доля рабочих и служащих (с членами семей) во всем населении увеличилась до 82,9% вместо 68,3% по переписи 1959 г., а доля колхозников соответственно сократилась до 17,1% вместо 31,4% (см. Народное хозяйство СССР в 1974 г., с. 38)

Число детей у матерей — рабочих, служащих и колхозниц
по СССР и союзным республикам
(По переписи населения 1970 г)

А	Число детей в расчете на 1000 матерей соответствующих общественных групп		
	рабочие	служащие	колхозницы
	1	2	3
СССР			
Городское население	1 774	1 537	—
Сельское »	2 377	1 918	2 437
РСФСР			
Городское население	1 681	1 470	—
Сельское »	2 208	1 782	2 281
Украинская ССР			
Городское население	1 598	1 447	—
Сельское »	1 864	1 623	1 890
Белорусская ССР			
Городское население	1 740	1 584	—
Сельское »	2 165	1 849	2 123
Узбекская ССР			
Городское население	2 778	2 116	—
Сельское »	3 740	3 062	3 942
Казахская ССР			
Городское население	2 645	1 994	—
Сельское »	3 049	2 495	3 238
Грузинская ССР			
Городское население	2 018	1 725	—
Сельское »	2 528	2 014	2 490
Азербайджанская ССР			
Городское население	2 890	2 260	—
Сельское »	4 055	3 488	3 980
Литовская ССР			
Городское население	1 717	1 544	—
Сельское »	2 083	1 717	2 049
Молдавская ССР			
Городское население	1 808	1 482	—
Сельское »	2 461	1 693	2 557
Латвийская ССР			
Городское население	1 470	1 393	—
Сельское »	1 746	1 553	1 801

А	Число детей в расчете на 1000 матерей соответствующих общественных групп		
	рабочие	служащие	колхозницы
	1	2	3
Киргизская ССР			
Городское население	2 392	1 854	—
Сельское »	3 249	2 548	3 541
Таджикская ССР			
Городское население	2 937	2 086	—
Сельское »	3 877	3 360	3 957
Армянская ССР			
Городское население	2 725	2 221	—
Сельское »	3 498	2 816	3 601
Туркменская ССР			
Городское население	3 064	2 225	—
Сельское »	3 864	3 273	3 977
Эстонская ССР			
Городское население	1 511	1 454	—
Сельское »	1 766	1 652	1 800

Источник. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VII, с. 446—449.

Данные таблицы относятся только к семьям, состоящим из одной брачной пары или одной матери с детьми, а в числе детей учтены только дети, проживающие вместе с матерью. Это составляет примерно 3/4 всех семей.

Во всех союзных республиках число детей, приходящихся на 1000 матерей, меньше всего в семьях городских рабочих и служащих. Но дело не только в разнице уровней. Нам кажется важнее то обстоятельство, что среднее число детей в семьях рабочих и служащих в большинстве республик менее двух. Чем ниже уровни рождаемости, тем меньше и различия по числу детей между рабочими и служащими, а в некоторых республиках — между всеми общественными группами.

Например, в Украинской, Латвийской и Эстонской ССР характер социальной дифференциации по числу детей между рабочими, служащими и колхозниками, в принципе, такой же, как и в других республиках, но во всех общественных группах как городского, так и сельского населения среднее число детей, приходящихся на одну мать, значительно ниже двух. По данным вы-

борочного обследования, проведенного в Латвии в 1966—1967 гг., среднее число детей варьировало от 1,24 в семьях городских женщин, занятых преимущественно умственным трудом, до 1,68 — в семьях сельских женщин, занятых преимущественно физическим трудом¹. При таких «различиях» вряд ли уже важно, в каких социальных группах рождаемость выше, а в каких ниже, если во всех группах она ниже уровня, необходимого для замещения поколения.

По-видимому, нетрудно предположить, что стирание различий в рождаемости скорее всего будет происходить в нашей стране на уровне рабочих и служащих, причем на уровне рождаемости рабочих и служащих крупнейших городов. Но этот уровень уже сегодня слишком низок².

Исследования в других социалистических странах также показывают, что уровень рождаемости у служащих в среднем ниже, чем у рабочих, а у рабочих — ниже, чем у крестьян. Это можно видеть, например, по результатам исследования, проведенного в Югославии.

Таблица 23

Среднее число детей, рожденных живыми,
в расчете на одну замужнюю женщину
в возрасте 15—49 лет в Югославии

	По переписи населения 1961 г.	По данным выборочного исследования 1970 г.
Всего	2,47	2,36
в том числе:		
рабочие	2,38	2,36
служащие	1,67	1,78
крестьяне	2,74	2,66

Источники: *Dosic D. Fertilitet, kontrola radanja i profesionalne karakteristike udatih žena* — «Stanovnistvo», 1971, № 3—4, s. 270.

Обратная зависимость между социальным положением и рождаемостью фиксируется и в развитых капитали-

¹ См.: Шлиндман Ш., Звидриньш П. Изучение рождаемости, с. 75.

² По данным обследования, проведенного Отделом демографии НИИ ЦСУ СССР в 1969 г в Москве, среднее ожидаемое число детей в семьях рабочих 1,86, в семьях служащих — 1,57 (см. Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 119).

стических странах. В США, например, «Национальное обследование рождаемости», проведенное в 1965 г. (NFS 1965), показало вариацию среднего ожидаемого числа детей от 3,1 в семьях высокооплачиваемых служащих до 3,5 в семьях низкооплачиваемых рабочих и 3,6 в семьях фермеров. Нужно отметить, что различия эти невелики. Средние желаемые числа детей вообще почти не различались (у служащих и высококвалифицированных рабочих одинаково — 3,3, у малоквалифицированных рабочих — 3,4, у фермеров несколько больше — 3,7)¹.

Итоги переписи населения США 1970 г. также показывают не слишком явную, но заметную обратную зависимость между социально-профессиональной принадлежностью и рождаемостью (табл. 24), которая сохраняется во всех типах поселений; только с переходом от урбанизированных территорий к сельской местности показатели во всех группах повышаются (за исключением сельскохозяйственных рабочих). Такого же рода, в принципе, закономерности дифференциации рождаемости в зависимости от социально-профессиональной принадлежности отмечаются и по предыдущим переписям населения в США², по исследованию К. Шварца в ФРГ (1962 г.)³ и по другим исследованиям капиталистических стран.

Таким образом, социально-групповая дифференциация рождаемости косвенно отражает классовые различия в условиях жизни, в уровнях доходов, образования и культуры, различия в национальных обычаях, традициях, существующих или существовавших в прошлом. По мере постепенного преодоления этих различий при социализме тем самым устраняются и объективные условия для дифференциации в рождаемости. Однако социальное нивелирование рождаемости совсем не равнозначно ее автоматическому повышению при этом (или, наоборот, снижению). На каком уровне может стабилизироваться рождаемость — это зависит от действия тех многих факторов, которые определяют его динамику более непосредственно, чем место жительства или принадлежность к социальной группе.

¹ *Ryder N. B., Westoff Ch. F.* Reproduction in the United States, 1965. Princeton, 1971, p. 60.

² См.: *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР, с. 122.

³ См.: *Шварц К.* Число детей в семье в Западной Германии в зависимости от типа поселения и от социальной среды — В кн.: Рождаемость и ее факторы. М., 1968, с. 92.

Среднее число рожденных детей в расчете на 1000 замужних белых женщин в возрасте 35—39 лет в зависимости от основного занятия мужа; США, перепись 1970 г.

Виды занятий	Все население	Урбанизированные территории	Прочие городские поселения	Сельская местность
Всего	3 332	3 238	3 304	3 618
в том числе:				
специалисты высшей и средней квалификации управляющие и администраторы (без управляющих фермами)	3 110	3 078	3 122	3 210
конторские и другие служащие	3 175	3 141	3 163	3 271
торговые служащие	3 132	3 113	3 127	3 190
работники сферы услуг (включая домашнюю прислугу)	3 143	3 094	3 198	3 271
мастера и высококвалифицированные рабочие	3 317	3 289	3 234	3 459
рабочие-станочники (без транспортных)	3 369	3 329	3 314	3 458
рабочие-станочники транспортного оборудования	3 451	3 361	3 411	3 587
малоквалифицированные рабочие (без занятых на фермах)	3 535	3 447	3 574	3 647
фермеры и управляющие фермами	3 650	3 481	3 711	3 843
сельскохозяйственные рабочие	3 758	3 563	3 180	3 779
военнослужащие	4 433	4 631	4 609	4 376
не имеющие занятий (безработные)	3 302	3 263	3 324	3 408
	3 731	3 524	3 883	3 961

Составлено по: Women by Number of Children Ever Born, 1970 Census of Population. Subject Reports, PC(2)-3A, Washington, 1973, p. 203—209.

Возрастная группа 35—39 лет выбрана, чтобы показать законченную рождаемость за наиболее близкий к нам период времени.

Занятость женщин в общественном хозяйстве и рождаемость. Приобщение женщины к участию в общественном производстве и общественной жизни наравне с мужчиной — это одно из величайших завоеваний Октября. «Советская власть, — писал В. И. Ленин в газете «Правда» от 22 февраля 1920 г., — первая и единственная в мире уничтожила полностью все старые, буржуазные,

подлые законы, ставящие женщину в неравноправное положение с мужчиной, дающие привилегии мужчине, например, в области брачного права или в области отношений к детям. Советская власть первая и единственная в мире, как власть трудящихся, отменила все, связанные с собственностью, преимущества, которые сохранились в семейном праве за мужчиной во всех, даже самых демократических, буржуазных республиках»¹. При этом юридическое равноправие женщин В. И. Ленин рассматривал только как первый шаг к полному освобождению и равноправию женщин. «Для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и мужчина»².

Советские женщины широко воспользовались правами, предоставленными им Великой Октябрьской социалистической революцией. Нет такой отрасли общественного хозяйства в нашей стране, где женщины не составляли бы значительную долю занятых. В некоторых отраслях они составляют абсолютное большинство занятых: в здравоохранении, просвещении и культуре и т. д.

В среднем по народному хозяйству СССР доля женщин в общей численности рабочих и служащих составила в 1974 г. 51,4% и была самой высокой в мире³. Итоги переписи населения 1970 г. показывают, что только за межпереписной период занятость женщин в общественном хозяйстве значительно возросла — с 70 до 82% по отношению ко всем женщинам в трудоспособном возрасте — и почти достигла уровня занятости мужчин.

Но всякий процесс имеет свои противоречия. Совершенно очевидно, что в данном случае производственные и общественные роли женщины вступают в конкуренцию с ее семейными ролями, в том числе и с материнством. Данные всех проведенных исследований факторов рождаемости в нашей стране неизменно фиксируют меньшее в среднем число детей у женщин, занятых в общественном производстве, чем у женщин, занятых только в до-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 157.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 201.

³ «Вестник статистики», 1975, № 4, с. 95.

машнем хозяйстве¹. До определенных пределов это вполне естественно, так как по мере все более полного включения женщины в общественную жизнь у нее меняется и структура интересов, и структура бюджета времени. И если в результате этих изменений высокая рождаемость снижается до средней, то здесь еще никакой проблемы нет. Проблема обостряется только по мере распространения малодетности.

Конечно, как верно отмечает М. Я. Сонин, «более низкий уровень рождаемости у женщин — работниц и служащих в сравнении с домашними хозяйками объясняется не только и не столько самим фактом участия женщин в сфере обобществленного труда, сколько теми производственными условиями, в которых протекает этот труд, и имеющимися еще недостатками в общественном питании, жилищах, детских и других бытовых учреждениях, обслуживающих женщин-работниц»². Такой же точки зрения придерживаются и другие экономисты. Бытовые условия еще недостаточно благоприятны для совмещения женщиной профессиональных и семейных ролей. В частности, затраты времени на домашний труд еще слишком велики и часто нерациональны. Например, по данным обследования бюджетов времени, проведенного в 1965—1966 гг. в Пскове, ежедневные затраты времени на домашний труд и другие бытовые потребности составили у домашних хозяек в среднем 7,9, а у женщин-работниц — 4,1 ч. Затраты времени на труд в общественном производстве у женщин-работниц составляли в среднем 5,7 ч в день.

Таким образом, продолжительность среднего рабочего дня домашней хозяйки не меньше, чем среднего рабочего дня на производстве. А у женщины-работницы полный рабочий день получается в среднем 9,8 ч, а если

¹ См.: *Струмилин С. Г.* К проблеме рождаемости в рабочей среде. — Избр. произв. Т. 3. М., 1964, с. 142; *Вострикова А. М.* Методы обследования и показатели рождаемости в СССР. — В кн.: Вопросы народонаселения и демографической статистики. М., 1966, с. 34; *Таубер Н. А.* Влияние некоторых условий жизни на уровень брачной плодовитости. — В кн.: Проблемы демографической статистики, с. 135; *Караханов М., Алиакберова Н.* Некоторые результаты монографического изучения уровня рождаемости в сельских местностях Узбекской ССР. — В кн.: Проблемы народонаселения. М., 1970, с. 286, и др.

² *Сонин М. Я.* Актуальные проблемы использования рабочей силы в СССР. М., 1965, с. 29.

учесть ее деятельность, связанную с работой во вне рабочее время, то 11,0 ч¹.

Хотя у женщин-работниц в какой-то степени ниже и потребность в ведении домашнего хозяйства², чем у домашних хозяек, но все же, наверное, не настолько, насколько различаются фактические затраты времени на домашний труд у них и домашних хозяек. Какие-то дела, в том числе и по уходу за детьми, женщины-работницы просто не успевают делать. В результате у них возникают хронический дефицит времени, физические и нервные перегрузки³. В некоторой степени это может повлиять на нежелание женщины иметь еще одного ребенка.

В настоящее время в нашей стране уже почти все женщины, способные трудиться, заняты в общественном хозяйстве. Ясно, что и в будущем не сохранится такого разделения функций, при котором бы одни женщины стали заниматься в основном профессиональной деятельностью, а другие — только домашним хозяйством.

Выше отмечалось, что в настоящее время заметно происходящее выравнивание между различными слоями населения как в условиях жизни, так и в репродуктивном

¹ См.: Бюджет времени городского населения. М., 1971, с. 76.

² В этом отношении интересны данные социологического обследования, проведенного в 1965—1968 гг. на промышленных предприятиях Днепропетровска, Запорожья, Одессы, Костромы и в 1967—1968 гг. в Таганроге. По этим данным работающие матери несовершеннолетних детей с образованием 4 класса и ниже затрачивали на домашний труд в среднем 41 ч в неделю. С переходом к группам женщин с более высоким уровнем образования это время снижалось до 32,3 ч у женщин со специальным образованием. В ответах на вопрос «Если бы в Вашем распоряжении было больше свободного времени, на что Вы стали бы его расходовать?» матери-работницы с образованием менее 4 классов поставили прибавку времени к домашней работе на первое место, а матери-работницы со средним и средним специальным образованием — на 2—3-е места (см.: *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М., 1972, с. 110, 316—317; Приложение. с. 60—61).

³ По результатам социологического обследования «Производственная работа женщин и семья», проведенного в 1965—1968 гг. в Ленинграде и Костроме, в ответах на вопрос об основных трудностях, связанных с профессиональной деятельностью женщин, 55,2% ответивших ленинградок и 75,5% костромичек указали на большую физическую нагрузку и общее недомогание (см.: *Харчев А. Г., Голод С. И.* Профессиональная работа женщин и семья. Л., 1971, с. 58, см. также: *Котляр А. Э., Турчанинова С. Я.* Занятость женщин в производстве. М., 1975, с. 123—124).

поведении. Следовательно, разрешение противоречия между производственной и семейной ролями женщины может быть найдено путем создания условий, при которых женщины могли бы совместить участие в общественной жизни и рождение двух-трех детей, необходимых для воспроизводства населения. Решающая роль в решении этой проблемы принадлежит детским учреждениям, сфере обслуживания и модернизации домашнего хозяйства.

Некоторые ученые высказываются за предоставление матери-работнице материальной возможности оставить работу на время, пока ребенок не достигнет определенного возраста (двух или трех лет)¹. Думается, что эти предложения заслуживают внимания, так же как и предложения предоставить женщинам-матерям возможность работать неполный рабочий день. Если рассматривать материнство не только как частное дело семьи, но и как необходимую общественную функцию, то необходимо и материальное обеспечение для уравнивания «двойной занятости» женщины.

Говоря о значении участия женщин в общественном хозяйстве для их освобождения и действительного равенства с мужчинами, В. И. Ленин тут же добавляет: «Конечно, здесь речь идет не о том, чтобы уравнивать женщину в производительности труда, размере труда, длительности его, в условиях труда и т. д., а речь идет о том, чтобы женщина не была угнетена ее хозяйственным положением в отличие от мужчины»². Таким образом, уже в самом начале строительства социализма В. И. Ленин подчеркивал, что равенство женщин с мужчинами в общественном труде отнюдь не равнозначно равенству в количестве этого труда.

В то же время вряд ли нужно возможность предоставления женщине-матери трудовых льгот противопоставлять возможности для нее устроить ребенка в ясли сразу же после окончания отпуска по беременности и родам. Следует считаться с тем, что многие женщины уже в настоящее время не согласятся прервать свою работу хотя бы на год, поскольку, даже независимо от матери-

¹ См.: Михайлюк В. Б. Использование женского труда в народном хозяйстве. М., 1970, с. 31; Сергеева Г. П. Специфика применений женского труда. — В кн.: Демографические проблемы занятости. М., 1969, с. 96.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 201.

альной заинтересованности в труде, такой продолжительный перерыв может отразиться на их квалификации. Сейчас это в основном затрагивает интересы женщин, занятых квалифицированным умственным трудом. Но, очевидно, с дальнейшим развитием научно-технической революции, с ростом творческого характера труда число и доля таких женщин будут увеличиваться¹.

Исследования социологов показывают, что, хотя экономические мотивы остаются преобладающими среди мотивов участия женщин в производстве, многие женщины не покинули бы производство, даже при полной материальной обеспеченности². Помимо необходимости

¹ Интересен в этом отношении опыт венгерской демографической политики. В 1967 г. в Венгрии было введено пособие для женщин-работниц, желающих после окончания 20-недельного отпуска по беременности и родам посвятить себя уходу за ребенком до тех пор, пока он не достигнет трехлетнего возраста. В первый год после введения пособия им воспользовались 71,7% женщин, имевших на него право. В следующем, 1968 г. этот процент сократился до 70,1, а в 1969 г. — до 65,7. При этом степень пользования пособием была обратно пропорциональной профессиональному и образовательному уровню матерей.

Как отмечает венгерский демограф Карой Мильтеньи, «в то время как среди работников физического труда воспользовались пособием $\frac{3}{4}$ женщин, среди работников умственного труда — примерно половина. Еще более отчетливо характеризуют эту связь данные об уровне образования: более $\frac{3}{4}$ женщин, имеющих неполное среднее образование, использовали право на пособие, со средним образованием — 60%, с высшим образованием — меньше $\frac{1}{3}$, среди женщин-врачей лишь 15% пользовались пособием» (Мильтеньи К. Демографическая и экономическая эффективность пособия по уходу за ребенком. — В кн.: Демографическая политика, с. 115—116).

Лишь около половины женщин, пользующихся этим пособием, используют его до конца срока. Многие женщины возвращаются на производство раньше истечения срока пособия, причем доля таких женщин уже прямо пропорциональна уровню их образования и квалификации (см. там же, с. 118). За первые три года после введения пособия показатели рождаемости повысились незначительно, в основном только за счет первых и вторых рождений, и не достигли даже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения. Следовательно, одно только сокращение женской занятости еще не решает проблемы малодетности.

² Исследования в Москве, Ленинграде и Пензе, проведенные в 1966 г. в рамках сравнительного советско-польского исследования, показали, что 53% опрошенных женщин рассматривают свою работу на производстве прежде всего как экономическую необходимость для повышения дохода семьи. В то же время на вопрос, согласились бы они работать на дому при условии сохранения той же заработной платы, большинство работниц ответило отрицательно. За работу вне дома высказались 85% опрошенных женщин (см.: Слеса-

в заработке труд в общественном хозяйстве привлекает еще и тем, что он лучше механизирован и организован, носит более творческий и коллективный характер, его результаты более осязаемы, доставляют большее удовлетворение, чем домашний труд. Опрашиваемые женщины указывают на возможность общения в коллективе, как на один из основных мотивов работы вне дома.

В городах этому помимо основных причин способствует, вероятно, и такое действительное удобство, как проживание в отдельной квартире. Отдельная квартира создает необходимые для человека возможности для отдыха, уединения, уюта, но эти же возможности способствуют изоляции жителей квартир. Социологи отмечают, что в больших домах крупных городов жители отдельных квартир зачастую незнакомы со своими соседями и не имеют желания вступать с ними в контакт. В таком случае естественная человеческая потребность в общении реализуется лучше всего в совместной работе в производственном коллективе родственных по образованию и интересам сотрудников.

В последнее время некоторые демографы высказывают серьезные возражения против воспитания детей в яслях, считая, что «никакой социальный институт не может заменить ребенку материнскую ласку и заботу в первый период его жизни»¹. В частности, по мнению Б. Ц. Урланиса, ясли уже не отвечают возросшему уровню жизни советской семьи и поэтому нужно вести линию на их сокращение; высокая стоимость содержания детей в яслях не оправдывает себя экономически. Дети в яслях подвержены инфекции и часто болеют, что вынуждает женщину прерывать свою производственную деятельность, получая 100% оплаты за дни болезни ребенка².

Хотя это мнение во многом отражает действительное

рев Г. А., Янкова З. А. Женщина на промышленном предприятии и в семье. — В кн.: Социальные проблемы труда и производства. Москва — Варшава, 1969, с. 421—422).

По результатам опроса, проведенного в Молдавии, около 70% опрошенных городских женщин не оставили бы работу в общественном производстве даже при полном достатке (см.: Шишкан Н. М. Социально-экономические проблемы женского труда в городах Молдавии. Кишинев, 1969, с. 39).

¹ Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР, с. 299.

² См.: Там же, с. 300—301.

положение, нам кажется, что согласиться с ним нельзя. Во-первых, при подсчете рентабельности детских учреждений необходимо учесть не только расходы на них и на выплаты пособий по болезни ребенка, но и те доходы общества от работы женщин на производстве, которые можно записать в актив детским учреждениям. Например, по расчетам Р. Б. Коган, В. Н. Щербакова и других авторов работа детских дошкольных учреждений дает значительный экономический эффект¹. Во-вторых, необходимо учитывать и те громадные преимущества коллективистского воспитания детей в яслях и детсадах именно в условиях массовой малодетности, когда у многих детей нет родных братьев или сестер. Концентрированное использование средств и квалифицированных педагогических и медицинских кадров, надо полагать, способно обеспечить такой уровень воспитания, который сегодня не всякой семье по силам. И если уровень работы детских учреждений не всегда соответствует возросшим требованиям родителей, целесообразнее, думается, поднимать этот уровень, чем оставлять семью «наедине со своими заботами».

По-видимому, решение проблемы состоит не в том, какой форме воспитания детей отдать исключительное предпочтение — индивидуально-семейной или общественной, — а в том, чтобы установить между ними оптимальные пропорции².

Большая роль в облегчении родительских забот при-

¹ См.: *Щербаков В. Н.* Социально-гигиеническое значение и экономическая эффективность ясельного обслуживания детей работниц промышленных предприятий. Автореф. канд. дис. М., 1972; *Коган Р. Б.* Экономическая эффективность обслуживания детей работниц промышленных предприятий детским садом. — «Советское здравоохранение», 1973, № 3.

² Некоторые экономисты выдвигают в качестве идеала полное обобществление воспитания детей в круглосуточных детских садах и школах-интернатах (см.: Ильиницкий П. С. Роль развития общественных форм потребления в активизации демографической политики. — В кн.: *Демографическая политика*, с. 46—48). По нашему мнению, такое фактическое отделение детей от семьи никак не могло бы способствовать духовному общению между детьми и родителями, как это полагает П. С. Ильиницкий (см. там же, с. 46). Скорее, наоборот, это могло бы еще более сократить потребность в детях, так как сводит роль матери только к роли «инкубатора». Ценность родительства включает в себя и родительские хлопоты. Их нельзя «отменить» без ущерба для самого родительства. Другое дело, что их необходимо облегчить и рационализировать.

надлежит сфере обслуживания. Но и здесь, думается, не нужно впадать в крайность и представлять себе идеальное будущее в виде полной замены индивидуально-семейной формы потребления общественной¹. Такая замена могла бы ослабить устои семейной жизни вообще. Представляется более реальным такое развитие, при котором сфера обслуживания только облегчает семье ведение домашнего хозяйства, а дальнейшее техническое оснащение делает домашнее хозяйство более приятным и творческим.

Материнство и домашнее хозяйство тесно связаны. Чтобы поднять престиж материнства, нужно, по нашему мнению, несколько приподнять и престиж домашнего хозяйства. Одной из причин того, что женщины (особенно высокообразованные) предпочитают общественно-производственную роль своей материнской роли и роли домашней хозяйки, является, кроме всего прочего, и сложившееся неравенство оценок этих ролей в общественном мнении. В то время как общественно-производственная роль женщины ценится высоко и окружена почетом, семейные роли женщины оцениваются ниже (зачастую только как препятствия к общественной активности), а домашнее хозяйство — лишь как «бремя». Женщина, родившая и воспитавшая трех и более детей и вследствие этого имевшая перерывы в производственном стаже или не набравшая необходимого числа лет стажа, рискует остаться без пенсии.

Не только в обыденной речи, но и в научной экономической литературе стали привычными выражения «работающие» и «неработающие» женщины вместо «занятые в общественном производстве» и «занятые в домашнем хозяйстве». Домашний труд, таким образом, семантически исключается из понятия «работа», а слова «работающие» и «неработающие» как аппрейзоры оказывают подсознательное влияние на психологию людей, особенно молодежи. В школах не обучают будущих отцов и матерей рациональному домоводству, использованию

¹ См.: Ильиницкий П. С. Роль развития общественных форм потребления в активизации демографической политики. — В кн.: Демографическая политика, с. 48—49; см. также: Ильиницкий П. С. К вопросу о влиянии форм личного потребления на генеративную активность населения. — В кн.: Демографические тетради. Вып. 4—5, с. 62—63.

бытовой техники, ведению семейного бюджета и другим необходимым для счастливой семейной жизни навыкам. Не секрет, что многие молодые люди, вступив в брак, испытывают трудности в организации домашнего хозяйства даже в том случае, если у них нет детей или только один ребенок. Дело не только в объективно существующей сложности, но и в элементарной неподготовленности. Возможно, что неумение и нежелание вести домашнее хозяйство является одной из причин распада некоторой доли молодых браков. Демографы и социологи, изучающие причины роста разводов, часто называют пьянство мужей в числе чуть ли не главных причин разводов (по мнению опрашиваемых женщин). Но не исключено, что какая-то часть причин пьянства приходится на неустроенность домашнего быта.

Смягчение проблемы «двойной занятости» женщины, по нашему мнению, важная часть решения проблемы малодетности, но только часть. Создание материальных условий для рождения третьего ребенка может помочь только семьям, имеющим потребность в таком числе детей. Между тем многие другие факторы, помимо «двойной занятости», влияют на уменьшение потребности в третьем ребенке как у занятых в общественном производстве женщин, так и у не занятых в нем. Например, по итогам Всесоюзной переписи населения 1970 г. число детей у женщин, занятых только в подсобном сельском хозяйстве, в республиках с низкой рождаемостью не намного выше, чем у занятых преимущественно физическим трудом в народном хозяйстве. Например, у сельских женщин Украинской ССР, занятых в народном хозяйстве преимущественно физическим трудом, в расчете на 1000 матерей приходится в среднем 1982 ребенка, в то время как на 1000 матерей, занятых в личном подсобном сельском хозяйстве, — 2060¹.

Различий в рождаемости между женщинами, занятыми и не занятыми в общественном производстве, может

¹ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VII, с. 450—451. По опубликованным итогам переписи не представляется возможным сравнить число детей у женщин, занятых в общественном производстве, и у домашних хозяек. Но можно предположить, что с точки зрения оценки влияния общественно-производственной деятельности женщин на рождаемость разница между домашними хозяйками и женщинами, занятыми только в личном подсобном хозяйстве, несущественна.

и не быть вовсе. Но при этом важно заметить, что такое стирание различий происходит за счет снижения рождаемости до малолетности в обеих категориях женщин. Например, в исследовании 1961 г., проведенном в Чехословакии, на вопрос, при каких условиях женщины хотели бы иметь троих детей, ответили «ни при каких условиях» 59,6% опрошенных женщин-работниц и 60,6% домашних хозяек¹.

Процесс экстенсивного вовлечения женщин в общественное производство в нашей стране близок к завершению. Однако, на наш взгляд, нельзя согласиться с мнением, будто поэтому в дальнейшем фактор женской занятости перестанет влиять на снижение рождаемости². Ведь, очевидно, будет продолжаться бесконечный процесс качественных изменений женской занятости: повышение уровня образования, квалификации, общественной активности и т. д. Даже в наиболее благоприятных материальных условиях повышение квалификации требует значительных затрат сил и времени. Поэтому, вероятнее всего, можно ожидать, что, если сложившаяся структура ценностей не изменится, процесс роста женской профессиональной квалификации будет происходить за счет отказа от рождения третьих, а в дальнейшем — и вторых детей.

Благосостояние и рождаемость. Вопрос о характере связи между уровнем благосостояния семьи и числом детей в ней — один из самых старых и до сих пор наиболее спорных в исследованиях дифференциальной рождаемости.

Вполне очевидно, что для того, чтобы иметь детей, необходимы определенные материальные условия. Очевидно также, что чем лучше материальные условия, тем больше детей можно содержать. Однако результаты эмпирических исследований вновь и вновь констатируют так называемый парадокс обратной связи между показателями уровня жизни и рождаемости. Собственно говоря, этот парадокс можно видеть и без «статистической лупы».

¹ См.: *Прокопец И.* Замужняя женщина в семье и на работе, 1961 г. — В кн.: Рождаемость и ее факторы, с. 55.

² См.: *Урланис Б. Ц.* Проблемы долгосрочного прогнозирования численности населения. — В кн.: Методология прогнозирования экономического развития СССР. М., 1971, с. 285.

Так, совершенно бесспорно, что уровень жизни всего населения нашей страны в последнее десятилетие повышался быстрее, чем когда-либо прежде. Однако рождаемость снижается. Можно также отметить, что уровень жизни в городах выше, чем на селе, и в крупных городах — выше, чем в малых, а уровень рождаемости, наоборот, соответственно ниже. Как уже отмечалось в начале главы, на парадокс обратной связи обращали внимание в отдельных случаях еще экономисты XVIII—XIX вв.

К. Маркс в «Капитале» отметил его уже как закономерность: «...не только число рождений и смертных случаев, но и абсолютная величина семей обратно пропорциональны высоте заработной платы, т. е. той массе жизненных средств, которой располагают различные категории рабочих. Этот закон капиталистического общества звучал бы бессмыслицей, если бы мы отнесли его к дикарям или даже к цивилизованным колонистам»¹.

Некоторые авторы считают, что указанную закономерность К. Маркс будто бы относит не ко всему рабочему классу, а только к одной, наиболее нищей его части, не имеющей постоянной работы². Думается, для такого ограничительного толкования нет достаточных оснований. Во всяком случае, у К. Маркса нет никаких оговорок относительно границ действия отмеченной закономерности. Напротив, К. Маркс делает в этом месте примечательную сноску, в которой приводит отдельные наблюдения обратной закономерности между благосостоянием и рождаемостью А. Смита, Галиани и Ленга, сделанные ими в разное время вообще вне связи с классовыми отношениями, т. е. относящиеся к различным слоям населения³. К. Маркс дал эту сноску без каких-либо оговорок, в дополнение к своим собственным наблюдениям. Из этого, как нам кажется, следует, что К. Маркс

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 658.

² См.: Смуглевич Б. Я. Буржуазные теории народонаселения в свете марксистско-ленинской критики. М.—Л., 1936, с. 141; Смуглевич Б. Я. Критика буржуазных теорий и политики народонаселения. М., 1959, с. 22—23; Кузнецов А. Д. Трудовые ресурсы СССР и их использование. М., 1960, с. 28; Слесарев Г. А. Методология социологического исследования проблем народонаселения СССР. М., 1965, с. 114; Болдырев В. А. Экономический закон населения при социализме. М., 1968, с. 85; Курс демографии. Изд. 2-е. М., 1974, с. 431.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 658.

допускает действие отмеченной им закономерности не только в одной категории рабочих, но и в других социальных группах.

Споры экономистов о границах действия закономерности, отмеченной К. Марксом, которые теперь, пожалуй, поутихли, десяток лет тому назад имели отнюдь не схоластическое значение, как может показаться. Фактически это были споры о том, действует ли обратная закономерность между благосостоянием и рождаемостью и в социалистическом обществе или она специфична только для капитализма¹. Несколько лет результаты исследований в нашей стране (число которых начало увеличиваться с 1960 г.), обнаруживавших парадокс обратной связи между благосостоянием и рождаемостью, встречались многими экономистами с недоверием. Некоторые экономисты и демографы и сейчас рассматривают обратную закономерность как нечто временное, преходящее, должное непременно измениться на прямую. Видимо, только этим можно объяснить довольно часто встречающиеся в демографической литературе ссылки на любые результаты исследований, в которых проявилось хоть что-либо похожее на прямую связь между показателями условий жизни и рождаемости, независимо от того, в каких странах и в какое время проводились эти исследования, насколько они представительны по масштабам и процедуре выборки, какие типы показателей материального благополучия использовались, каковы величина и размах вариации показателей рождаемости и т. п. Такие ссылки обычно служат основанием для высказывания предположений, будто по мере дальнейшего роста уровня жизни в нашей стране рождаемость сама собой возрастет².

¹ См., в частности: *Струмилин С. Г.* К проблеме рождаемости в рабочей среде. — В кн.: *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда, с. 193—194; *Смулевич Б. Я.* Критика буржуазных теорий и политики народонаселения, с. 20—21; *Струмилин С. Г.* К проблеме рождаемости в рабочей среде. — Избр. произв. Т. 3, с. 136—137.

² Вот довольно типичный пример такого рассуждения: «Исследования многих авторов, в основном зарубежных, говорят о том, что при достижении определенного уровня благосостояния падение рождаемости прекращается. В некоторых странах выполнены обследования, показавшие прямую зависимость рождаемости от доходов во всех основных слоях общества. Такие результаты, в частности, были получены по шведским данным. Очевидно, и у нас падение рождаемости будет иметь подобную эволюцию. Уже сейчас в целом по республике (имеется в виду Украинская ССР. — В. Б.) наметилась тенденция к

Мы вовсе не собираемся доказывать, будто обратная зависимость между показателями условий жизни и рождаемости проявляется всегда, что она проявляется как универсальный закон. Вполне естественно, что как всякая статистическая закономерность она проявляется в массе случаев в виде тенденции со множеством отклонений. Но, однако, важно отметить, что обратная зависимость фактически проявляется значительно чаще, чем прямая, и это обстоятельство уже должно привести к выводу, что просто так отмахнуться от этого надоевшего «парадокса» нельзя.

В частности, почти все советские исследования факторов рождаемости, в которых в качестве характеристики уровня жизни семьи использовался *размер душевого дохода*, показали обратную связь между этим показателем и показателями рождаемости. Это прежде всего наиболее представительные по своим масштабам исследования, проведенные ЦСУ СССР в 1934 г.¹, 1959 г.², 1960 г.³,

замедлению темпов ее падения» (Стещенко В. С. Воспроизводство населения Украинской ССР. — В кн.: Вопросы демографии. Киев, 1968, с. 67).

Однако эти «шведские данные» (по-видимому, имеется в виду исследование К. Эдина и Э. Хатчинсона, проведенное в Стокгольме еще в 1930-х гг.), во-первых, методологически шатки (об этом речь пойдет несколько позже), во-вторых, уже устарели. С тех пор как К. Эдин и Э. Хатчинсон провели свое исследование, уровень рождаемости в Швеции отнюдь не увеличился и в настоящее время один из самых низких в мире (12,6‰ в 1975 г.), в то время как уровень жизни — один из самых высоких среди развитых капиталистических стран.

В то же время наметившаяся тенденция к замедлению темпов снижения уровня рождаемости, которая наметилась не только на Украине, но и в других союзных республиках с низкой рождаемостью, не может служить свидетельством долгожданного изменения характера связи между благосостоянием и рождаемостью. Она имеет совсем другое происхождение. Это следствие приближения уровня рождаемости к своему нижнему пределу, который находится на уровне преобладающей однодетности семей. Поскольку от единственного ребенка добровольно почти никто не отказывается, по мере увеличения доли однодетных семей темпы сокращения рождаемости замедляются.

¹ См.: Струмилин С. Г. К проблеме рождаемости в рабочей среде. — Избр. произ. Т. 3, с. 138—142.

² См.: Струмилин С. Г. В космосе и дома. — Избр. произв. Т. 5. М., 1965, с. 308.

³ См.: Вострикова А. М. Некоторые данные о рождаемости в СССР. — «Вестник статистики», 1962, № 12; Вострикова А. М. Методы обследования и показатели рождаемости в СССР. — В кн.: Вопросы народонаселения и демографической статистики, с. 36.

1967—1969 гг.¹ и 1972 г., а также исследования, проведенные в г. Жуковском в 1960 г.², в Ереване в 1963 г.³, в Латвии в 1966—1967 гг.⁴, на одном из промышленных предприятий Минска в 1970 г.⁵, на 11 предприятиях в двух районах Москвы в 1970 г.⁶, в г. Целинограде и сельской местности Целиноградской области⁷, в Магадане⁸ и др.

Из числа опубликованных наиболее представительны по своим масштабам результаты обследования «СССР-1969», в которых показатели идеального и ожидаемого числа детей в семьях рабочих и служащих дифференцированы не только по размерам душевого дохода, но одновременно и по уровню образования женщин (см. табл. 25). Следует отметить, что по данным названного обследования обнаруживается не только обратная связь планируемой рождаемости с душевым доходом семьи, но и вообще малая абсолютная величина ее в группах семей со средними и более высокими доходами (и с уровнем образования женщин выше начального). Среднее ожидаемое число детей в этих группах респондентов варьирует от 2,20 до 1,84; что недостаточно для простого замещения поколений в будущем. А ведь это социальные группы, которые

¹ См.: Белова В. А. Число детей в семье, с. 146—149.

² См.: Таубер Н. А. Влияние некоторых условий жизни на уровень брачной плодовитости. — В кн.: Проблемы демографической статистики, с. 135—139.

³ См.: Давтян Л. М. О зависимости между благосостоянием и рождаемостью. — В кн.: Проблемы демографической статистики, с. 153.

⁴ См.: Шлиндман Ш., Звидриньш П. Изучение рождаемости, с. 62.

⁵ См.: Шахотько Л. П. Уровень рождаемости как функция удовлетворения материальных и духовных потребностей населения. — В кн.: Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов. Вып. 3, Минск, 1972, с. 85; Шахотько Л. П. Рождаемость в Белоруссии. Минск, 1975, с. 100

⁶ См. Киселева Г. П., Таубер Н. А. Демографическое поведение населения г. Москвы (по материалам обследования). — В кн.: Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов. Вып. 5. Минск, 1974, с. 123; Таубер Н. А. Условия жизни семьи и среднее число детей. — В кн.: Демографический анализ рождаемости. М., 1974, с. 16.

⁷ См.: Желоховцева И. Н., Свиридова Л. Е., Шитиков Ю. Д. О взаимосвязи брачной плодовитости молодых женщин с социально-гигиеническими условиями жизни семьи (по материалам Целиноградской области Казахской ССР). — «Советское здравоохранение», 1973, № 12, с. 34.

⁸ См.: Власов В. Д. Некоторые демографические особенности в условиях Крайнего Севера (Магадан). — «Советское здравоохранение», 1975, № 5, с. 20.

уже составляют большинство населения нашей страны и удельный вес которых в населении будет расти и в дальнейшем. Поэтому эти данные указывают, по нашему мнению, на возможность дальнейшего сокращения уровня рождаемости (разумеется, если наблюдаемые в настоящее время закономерности не изменятся).

Нам известно только одно исследование, которое не показало существенной связи между размером душевого дохода и рождаемостью — исследование И. П. Катковой, проведенное в одном из районов Москвы в 1966 г. В этом обследовании в выборке из 400 семей однодетные семьи составляли 77%, с двумя детьми — только 13% и не было ни одной семьи с числом детей более двух. В семьях с одним ребенком не прослеживалась связь между рождаемостью, душевым доходом и образованием, а в семьях с двумя детьми различия в показателях между группами по доходу были настолько малы, что их можно было бы толковать как прямую связь между доходом и рождаемостью только формально¹. Это, по-видимому, можно объяснить малочисленностью группы семей с двумя детьми (всего 51), разделенной к тому же на четыре подгруппы по размерам дохода. Такие малочисленные группировки не могут быть достаточными для выявления какой-либо действительной закономерности.

Положительная связь между доходом и рождаемостью наблюдалась только в четырех советских исследованиях².

¹ В группе с душевым доходом ниже 50 руб. 10,3% семей имели двух детей, с доходом 51—70 руб. — 14,0%, 71—100 руб. — 15,2%; больше 100 руб. — 12,5% (см.: Каткова И. П. Рождаемость в молодых семьях, с. 53).

² Это исследования, проведенные Г. А. Слесаревым в Горьком в 1962 г.; Отделом демографии НИИ ЦСУ СССР на четырех московских предприятиях в 1966 г.; обследование на одном из предприятий Минска в 1970 г. и крупнейшее бюджетное обследование ЦСУ СССР в сентябре 1972 г. (см.: Слесарев Г. А. Методология социологического исследования проблем народонаселения СССР, с. 117; Белова В. А., Дарский Л. Е. Мнения женщин о формировании семьи. — «Вестник статистики», 1968, № 8, с. 31; Шахотко Л. П. Уровень рождаемости как функция удовлетворения материальных и духовных потребностей населения — В кн.: Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов. Вып. 3, с. 85).

В двух последних из названных исследованиях использовались одновременно оба показателя и среднедушевой, и общий доход семьи. Поэтому они фигурируют дважды: как в группе исследований, показавших обратную связь душевого дохода с числом детей в семье, так и в группе исследований, показавших прямую (положительную) связь общего дохода семьи с числом детей.

Однако важно отметить, что во всех этих исследованиях в качестве группировочного факторного признака использовался не среднедушевой, а *общий доход семьи*. Это важное отличие, на которое почему-то редко обращают внимание при сопоставлении противоречивых результатов различных исследований дифференциальной рождаемос-

Таблица 25

Наилучшее и ожидаемое число детей в семье, по мнению опрошенных женщин, в зависимости от уровня образования и дохода на одного члена семьи «СССР—1969»

Группы по доходу на одного члена семьи	В среднем	в том числе по мнению женщин с уровнем образования			
		высшее и незаконченное высшее	среднее общее и специальное	неполное среднее	начальное и ниже
Среднее идеальное число детей					
I	4,10	3,98	3,88	3,96	4,29
II	3,01	3,22	2,96	2,97	3,07
III	2,71	2,74	2,63	2,72	2,83
IV	2,58	2,56	2,53	2,63	2,68
V	2,57	2,51	2,54	2,64	2,77
В среднем	2,88	2,67	2,72	2,90	3,25
Среднее ожидаемое число детей					
I	4,23	3,91	3,59	4,00	4,65
II	2,65	2,78	2,50	2,60	2,87
III	2,15	2,09	2,03	2,20	2,39
IV	1,92	1,84	1,84	2,01	2,17
V	1,87	1,71	1,85	2,03	2,15
В среднем	2,41	1,99	2,12	2,47	3,10

Примечание Группы расположены в порядке увеличения дохода. В группу I включены семьи с самым низким доходом на одного члена семьи, в группу V — с самым высоким.

Источник. Белова В. А. Число детей в семье, с. 146.

Результаты исследования в Москве в 1966 г. показали такую незначительную дифференциацию результативного признака, что говорить о какой-либо связи можно только формально. По данным этого исследования среднее идеальное и среднее ожидаемое число детей в группах семей с совокупным доходом брачной пары выше медианного уровня были несколько выше (1,92 и 1,77), чем в группах с доходом ниже медианного (соответственно 1,87 и 1,62). Авторы совершенно справедливо объясняют такую небольшую разницу однородностью обследованного массива (см.: Белова В. А., Дарский Л. Е. Мнения женщин о формировании семьи. — «Вестник статистики», 1968, № 8, с. 31).

ти. Если же принять во внимание различия в видах факторных признаков, то становится ясно, что мы имеем дело не с одной и той же закономерностью «связи дохода с рождаемостью», проявляющей себя противоречиво, но с разными закономерностями, чаще всего довольно-таки однозначными.

Так, при использовании в качестве группировочного факторного признака дохода на одного члена семьи (среднедушевого дохода), как правило, проявляется обратная связь между ним и числом рождений или числом детей в семье (фактическим или ожидаемым). Это верно не только по отношению к результатам исследований в нашей стране, но и к зарубежным, хотя надо заметить, что в зарубежных исследованиях среднедушевой доход семьи используется в качестве факторного признака очень редко.

Таблица 26

Среднее планируемое число детей в семье в зависимости от чистого душевого среднемесячного дохода по данным выборочного опроса 3470 замужних женщин, проведенного в Чехословакии в 1972 г.

Доход в кронах	Процент женщин, планирующих иметь число детей						Среднее пла- нируемое число детей
	0	1	2	3	4	5	
Менее 200	0,0	0,0	66,7	33,3	0,0	0,0	2,33
201—400	0,0	15,2	30,3	48,5	0,0	6,0	2,67
401—600	0,4	6,8	41,0	33,1	12,8	6,0	2,74
601—800	0,5	8,3	52,2	29,6	6,5	3,0	2,44
801—1 000	0,3	0,4	65,5	20,2	3,1	0,5	2,17
1 001—1 200	0,3	17,6	63,2	15,6	2,9	0,5	2,04
1 201—1 400	3,3	19,5	57,3	18,5	1,0	0,3	1,95
1 401—1 600	1,9	17,1	53,2	27,0	0,4	0,4	2,08
1 601—1 800	4,7	14,1	55,5	23,4	2,3	0,0	2,05
1 801—2 000	9,3	7,0	55,1	16,3	2,3	0,0	1,95
2 001 и более	17,8	13,3	46,7	17,8	2,2	2,2	1,87
В среднем	1,4	12,9	57,7	22,7	3,9	1,4	2,20

Источник *Srb V, Kucerák J. Prieskum o populacnich problemach (1972)*. — «Demografie», 1974, № 2, s. 109.

В качестве примера зарубежного исследования можно привести крупный выборочный опрос 3470 замужних женщин в Чехословакии в 1972 г., который показал об-

ратную связь между чистым среднедушевым месячным доходом семьи и средним планируемым числом детей.

Кстати, стоит обратить внимание в табл. 26 на одну особенность ряда распределения по планируемому числу детей. По мере перехода от групп с низкими доходами к группам с высокими доходами среднее планируемое число детей тоже вначале увеличивается, с 2,33 в группе с доходом менее 200 крон в месяц до 2,74 в группе с доходом 401—600 крон, а затем довольно плавно снижается до минимума в группе с наиболее высокими доходами. Напрасно было бы строить на этом повышении числа детей какие-либо теоретические выводы о характере связи дохода с рождаемостью. Нетрудно убедиться, что это отклонение кривой распределения имеет случайный характер. Для этого нужно взглянуть на процентное распределение женщин в таблице, планирующих то или иное конкретное число детей.

Группы с наименьшими доходами явно малочисленнее других, особенно группа с доходом менее 200 крон. В этой группе случайно не оказалось ни одной женщины, предполагающей иметь менее двух или более трех детей. Поэтому и среднее планируемое число детей оказалось под влиянием случайного в какой-то степени распределения долей женщин, предполагающих иметь двух или трех детей. Напротив, в группе семей с доходом 401—600 крон резко выделяется относительно большой процент женщин, планирующих иметь четырех детей. Это также, несомненно, случайное повышение доли повлияло и на повышение среднего планируемого числа детей в группе с данным доходом.

Вообще крайние группы — с самыми низкими и с самыми высокими доходами — в экономически развитых странах с высоким уровнем жизни всегда, по-видимому, относительно невелики. Относительно малы они и в выборочных обследованиях. Поэтому следует более осторожно относиться к любым результативным средним величинам в крайних группах рядов распределения и не топиться трактовать их как закономерность.

При использовании в качестве факторного группировочного признака общего дохода семьи или дохода мужа зависимость между этими факторами и показателями рождаемости (фактическими либо представляемыми в мнениях) в зарубежных исследованиях оказывается

в самом деле противоречивой: либо положительной, либо отрицательной, либо вовсе отсутствует. В частности, в американском исследовании GAF 1960 связь между размером годового дохода семьи и фактическим числом детей на момент обследования имела слабо выраженную параболическую форму: по мере перехода от групп с низкими доходами к группам с высокими доходами среднее число детей сначала увеличивалось с 2,2 до 2,5, а затем уменьшалось до 2,1 (в среднем 2,3). Такая же форма связи была и между годовым доходом семьи и ожидаемым числом детей¹.

При дифференциации по доходу мужа проявилась слабая прямая связь между доходом и фактическим числом детей (размах вариации от 2,1 ребенка в низшей группе по доходу до 2,5 в высшей), но слабая обратная связь с ожидаемым числом детей (размах вариации от 3,2—3,3 ребенка в низших группах по доходу до 3,0—3,1 в высших)². Дифференциация этих показателей слишком мала, чтобы делать какие-либо определенные выводы о действительной форме связи.

В другом крупном американском обследовании — NFS 1965 в выборке белых женщин были найдены очень слабая обратная связь между ожидаемым числом детей и годовым доходом мужа и несколько более заметная обратная же связь между ожидаемым числом детей и общим доходом семьи. Значительно заметнее обратная связь проявилась в выборке негритянских женщин. Однако в этой выборке число женщин с высоким уровнем доходов относительно невелико³.

Обратную зависимость между доходами мужа или общим доходом семьи и фактическим числом рождений обнаруживают и данные переписи населения США 1970 г. (табл. 27), причем как в городских, так и в сельских поселениях. Интересно, что по этим данным обратная зависимость между общим доходом семьи и числом рождений проявляется как среди всех семей, так и среди семей, в которых женщины-матери работают вне дома (в табл. показаны данные именно для таких семей). Здесь, по-ви-

¹ *Whelpton P. K., Campbell A. A., Patterson I. E. Fertility and Family Planning in the United States, p. 107.*

² *Там же, с. 104.*

³ *Ryder N. B., Westoff Ch. F. Reproduction in the United States, p. 60*

димому, проявляется влияние профессиональной квалификации женщин на их рождаемость. Чем выше профессиональная квалификация, тем выше их заработок (и соответственно общий доход семьи) и тем ниже рождаемость. Но все же нужно отметить и то, что размах вариации чисел рождений невелик. Это должно заставлять относиться с осторожностью к выводам.

Таблица 27

Число рожденных детей на 1000 белых замужних женщин в возрасте 35—39 лет, живущих вместе с мужем, в зависимости от типа поселения, годового дохода мужа и общего дохода семьи в 1969 г.* по данным переписи населения США 1970 г.

Доход, долл	Территория США в целом	Урбанизированные территории	Прочие городские поселения	Сельская местность
Годовой доход мужа				
менее 2 000	3 659	3 419	3 686	3 867
2 000— 2 999	3 841	3 533	3 875	4 022
3 000— 3 999	3 734	3 516	3 811	3 848
4 000— 4 999	3 599	3 471	3 550	3 711
5 000— 6 999	3 403	3 286	3 351	3 538
7 000— 9 999	3 294	3 237	3 195	3 443
10 000—14 999	3 271	3 220	3 262	3 412
15 000—24 999	3 225	3 170	3 267	3 398
25 000 и более	3 266	3 203	3 345	3 461
Общий доход семьи				
менее 2 000	3 324	2 986	3 631	3 530
2 000— 3 999	3 529	3 321	3 689	3 630
4 000— 4 999	3 470	3 280	3 733	3 488
5 000— 5 999	3 382	3 239	3 584	3 404
6 000— 6 999	3 429	3 381	3 357	3 493
7 000— 9 999	3 226	3 192	3 145	3 302
10 000—14 999	3 095	3 067	3 047	3 174
15 000—24 999	2 990	2 925	3 052	3 141
25 000 и более	2 911	2 784	3 118	3 198

* Взятые только семьи, в которых женщина работает вне дома
 Источник Women by Number of Children Ever Born, 1970 Census of Population Subject Reports, PC(2)-3A, 1973, p. 246—249, 273—280.

В то же время в ряде американских исследований дифференциальной рождаемости связь между доходом мужа и числом детей в семье (фактическим или ожидае-

мым) имеет U-образную форму, т. е. по мере перехода от групп с низкими доходами показатели рождаемости сначала снижаются, затем после некоторого уровня снова повышаются. Обычно это повышение происходит лишь в самых высших (чаще даже в самой последней группе) группах по шкале доходов при общей слабой вариации показателей рождаемости. В таких случаях, как отметила известный американский социодемограф Джудит Блэйк, «многие начинают думать, не является ли такая кривая первым предвестником того, что в будущем связь между доходом и рождаемостью станет положительной»¹. По ее мнению, к которому мы присоединяемся, для таких прогнозов материалы проведенных исследований не дают оснований.

Во-первых, U-образная форма связи обычно проявляется при малой общей вариации резульативного признака и, следовательно, уже вследствие этого имеет определенную вероятность быть случайной. Это имеет тем большее значение, чем ниже абсолютные величины показателей рождаемости, поскольку в этом случае увеличивается побочное влияние доли единственных детей, рождение которых мало зависит от материальных условий.

Во-вторых, численность респондентов в группе с самыми высокими доходами по вполне очевидным причинам обычно значительно меньше, чем в предшествующих группах (особенно в комбинационных группировках при большой дробности массива), и зачастую просто мала абсолютно. В таком случае среднее значение показателя рождаемости в этой группе в значительной степени подвержено случайному влиянию вследствие неоднородности группы по каким-либо другим признакам (при одинаковом доходе — по уровню образования, характеру занятия, национальности, вероисповеданию и т. п.).

Если в результате средняя величина показателя рождаемости в группе с самыми высокими доходами окажется случайно заниженной, кривая распределения показателей рождаемости будет иметь вместо U-образной формы «чистую» форму обратной связи и не вызовет интереса у энтузиастов прямой зависимости между доходом и рождаемостью. Когда же средняя в высшей группе по доходу случайно отклонится вверх, окажется завышенной,

¹ *Blake J. Income and Reproductive Motivation. — «Population Studies», 1967, v, 21, № 3, p. 185.*

тогда проявляется U-образная форма зависимости и на нее начинают ссылаться как на знамение будущих глобальных перемен во взаимоотношениях благосостояния и рождаемости.

Такая поспешность в выводах, с нашей точки зрения, иногда допускается и нашими демографами. Например, в обследовании, проведенном в Целинограде и сельской местности Целиноградской области Казахской ССР, авторы получили в группе городских женщин с высшим и средним образованием и среднедушевым доходом семьи менее 50 руб. коэффициент рождаемости 210,6 (на 100 женщин за 10 лет брачной жизни), а в группе с доходом более 50 руб. и с тем же уровнем образования — 237,4. Во всех других группах с более низким уровнем образования коэффициенты рождаемости у более обеспеченных женщин были ниже, чем у менее обеспеченных, т. е. связь в основном обратная. Тем не менее на основе одного частного результата авторы сочли «важным подчеркнуть, что у городских женщин с высоким уровнем образования наблюдается хотя и слабая, но уже прямая связь между материальной обеспеченностью семьи и показателями плодovitости»¹.

Такой вывод авторов можно объяснить только их горячим желанием отыскать долгожданную прямую связь между благосостоянием и рождаемостью, так как небольшая разница в двух показателях не может служить основанием для него. Разница могла быть следствием неоднородности групп с разным уровнем дохода и одинаковым уровнем образования по другим признакам, например по национальному составу. Выборка в исследовании состояла в основном из русских и казахских семей, рождаемость которых по данным того же исследования значительно различается².

Нам представляется, что при анализе результатов выборочных исследований факторов рождаемости, особенно когда выборка невелика, было бы правильнее не обращать внимание на отклонения показателей крайних групп

¹ Желоховцева И. Н., Свиридова Л. Е., Шитиков Ю. Д. О взаимосвязи брачной плодovitости молодых женщин с социально-гигиеническими условиями жизни семьи (по материалам Целиноградской области Казахской ССР) — «Советское здравоохранение», 1973, № 12, с. 34.

² За 10 лет в охваченных обследованием городских казахских семьях было 3,3 рождений, в русских — 2,1 (см там же, с. 33).

ряда распределения (например, показателей групп с самым низким и с самым высоким доходом), если есть основания предполагать малочисленность (непредставительность) этих групп. Или по крайней мере не воспринимать эти отклонения буквально.

Наконец, при анализе формы кривой связи дохода с рождаемостью необходимо не упускать из виду и абсолютную величину показателей рождаемости. По какому-то совпадению (может быть, не случайному) прямая связь между доходом семьи или мужа обнаружена в исследованиях, проведенных в районах с низкой рождаемостью (высоким процентом однодетных семей). Так, например, в исследованиях, проведенных на промышленных предприятиях Горького в 1962 г. и на камвольном комбинате Минска в 1970 г., в которых была найдена прямая связь между общим доходом семьи и числом детей в ней, только в самых высших по доходу группах респондентов среднее число детей едва приближается к величине, необходимой для простого воспроизводства населения¹. Обращая внимание только на форму зависимости между общим доходом семьи и числом детей, можно сделать вывод, что «чем выше общий доход семьи, тем чаще реализуется желание иметь детей»². Но если обратить при этом внимание и на величину показателей, и на размах их вариации, то приходим к другому выводу, что прямая зависимость ничего не меняет в проблеме малодетности.

По данным крупнейшего исследования, проведенного ЦСУ СССР в 1972 г. и также обнаружившего прямую зависимость между общим доходом семьи и рождаемостью, число детей в семьях рабочих и служащих в республиках с низкой рождаемостью варьирует от 1,69 до 2,08 (табл. 28). Хотя формально зависимость между доходом и рождаемостью по этим данным (весьма надежным и представительным) выглядит положительной, было бы неправильно игнорировать тот факт, что в данном случае в группах семей рабочих и служащих с самым высоким доходом число детей в среднем ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения. Следовательно, если даже положительная связь между общим

¹ См.: *Слесарев Г. А.* Методология социологического исследования проблем народонаселения СССР, с. 117; *Шахотько Л. П.* Рождаемость в Белоруссии, с. 101.

² Там же.

доходом семьи и рождаемостью действительно существует, то по результатам обследования 1972 г. получается, что эта связь все же слабая.

Таблица 28

Среднее число рожденных детей в зависимости от совокупного дохода семьи в республиках с относительно низкой рождаемостью по данным обследования ЦСУ СССР в 1972 г.

Месячный доход семьи, руб.	Все население	в том числе в семьях	
		рабочих и служащих (без работников совхозов)	колхозников и работников совхозов
Менее 150	2,01	1,77	2,22
151—210	1,94	1,69	2,37
211—300	1,91	1,72	2,51
301—450	1,95	1,79	2,67
451—600	2,05	1,88	2,89
601—900	2,19	1,96	3,04
901 и выше	2,49	2,08	3,23

Источник. Сифман Р. И. Влияние материального благосостояния на развитие семьи. — В кн.: Социально-экономические проблемы формирования и развития семьи. Ереван, 1975, с. 46.

Семьи отнесены к той или иной группе на основании принадлежности к ней члена семьи, попавшего в отбор. Включены женщины, занятые в общественном производстве в возрасте до 45 лет, состоящие в первом браке. Показатели стандартизованы по продолжительности брака.

Таким образом, все четыре советских исследования, зафиксировавшие положительную связь размеров дохода с числом детей в семье, не могут служить основанием для прогнозов, будто с дальнейшим повышением уровня жизни рождаемость повысится.

Тем более не могут, по-видимому, служить таким основанием материалы исследований, проведенных в капиталистических странах, и, в частности, исследований К. Шварца в ФРГ (1962 г.) и К. Эдина и Э. Хатчинсона в Стокгольме (1935 г.), на которые так часто ссылаются и в нашей литературе, и в международной как на аргумент¹. В исследовании К. Шварца по материалам мик-

¹ См., например: Сифман Р. И. Изучение факторов, определяющих рождаемость, в современных зарубежных исследованиях. — В кн.: Статистика и электронно-вычислительная техника в экономике. Вып. 1. М., 1966; Стещенко В. С. Воспроизводство населения Украинской ССР. — В кн.: Вопросы демографии. Киев, 1968, с. 67; Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР, с. 125; Курс демографии. Изд. 2-е, с. 353 и 358; Боярский А. Я. Население и методы его изучения. М., 1975, с. 25 и 65; The Determinants and Consequences of Population Trends. V. 1, 1973, p. 99—100, и др.

ропереписи населения ФРГ 1962 г. была найдена положительная связь числа детей в семье с доходом мужа внутри выделенных им четырех социально-профессиональных групп.

С переходом от подгрупп с самым низким доходом мужа к подгруппам с самым высоким доходом среднее число рожденных детей (в расчете на 1000 браков) увеличивалось с 1402 до 1609 у служащих, с 1538 до 2197 — у чиновников, с 1698 до 1752 — у хозяев и самостоятельных работников и с 1710 до 1898 — у рабочих¹. Как видим, и сами показатели рождаемости очень низкие, и размах вариации небольшой.

К. Шварц вначале было отметил, что «установленные различия в числе детей в семьях разных общественных групп говорят об истинной дифференциации лишь приближенно»². Но далее он сформулировал различные гипотезы о причинно-следственных зависимостях дохода и рождаемости, не обращая внимания на величину и размах вариации показателей. Между тем, во-первых, неизвестно, как отметил А. Г. Волков, какие принципы легли в основу группировки по социально-профессиональным группам, и поэтому трудно судить, насколько четко они дифференцированы³. Во-вторых, небольшая величина показателей рождаемости (почти все ниже двух детей на одну брачную пару) и их слабая дифференциация говорят о значительной доле однодетных семей в выборке. Этот фактор вместе с вероятной социальной неоднородностью группировки мог также исказить случайным образом форму связи между доходом и рождаемостью.

Не могут, по нашему мнению, служить аргументом в пользу существования прямой зависимости между доходом семьи и рождаемостью и результаты другого часто упоминаемого в нашей литературе исследования, проведенного в 1930-х гг. в Швеции К. Эдином и Э. Хатчинсоном. Это обследование имело ряд методологических дефектов (в частности, не была учтена значительная часть рождений в малообеспеченных семьях; данные обследования относятся к периоду экономического кризиса и др.).

¹ См.: Шварц К. Число детей в семье в Западной Германии в зависимости от типа поселения и от социальной среды — В кн. Рождаемость и ее факторы, с. 95.

² Там же, с. 86.

³ См.: Волков А. Г. Предисловие к книге «Рождаемость и ее факторы», с. 11.

Сами авторы признавали, что эти дефекты могли оказать влияние на результаты¹.

Итак, проанализировав результаты некоторых исследований, зафиксировавших положительную связь дохода с числом детей в семье и вызвавших определенный резонанс в демографической литературе, мы приходим к выводу о том, что, во-первых, многие из этих результатов недостаточно надежны статистически, во-вторых, вариация показателей рождаемости во многих из этих исследований, в частности проведенных в нашей стране и других европейских странах, невелика и исчерпывает себя в пределах уровня, недостаточного даже для простого воспроизводства населения в будущем.

Конечно, и факты обратной связи дохода с рождаемостью, теперь уже достаточно хорошо доказанные, сами по себе еще ничего не говорят о причинно-следственном механизме такой парадоксальной связи. Из того, что лучше обеспеченные семьи имеют меньше детей, чем хуже обеспеченные, отнюдь не следует, что именно потому они и имеют меньше детей, что лучше обеспечены. Однако факты обратной связи дохода с рождаемостью имеют ту теоретическую ценность, что способствуют разрушению привычного житейского представления о *непрерывно* положительной связи материальных условий жизни с рождаемостью.

Статистические факты обратной связи между размером дохода и числом детей в семье не означают, что по мере дальнейшего роста уровня жизни рождаемость будет непременно снижаться, но они заставляют думать, что и такой вариант прогноза нельзя исключать. Таким образом, если концепция положительной связи рождаемости с условиями жизни несет в себе самоуспокоенность, надежду на то, что «все само собой образуется, когда будет всеобщее изобилие», и поэтому отвлекает внимание исследователей от углубленного изучения данной проблемы, то концепция обратной связи будит беспокойство, наводит на мысль о необходимости активизации демографической политики и повышения ее научного уровня.

Столкновение двух концепций — прямой и обратной связи благосостояния с рождаемостью — способствовало

¹ Edin K. A., Hatchinson E. P. Studies of Differential Fertility in Sweden. London, 1935, p. 65.

развитию понимания относительности уровня жизни, понимания диалектической связи уровня жизни с развитием потребностей, т. е. понимания уровня жизни не только как категории экономической, но и как категории социально-психологической. И наконец, «парадокс обратной связи» разрушает привычные представления о естественно-биологическом характере потребности в детях, стимулирует научный интерес к изучению репродуктивной мотивации.

В этом, думается, и состоит положительное значение концепции обратной связи условий жизни с рождаемостью, потому что на самом деле между материальной обеспеченностью и числом детей в семье нет непосредственной связи, эта связь осуществляется через социальные нормы.

Исследователи дифференциальной рождаемости в прошлом (а многие и до сих пор) исходили из аксиоматического представления о рождаемости как о такой социально-биологической категории, в которой биологическое стремление человека к неограниченному размножению наталкивается на ограничивающие социальные условия.

Понимание рождаемости как продукта социально ограниченного, но в основе своей биологического «инстинкта размножения» наложило отпечаток и на методические приемы эмпирических исследований. Длительное время в исследованиях дифференциальной рождаемости показатели материальной обеспеченности сопоставлялись непосредственно с показателями рождаемости за короткие промежутки времени, предшествующие моменту обследования, не только минуя характеристики личности, но зачастую игнорируя и общее число детей в семье. То есть общее число детей в семье рассматривалось только как результат, но не как заранее определенная цель. Поэтому, вероятно, при изучении влияния материальных условий жизни на рождаемость внимание исследователей сосредоточивалось на материальном состоянии семьи в момент, непосредственно предшествующий конкретному рождению. Отсюда возникали и споры о величине временного лага, с учетом которого нужно сопоставлять показатели дохода и рождаемости.

В обследованиях ЦСУ СССР, проведенных в 1934 и 1960 гг., среднедушевой доход рассчитывался путем деле-

ния общего дохода семьи на число ее членов, включая и новорожденного. Многие исследователи увидели в этом серьезную методологическую ошибку, искажавшую представление о материальном положении семьи перед рождением ребенка. В последующих обследованиях, начиная с обследования в г. Жуковском, исследователи при определении среднедушевого дохода принимали в расчет число членов семьи за вычетом новорожденного. Однако это методологическое уточнение не изменило характера корреляционной связи между размерами дохода и рождаемостью: связь снова оказалась обратной.

Дальнейшее углубление понимания механизма причинно-следственных зависимостей между условиями жизни и рождаемостью происходит с середины 1960-х гг., когда начали использоваться методы опроса мнений женщин о числе детей в семье. Оказалось, что представления об окончательном числе детей в семье в среднем довольно устойчивы и фактические числа детей мало отличаются от планируемых. Поэтому показатели планируемого числа детей можно использовать вместо фактических показателей, даже с некоторым преимуществом, так как в силу своей малой изменчивости на протяжении жизни планируемые числа детей меньше зависят от структурных факторов, чем фактические.

Результаты опросов мнений женщин о числе детей показали также, что репродуктивные идеалы и планы формируются задолго до их осуществления, во многих случаях даже до вступления в брак¹. Но если это так, то влияние условий жизни на рождение, скажем, второго ребенка начинается задолго до его зачатия и, возможно, задолго до вступления в брак. Следовательно, каждое рождение и общее число детей в семье являются результатом системы потребностей, взглядов и представлений, складывающихся в течение всей жизни, результатом всего жизненного опыта, а не только ситуации в момент, предшествующий зачатию ребенка. Отсюда проблема временного лага при сопоставлении показателей материального благополучия с числом детей в семье (фактическим или планируемым) вырисовывается уже значительно более сложной, чем представлялось раньше. По-видимо-

¹ См., например, Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 55—56; Чуйко Л. В. Браки и разводы. М., 1975, с. 110, и др.

му, чтобы понять, как формируется предпочтение определенного числа детей в связи с влиянием материальных условий жизни, необходимо проводить продольные динамические наблюдения не только демографической, но и экономической жизни семей.

Это, конечно, чрезвычайно трудная задача. Но, в какой-то степени, а может быть, даже более успешно ее можно решить, если обратиться не только к прошлому семьи, но и в то будущее, которое намечает для себя сама семья. Вполне очевидно, что репродуктивные планы и намерения — это только часть жизненных планов и намерений семьи в достижении определенного материального благополучия, получения образования, удовлетворения духовных потребностей и т. п.

Каждая семья и каждый человек в отдельности, вероятно, имеют более или менее отчетливое представление о той степени материального благополучия, которого стоит добиваться исходя из субъективной оценки своих потребностей и способностей. Поэтому представляется интересным исследовать связь желаемого и ожидаемого числа детей не с доходом, получаемым на момент обследования, а с ожидаемым доходом, т. е. таким, которого супруги намерены достигнуть. Думается, что именно этот ожидаемый доход, а не только фактический влияет на ожидаемое число детей.

Это, конечно, гипотеза, но некоторые данные говорят в пользу нее. Так, в чехословацком опросе 21-летних женщин на вопрос анкеты о том, какой по мнению женщин размер дохода необходим для содержания семьи с двумя детьми, ответы различались в зависимости от социальной принадлежности респонденток¹:

Социальная принадлежность	Общий месячный доход, необходимый, по мнению опрошенных женщин, для содержания семьи с двумя детьми, крон
Работницы	2 900
Служащие	3 140
Студентки	3 240
Домашние хозяйки	2 680

У студенток и служащих несколько выше представление о размерах необходимого дохода, чем у работниц и

¹ Wynnyczuk V. Socio-ekonomické vztahy a planovaná velikost rodiny (výsledky průzkumu 21-letých žen). — «Demografie», 1969, № 4, s. 308.

домашних хозяек. По-видимому, в этих цифрах отражаются различия в уровнях потребностей, которые, в свою очередь, определяются уровнем образования.

Важное значение для раскрытия механизма действия обратной связи между благосостоянием и рождаемостью имеет растущее среди демографов понимание относительности самого понятия благосостояния, которое следует рассматривать не только как сумму некоторых материальных благ, но относительно как степень удовлетворения материальных и культурных потребностей населения (А. Д. Кузнецов, 1960; Б. Ц. Урланис, 1963; В. С. Гельфанд, 1968; В. П. Пискунов, 1969; Ш. И. Шлиндман, П. П. Звидриньш, 1973, и др.). Отсюда следует, что номинальная величина дохода еще не дает представления о благосостоянии семьи без учета различий в уровне потребностей и динамики их развития.

Весьма простую и вместе с тем наглядную модель, выражающую относительный характер уровня жизни и его взаимосвязи с рождаемостью, предложил В. С. Гельфанд. Он представил степень удовлетворения потребностей в виде отношения $\frac{C}{P}$, где C — масса жизненных средств, находящихся в распоряжении семьи, а P — размер потребностей. Рост C означает абсолютное увеличение объема материальных благ, но одновременно или вслед за этим возрастают и потребности. Поэтому при возрастании объема материальных благ дробь $\frac{C}{P}$ может и не увеличиваться, если потребности растут теми же темпами, или даже уменьшаться, если рост потребностей обгоняет рост объема материальных благ. Таким образом, между материальными условиями жизни и рождаемостью возможна как прямая, так и обратная зависимость. Уровень рождаемости может быть обратно пропорциональным величине C , но прямо пропорциональным отношению $\frac{C^1}{P}$. Следовательно, при анализе влияния динамики жизненного уровня на динамику уровня рождаемости необходимо учитывать и темпы роста жизненного уровня, и темпы роста уровня потребностей.

¹ См.: Гельфанд В. С. Демографическая ситуация в крупном городе (на примере города Перми). — В кн.: Вопросы демографии. Киев, 1968, с. 137.

Однако, какие же выводы и предположения относительно перспектив рождаемости можно сделать на основании такой гипотезы? Видимо, можно представить себе такие темпы роста уровня жизни, при которых разрыв между уровнем потребностей и уровнем материальной обеспеченности будет сведен к стабильному минимуму. Но все же, каким бы малым ни оказался бы этот разрыв, он всегда будет существовать (хотя, конечно же, на совершенно другом *качественном* уровне, чем сегодня), так как именно опережающее развитие потребностей служит стимулом для развития производительных сил и производственных отношений. Таким образом, ситуация выбора — ребенок (не первый) или другие блага жизни — останется и в будущем.

Многие авторы полагают, что эта дилемма разрешится сама собой в будущем, когда общество достигнет определенного насыщения материальных потребностей и конкуренция вещей и детей исчезнет. Наиболее крайнее свое выражение это мнение получило в «экономической модели развития населения» польского экономиста З. Смолинского¹, который высказал предположение, что после достижения прожиточного максимума (он говорит даже о возможности превышения этого максимума) уровень жизни уже не будет воздействовать ограничивающе на рождаемость. По его мнению, после того как «удовлетворены все потребности, возросший доход направляют на содержание большего числа детей»². Действительно, материальные потребности имеют ограниченную эластичность. По достижении определенного уровня насыщения количественный рост материальных потребностей будет замедляться (хотя какой-либо «максимум» вряд ли возможен). Однако при этом будет продолжаться теми же темпами (или даже с ускорением) *качественное* развитие тех же материальных потребностей. И затем, если можно предположить замедление темпов роста материальных потребностей, то невозможно представить подобное замедление в отношении культурных потребностей, рост которых безграничен.

И. С. Кон пишет, что по мере удовлетворения матери-

¹ См.: Смолинский З. Попытка сформулировать общую экономическую модель развития населения. — В кн.: Теоретические проблемы демографии. М., 1970, с. 63—77.

² Там же, с. 76.

альных потребностей «и по мере развития человеческой личности на первый план выходят другие, более сложные духовные потребности. Эти высшие потребности действительно безграничны, но это потребность не в вещах, а в определенной жизнедеятельности»¹. Думается, что такая смена «конкурентов» ничего не изменит в проблеме малодетности. Совершенно бескорыстная производственная, общественная или научная деятельность могут быть, вероятно, значительно более серьезными конкурентами среднететности, чем автомобиль, мебель и тому подобные вещи. И не только могут в будущем, но уже и сегодня в большом числе случаев конкурируют с числом детей в семье, внося свою лепту в дифференциальную рождаемость.

Думается, что главное в проблеме обратной связи уровня материальной обеспеченности с числом детей — это объяснить, каким образом происходит выбор в пользу удовлетворения той или иной потребности (в том числе и потребности иметь ребенка определенной очередности) среди других потребностей, ждущих своего удовлетворения. Для этого мы должны обратиться к изучению структуры систем ценностей и социальных норм, управляющих человеческим поведением, в том числе и репродуктивным. Здесь же хочется обратить внимание на то, что если относительно более обеспеченные семьи отказывают себе в рождении третьего или второго ребенка или, что более вероятно, не имеют в нем потребности, то никакое повышение благосостояния само по себе не создаст эту потребность. Поэтому правы, как нам кажется, те авторы, которые подчеркивают необходимость *научного управления потребностями*². Конечно, это чрезвычайно сложная и деликатная проблема, но ее решения, думается, нельзя миновать.

Жилищные условия как фактор рождаемости. Вопрос о связи жилищных условий с рождаемостью можно было бы рассмотреть в предыдущем параграфе, поскольку размер и качество жилищных условий наряду с доходом являются одними из главнейших показателей благосостояния семьи. Именно как один из показателей благосостояния жилищные условия и включаются в число факторов

¹ Кон И. С Социология личности М, 1967, с 294

² См. Урланис Б. Ц Проблемы динамики населения СССР, с 154 .

рождаемости. Но, так как в эмпирических исследованиях факторов рождаемости жилищные условия рассматриваются чаще всего как обособленный фактор, представляется целесообразным и здесь рассмотреть этот вопрос отдельно.

В советских исследованиях дифференциальной рождаемости изучению влияния жилищных условий на рождаемость всегда уделялось большое внимание. Большинство эмпирических исследований факторов рождаемости включает в программу и показатели, характеризующие тип и размер жилища. Результаты и методология этих исследований обсуждались в работах С. Г. Струмилина, М. В. Птухи, Б. Ц. Урланиса, Д. Л. Бронера, Г. Д. Платонова и многих других исследователей. Но до сих пор ученые не пришли к единому мнению о механизме влияния жилищных условий на рождаемость.

Большинство исследований обнаруживают обратную связь между *среднедушевыми размерами жилой площади* и показателями рождаемости (или числом детей в семье). Среди таких обследований можно назвать обследования, проведенные ЦСУ СССР в 1934 и 1960 гг., а также исследования, проведенные Н. А. Таубер в г. Жуковском, Л. М. Давтяном в Ереване, Ш. И. Шлиндманом и П. П. Звидриньшем в Латвийской ССР, и др.

Таблица 29

Среднее число детей в семье в зависимости от общего размера жилой площади по данным обследования «Латвия-1966-1967»

	Республика в целом	Городские поселения	Сельские поселения
Все семьи	1,39	1,29	1,68
в том числе с жилой площадью, м ² :			
до 10	1,02	0,95	1,36
10—15	1,16	1,11	1,41
15—20	1,21	1,14	1,56
20—25	1,35	1,25	1,55
25—30	1,45	1,37	1,68
30—35	1,48	1,40	1,78
35—40	1,54	1,41	1,80
40—45	1,58	1,51	1,72
45—50	1,66	1,59	1,75
50—60	1,79	1,67	1,90
60 и выше	1,74	1,48	1,87

Источник. Шлиндман Ш., Звидриньш П. Изучение рождаемости, с. 68.

Ряд исследований находят прямую связь между показателями рождаемости (или числом детей в семье) и *общим размером* жилой площади семьи. Это, в частности, исследование в Горьком¹ и в Латвийской ССР (табл. 29), где одновременно в качестве факторного признака использовались показатели душевых и общих размеров жилой площади.

В некоторых исследованиях была найдена положительная зависимость между числом детей и типом жилища, т. е. у проживающих в отдельной квартире число детей в среднем было больше, чем у проживающих в коммунальной квартире («СССР-1960», «Жуковский-1960», «Москва-1970» и др.). В других обследованиях связь между этими же показателями оказалась обратной, т. е. в общих квартирах детей в среднем оказалось больше, чем в отдельных («Ереван-1963»).

Некоторые исследователи пытаются использовать для характеристики жилищных условий обобщенные синтетические показатели или различные другие критерии. Однако результаты многих исследований и в этом случае снова оказываются противоречивыми².

Причину противоречий в результатах многие исследователи справедливо усматривают в несовершенстве методологии исследований, но основные пути усовершенствования ищут в разработке показателей жилищных условий, уделяя значительно меньше внимания показателям, которые характеризовали бы самих респондентов (по социальному положению, уровню образования, дохода и т. п.). В литературе справедливо обращается внимание на недостатки использования в качестве факторного признака такого показателя, как среднедушевой размер жилой площади, который сам зависит от числа членов семьи. Но и показатель общего размера жилой площади не свободен от этого недостатка, поскольку жилая площадь распределяется прямо пропорционально числу членов

¹ См.: *Слесарев Г. А.* Методология социологического исследования проблем народонаселения СССР, с. 120.

² См., например: *Ланишина В. М.* К методике изучения влияния жилищных условий на рождаемость. — В кн.: Вопросы демографии, с. 123; *Зотина Р. К.* О некоторых социально-экономических факторах, влияющих на размеры рождаемости. — «Здравоохранение Российской Федерации», 1972, № 6, с. 25; *Кравченко Н. А.* Социально-гигиенические аспекты регулирования рождаемости в семьях русских и казахов. Автореф. канд. дис. М., 1973, с. 16.

семьи. Таким образом, причина и следствие в этом случае так же могут меняться местами, как и при использовании среднедушевых размеров жилой площади.

Необходимо отметить, что за исключением обследований, проведенных ЦСУ СССР, и обследования в Латвийской ССР все остальные очень локальны и не претендуют на какие-либо обобщения. В большинстве из них не используются возможности комбинационных группировок из-за небольшой численности обследованных совокупностей населения. Кроме того, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что эти исследования проводились в основном на территориях с очень низкой рождаемостью (Москва, Горький, Латвийская ССР и др.)¹. Поэтому трактовка вариации показателей рождаемости в результатах этих исследований требует известной осторожности, так как эта вариация находится под влиянием высокой доли однопородных семей в совокупностях, охваченных наблюдением. И делать вывод о возможном повышении рождаемости под влиянием улучшения жилищных условий на основе данных, показывающих весьма слабую вариацию низких показателей рождаемости (даже в самых лучших жилищных условиях, как правило, не превышающих двух детей на семью), было бы ошибочным.

Думается, что главный недостаток методологии изучения связи рождаемости с жилищными условиями отнюдь не в качестве показателей жилищных условий. Конечно, ценность использования единого синтетического показателя, характеризующего размеры и качество жилищной площади, не вызывает сомнений. Однако только этого недостаточно. Основной недостаток проведенных до сих

¹ В обследовании «Горький-1963» самое высокое число детей в среднем на одну женщину равнялось 2,1 (см.: *Слесарев Г. А.* Методология социологического исследования проблем народонаселения СССР, с. 120).

В обследовании «Москва-1970» среднее число детей у женщин, проживающих в отдельной квартире, составляло 1,08, а у женщин, проживающих в коммунальной квартире, — 0,97 (см.: *Киселева Г. П., Таубер Н. А.* Демографическое поведение населения г. Москвы (по материалам обследования). — В кн.: *Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов.* Вып. 5, с. 123—124). Авторы трактуют этот результат как свидетельство прямой зависимости рождаемости от вида занимаемого жилья (см там же, с. 123). Но, думается, правильнее было бы трактовать такую микроскопическую разницу в чрезвычайно низких показателях рождаемости как указание на отсутствие какой-либо связи рождаемости с жилищными условиями (в данном конкретном случае)

пор исследований, как нам представляется, состоит в том, что исследователи фактически ищут *непосредственную* связь между жилищными условиями и рождаемостью, аксиоматически полагая одинаковую потребность в детях у респондентов, а также не учитывая и социальные различия в жилищных потребностях.

В исследованиях пока не делается попытки сопоставить *степень удовлетворения жилищными условиями* (которая может быть выражена той же формулой В. С. Гельфанда как отношение размера и качества жилищных условий к размерам потребностей в этих благах) с представлениями об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей в семье. Думается, такой способ был бы плодотворнее в изучении репродуктивной мотивации в связи с жилищной мотивацией вместо изучения влияния «жилищных условий на рождаемость».

Конечно, влияние лучших жилищных условий на число детей в семье не может быть отрицательным. Здесь здравый смысл нас не подводит. Но и положительное влияние на рождаемость, которое может оказать повышение степени удовлетворения жилищных потребностей, ограничено некоторым верхним пределом, и этим верхним пределом является желаемое число детей. Если желаемое число детей в семье достигнуто (а оно может быть равно и нулю), то даже полное удовлетворение жилищных потребностей не приведет к повышению рождаемости.

Однако даже те немногие исследования мнений о желаемом числе детей в семье показывают, что в республиках с низкой рождаемостью фактическое число детей в значительной части населения меньше желаемого. Это значит, что дифференцированное улучшение жилищных условий могло бы стать одним из инструментов демографической политики. В частности, представляется весьма целесообразным оказание государственной материальной и жилищной помощи молодой семье на самом трудном этапе ее формирования — сразу после образования и после рождения первого ребенка.

Такая помощь могла бы оказываться не только в виде ряда льгот по улучшению жилищных условий, но и в виде предоставления молодоженам банковского кредита на приобретение кооперативной квартиры и обзаведение хозяйством с частичным погашением ссуды при рожде-

нии каждого ребенка в определенные сроки. Такая мера уже осуществляется в ряде других социалистических стран (ГДР, Чехословакия).

В настоящее время система распределения жилой площади в нашей стране не принимает во внимание вероятность увеличения семьи и этим, возможно, сдерживает рождаемость. Но, думается, не только распределение, но и проектирование структуры жилищного строительства в настоящее время фактически влияет в сторону распространения малодетности. В самом деле, если решение проблемы рождаемости состоит в том, чтобы преобладающим типом семьи стала семья с тремя-четырьмя детьми, то, следовательно, и основным типом квартиры должна быть квартира из пяти-шести комнат. Между тем по данным выборочного исследования, проведенного В. М. Петропавловским, в новом государственном жилом фонде четырехкомнатные квартиры составляют пока всего 5,6%, а из пяти и более комнат — менее 0,1% (табл. 30). Думается, такая структура жилищной застройки невольно способствует распространению малодетности и вообще уменьшению размера семьи.

Т а б л и ц а 30

**Структура квартир по числу комнат
и структура семей по числу членов
в новом государственном жилом фонде по данным
выборочного обследования 37 тыс. квартир в городах РСФСР, %**

	1960 г.	1972 г.
Типы квартир:		
однокомнатные	30,3	20,4
двухкомнатные	58,8	47,5
трехкомнатные	10,7	26,5
четырёхкомнатные	0,2	5,6
пять и более комнат	—	0,0
Типы семей:		
одиночки и семьи из двух человек	17,0	22,8
семьи из трех человек	25,2	28,3
семьи из четырех человек	30,4	30,8
семьи из пяти человек	20,6	13,2
семьи из шести и более человек	6,8	4,9

Источник. Петропавловский В. М. Количественная характеристика жилищных условий населения. — В кн.: Демографические процессы и социально-экономические факторы. Труды МЭСИ. М., 1975, с. 120.

Уровень образования и рождаемость. Во всех без исключения отечественных эмпирических исследованиях факторов рождаемости была зафиксирована обратная связь уровня образования женщин с показателями рождаемости (или числом детей в семье, фактическим и планируемым).

Обратную связь числа детей в семье с уровнем образования матерей показывают и данные Всесоюзной переписи населения 1970 г.¹ При этом можно отметить существенную разницу в числе детей между городскими и сельскими женщинами во всех союзных республиках при одинаковом образовании, а также значительные этнические различия. Разница в числах детей тем больше, чем выше само число детей. Следует также отметить, что в большинстве союзных республик среднее число детей у городских женщин с образованием выше среднего не только меньше, чем у менее образованных, но и просто мало для простого воспроизводства населения в будущем. За исключением Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Армении и Туркмении, во всех других республиках оно менее двух на одну мать.

Относительно низкую рождаемость у городских женщин со средним и более высоким уровнем образования отмечают и данные крупнейших советских выборочных обследований, проведенных ЦСУ СССР. Так, по данным обследования «СССР-1967» в семьях рабочих и служащих число рождений к 40 годам у женщин со средним и более высоким образованием во всех когортах было менее двух (в расчете на одну женщину).

Несколько ранее в книге, в табл. 25 на с. 133, были представлены результаты обследования «СССР-1969», показывающие, что и репродуктивные планы женщин со средним и более высоким образованием, имеющих среднедушевые размеры дохода семьи также средние и выше, довольно скромны.

Многие демографы высказывают предположение, что в будущем дифференциация рождаемости по образованию будет уменьшаться как в результате сокращения различий в уровне образования всего населения, так и в результате сближения образа жизни, привычек и стремлений семей всех социальных групп нашего общества.

¹ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VII, с. 452—453.

Ва¹. На каком среднем уровне будет происходить выравнивание уровня рождаемости? Думается, на уровне сегодняшних городских семей со средним и более высоким образованием и со средним и более высоким уровнем материальной обеспеченности. Если, конечно, в их репродуктивной ориентации не произойдет существенных изменений.

Таблица 31

**Число рождений на 100 женщин (к 40 годам)
с различным уровнем образования в семьях рабочих
и служащих по данным обследования «СССР-1967»
(весь выборочный массив)**

Когорты женщин		Уровень образования				В среднем по всем видам образования
возраст к моменту обследования, лет	годы рождения	высшее	среднее	неполное среднее	начальное и ниже	
40—44	1923—1927	162	188	216	248	216
45—49	1918—1922	169	193	216	246	221
50—54	1913—1917	171	193	215	251	234

Источник. Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР, с. 134.

Примером такого исчезновения дифференциации в рождаемости (и не только по образованию, но и по каким-либо другим факторам-дифферентам) может служить демографическая ситуация в крупнейших городах. Так, например, в Москве (по данным обследования «СССР-1969») женщины с высшим образованием ожидают иметь в среднем 1,54 ребенка, а женщины с образованием ниже среднего — 1,81 (табл. 32). При этом все эти различия в ожидаемых числах детей у женщин с разным уровнем образования только за счет женщин с относительно низкими доходами.

У женщин со среднедушевым доходом семьи 75 руб. и выше фактически уже никакой дифференциации в рождаемости нет. В этих группах по доходу женщины с высшим и незаконченным высшим образованием намерены иметь детей даже больше, чем менее образованные женщины (при желании такой характер различий можно даже истолковать как «положительную зависимость» рождаемости от образования), но эта разница имеет, думается, случайное происхождение и лишь формальное

¹ См.: Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР, с. 137—138

значение, поскольку находится под сильным влиянием доли однопородных семей. При таких низких показателях рождаемости во всех слоях населения форма связи между ними и образованием теряет значение.

Таблица 32

Среднее ожидаемое число детей по ответам женщин с разным уровнем образования и среднедушевого дохода семьи в Москве по данным обследования «СССР-1969»

Душевой доход, руб	Образование			В среднем
	высшее и незаконченное высшее	среднее общее и специальное	неполное среднее и ниже	
Менее 75,0	1,58	1,83	1,98	1,89
75,0—99,9	1,60	1,47	1,56	1,54
100,0 и более	1,47	1,47	1,46	1,47
В среднем	1,54	1,63	1,81	1,68

Источник. Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 118.

Итак, в будущем можно ожидать сглаживания дифференциальной рождаемости по социально-экономическим признакам, в том числе и по образованию. Но нам не безразлично, на каком уровне произойдет это выравнивание. Поэтому для демографов важно выяснить причины, определяющие существование дифференциации рождаемости по образованию.

В настоящее время повышение уровня образования считается, наряду с доходом и двойной занятостью женщин, одним из главных факторов, определенно действующих в сторону сокращения уровня рождаемости. Причем если обратная связь рождаемости с благосостоянием еще встречается с некоторым недоверием, то обратная связь рождаемости с уровнем образования, наоборот, воспринимается многими как нечто само собой разумеющееся и рассматривается зачастую как проявление «сознательного материнства». Таким образом, малодетность иногда превращается в символ высокого культурного уровня, а многодетность — в символ «стихийной рождаемости», в символ культурной отсталости.

По нашему мнению, рост образовательного и культурного уровня оказывает влияние на рождаемость не только через рост потребностей, но и через изменение структуры потребностей. Одни потребности выходят на первый

план по степени их значимости для личности и семьи, другие оттесняются или ослабевают. Очевидно, в настоящее время с повышением образования растет значимость потребностей, не связанных с родительством, во всяком случае не связанных с наличием в семье нескольких детей или даже противостоящих среднедетности. Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо обратиться к изучению систем ценностей и норм и попытаться выяснить, какое место в этих системах занимает размер семьи по числу детей. Пока такое изучение находится в самом начале.

Этнические факторы рождаемости. В последние годы демографы все чаще обращают внимание на этнические аспекты демографических процессов, в том числе и на этнические аспекты дифференциальной рождаемости¹.

В предыдущих двух главах книги уже рассматривались те большие различия в уровнях рождаемости, которые еще существуют между отдельными территориями нашей страны. Эти различия определяются не столько различиями в демографической структуре населения союзных республик, сколько различиями в национальном составе населения и различиями в репродуктивном поведении семей разных национальностей.

О значительных этнических различиях в уровнях рождаемости можно судить и по различиям в темпах роста численности населения основных национальностей союзных республик. Так, за период между переписями населения 1959 и 1970 гг. численность казахов, азербайджанцев и национальностей среднеазиатских республик возросла примерно в 1,5 раза, в то время как русских, украинцев и белорусов — на 9—11%, а латышей и эстонцев — только на 2%. Такие различия в темпах роста определяются в основном различиями в уровнях рождаемости.

Опросы мнений женщин показывают, что женщины, принадлежащие к национальностям, для которых характерен высокий уровень рождаемости (казашки, азербайджанки, узбечки, туркменки, таджички), имеют в среднем больше детей и считают наилучшим значительно большее число детей в семье, чем женщины национальностей, про-

¹ См.: Козлов В. И. Динамика численности народов; Бондарская Г. А. Роль этнического фактора в формировании территориальных различий рождаемости. — В кн.: Вопросы демографии. М., 1970, с. 160—175; Козлов В. И. Этническая демография. — В кн.: Марксистско-ленинская теория народонаселения. М., 1974, с. 105—117, и др.

живающих в европейской части СССР. Так, по результатам опроса мнений женщин «СССР-1969», проведенного в семьях рабочих и служащих, женщины этих национальностей (I—III группы в табл. 33 и 34) считали идеальным числом в среднем 2,68 ребенка в семье и ожидали иметь 2,16, в то время как женщины азиатских национальностей (IV группа в табл. 33 и 34) считали идеальным в среднем 6,05 ребенка в семье и ожидали иметь в среднем даже несколько больше — 6,24¹. Такая большая разница в предпочтениях женщин двух больших групп национальностей сохраняется как в группировках по доходу, так и в группировках по образованию.

Результаты обследования «СССР-1969» характеризуют репродуктивное поведение в основном городских женщин. Но в настоящее время имеются результаты целого ряда исследований, правда, не таких больших, проведенных в сельской местности среди женщин национальностей Средней Азии. Эти результаты показывают, что и в сельской местности в районах с высокой рождаемостью зна-

¹ Превышение среднего ожидаемого числа детей над средним идеальным, которое отмечается в IV группе национальностей у женщин старше 25 лет и с относительно низкими доходами, отнюдь не свидетельствует об ограниченных возможностях или «неумении» этих женщин регулировать число своих детей. Во-первых, демографам еще неясно, в какой степени мнение об идеальном числе детей в семье отражает личные потребности и желания респондентов, а в какой степени — только их представления о социальных нормах репродуктивного поведения безотносительно к личным намерениям (см.: Белова В. А. Число детей в семье, с. 101). Во-вторых, такое превышение может быть результатом расхождения во мнениях между супругами (а мужчины чаще желают иметь больше детей, чем женщины). Наконец, женщины, которые сказали, что ожидают иметь детей больше, чем считают идеальным, вероятно, в основном уже родили всех своих детей, число которых они и называют в качестве ожидаемого.

Между тем их представление о социальных нормах детности (безотносительно к себе) в то время, когда они рожали своих детей, могло быть иным, чем теперь, в момент опроса. Иначе говоря, для этих женщин показатели идеального и ожидаемого числа детей, хотя они и получены одновременно, могут отражать совершенно разные периоды времени: мнение об идеальном числе детей целиком относится к настоящему, а ожидаемое число детей в какой-то степени относится к прошлому, зависит от репродуктивной истории респондента. Называя в качестве наилучшего число детей, меньшее, чем они ожидают иметь (или уже имеют), женщины, возможно, лишь выражали свое согласие с существующими, по их мнению, в настоящее время взглядами окружающих, отнюдь не считая, что сами они имеют детей больше, чем хотели бы.

читательное число женщин имеет определенное мнение по поводу целесообразности ограничения размеров семьи. Так, по результатам опроса, проведенного в сельской местности Узбекистана в 1962—1963 гг., среднее желаемое число детей по ответам женщин равнялось 6—7¹.

Таблица 33

**Мнения женщин разных групп национальностей
о числе детей в семье в зависимости от возраста женщин
по данным исследования «СССР-1969»**

Возраст женщины, лет	Группы национальностей *				
	I	II	III	I—III	IV
Среднее идеальное число детей					
До 25	2,59	2,63	2,57	2,60	5,32
25—29	2,60	2,68	2,56	2,62	5,93
30—34	2,66	2,74	2,69	2,68	6,02
35—39	2,75	2,84	2,74	2,76	6,66
В среднем	2,66	2,74	2,66	2,68	6,05
Отношение младших возрастных групп к старшим, %	94,2	92,6	93,8	94,2	79,9
Среднее ожидаемое число детей					
До 25	2,06	2,12	2,12	2,08	5,17
25—29	2,09	2,19	2,11	2,11	6,05
30—34	2,14	2,22	2,07	2,15	6,29
35—39	2,24	2,25	2,19	2,24	7,04
В среднем	2,15	2,21	2,13	2,16	6,24
Отношение младших возрастных групп к старшим, %	92,0	94,2	96,8	92,9	73,4

* I группа — русские; II — украинцы, белорусы, молдаване; III — латыши, эстонцы, литовцы; IV группа — узбеки, казахи, киргизы, таджики, туркмены и азербайджанцы.

Источники. Белова В. А. Число детей в семье, с. 133.

В исследовании Л. И. Алтыевой, проведенном в сельской местности Туркмении, около половины опрошенных женщин (46,8%) ответили, что не считают нужным ограничивать число детей в семье. Другие 30,4% опрошенных женщин сказали, что не думают об этом. Можно полагать, что они потому и не думают, что также не видят нужды ограничивать число своих детей. Еще 13,0% женщин считали имеющееся у них число детей наилучшим².

¹ См.: Караханов М., Алиакберова Н. Некоторые результаты монографического изучения уровня рождаемости в сельских местностях Узбекской ССР. — В кн.: Проблемы народонаселения, с. 287.

² См.: Алтыева Л. Рождаемость в сельской местности Туркменской ССР. — В кн.: Население и экономика, с. 77.

**Мнения женщин о числе детей в семье в зависимости
от уровня образования, дохода на одного члена семьи и
национальной принадлежности по данным исследования
«СССР-1969»**

	Группы национальностей			
	I—III	IV	I—III	IV
	Среднее идеальное число детей		Среднее ожидаемое число детей	
Образование				
Начальное и ниже	2,86	6,98	2,58	7,28
Неполное среднее	2,72	6,24	2,24	6,52
Среднее общее и специаль- ное	2,59	5,23	1,98	5,26
Высшее и незаконченное высшее	2,56	4,36	1,86	4,11
Группы по доходу на одного члена семьи:				
I	3,11	6,87	3,10	7,27
II	2,83	5,43	2,45	5,37
III	2,64	4,65	2,08	4,45
IV	2,54	3,87	1,87	3,59
V	2,53	4,00	1,82	3,45
В среднем	2,68	6,05	2,16	6,24

Источник. Белова В. А. Число детей в семье, с. 149.

Таким образом, можно сделать вывод, что 90% женщин из числа опрошенных в этом обследовании, не имели мотивов к ограничению рождаемости, а следовательно, и не нуждались в использовании контрацептивных мер и в контрацептивной информации. Вполне естественно *поэтому*, что большинство этих женщин, возможно, и не умеют пользоваться промышленными средствами контрацепции.

В то же время с повышением уровня образования (особенно среди занятых в общественном хозяйстве) и в сельской местности Среднеазиатских республик растет число женщин, считающих необходимым ограничивать число детей¹. Результаты обследования мнений «СССР-

¹ См.: *Алтыева Л.* Рождаемость в сельской местности Туркменской ССР. — В кн.: *Население и экономика*, с. 79; *Алиакберова Н. М.* Особенности влияния социально-экономических факторов на рождаемость в Узбекской ССР. — В кн.: *Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе*, с. 381.

1969» обнаруживают во всех группах национальностей (в том числе и национальностей с высокими социальными нормами детности) наличие четко выраженной обратной связи между доходом и образованием, с одной стороны, и идеальным и ожидаемым числом детей — с другой (см. табл. 34). Это говорит о происходящем процессе изменения репродуктивного поведения под влиянием факторов, связанных с доходом и особенно с образованием.

Об этом же говорит и уменьшение идеального и ожидаемого числа детей в младших когортах женщин по сравнению со старшими во всех 4 группах национальностей (см. табл. 33). Причем если в трех группах женщин европейских национальностей СССР среднее идеальное число детей в младшей возрастной группе меньше, чем в старшей, всего на 6%, а ожидаемое — на 7%, то в IV группе национальностей это уменьшение составляет соответственно 20 и 27%.

Национальная принадлежность не связана с высотой рождаемости непосредственно, она играет роль фактора рождаемости лишь постольку, поскольку значительное число людей в своем поведении следуют традициям и обычаям, составляющим часть национальной культуры. Как отмечает В. И. Козлов, «сама по себе национальная принадлежность не дает ответа на вопрос о том, почему у группы людей данной национальности именно такой, а не иной уровень рождаемости. Этнический аспект рождаемости возникает под воздействием целого ряда факторов, связанных с особенностями хозяйственной деятельности тех или иных народов, распространенными среди них формами социальной и семейной организации, культурой, бытом, традициями и установками, влияющими на демографическое поведение этих национальных групп»¹.

Традиции многодетности мы найдем в истории всех народов. Они возникли в далеком прошлом как реакция на высокую смертность, особенно детскую, а также в связи с потребностями примитивного аграрного хозяйства в рабочих руках. Таким образом, в самом возникновении и существовании традиций многодетности никаких этнических особенностей еще нет. Этнические различия в детности появляются в процессе индустриального развития и сокращения смертности, когда многодетность перестает

¹ Козлов В. И. Этническая демография. — В кн.: Марксистско-ленинская теория народонаселения, с 111.

быть объективно необходимой. В зависимости от действия специфических условий развития того или иного народа процесс изменения уклада семьи и обычаев детности происходит с различной скоростью, отчего и образуются этнические различия в рождаемости.

Народы Казахстана и Средней Азии в короткие исторические сроки совершили переход от феодального, родоплеменного общественного строя непосредственно к социалистическому строю, минуя стадию капитализма. При таких условиях темпы и масштабы социально-экономических преобразований значительно опередили темпы и масштабы преобразования бытовых укладов и различных традиций, в том числе и религиозных, оказывающих влияние на число детей в семье.

В настоящее время подавляющее большинство населения СССР — атеисты, но пережитки религиозной морали могут сказываться в народных обычаях и традициях. В какой-то степени различия или сходство в типах репродуктивного поведения отдельных народов связаны и с типом религии, верованиям и моральным канонам которой следовало в прошлом верующее большинство населения¹. Так, мы видим одинаковый тип репродуктивного поведения (и уровень рождаемости) у латышей и эстонцев, у которых преобладающей религией было лютеранство, наиболее либерально среди других церквей относящееся к праву семьи самой определять число детей.

Заметно более высокий по сравнению с латышами и эстонцами уровень рождаемости у соседних с ними литовцев, исповедовавших в прошлом католичество. На Украине самый высокий уровень рождаемости в Закарпатье, где население также в прошлом исповедовало католичество. Не случайно также, что относительно высокий и сходный уровень рождаемости отмечается у разных народов, но исповедовавших в прошлом одинаковый тип религии — ислам, поощряющий многодетность. При этом нужно учесть, что и среди имеющегося еще и сегодня в нашей стране некоторого числа верующих именно мусульмане составляют, вероятно, относительно большую

¹ О влиянии фактора религиозной системы на уровень рождаемости см.: *Козлов В. И.* О влиянии религиозного фактора на плодovitость. — В кн.: Изучение воспроизводства населения, с. 184—206; *Козлов В. И.* Динамика численности народов, с. 148—162

часть¹. Поэтому и пережитки влияния ислама на народные обычаи, семейный уклад и репродуктивное поведение проявляются сильнее и заметнее именно в сельских районах Средней Азии.

Но пережитки потому так и называются, что отмирают. Поскольку те различия в рождаемости, которые мы называем этническими, отражают в определенной мере и различия в социально-экономической истории отдельных народов (и, отчасти, различия в религиозных системах), то при выравнивании уровней социально-экономического развития всех наших народов и окончательном отмирании национально-религиозных пережитков происходит постепенное выравнивание и этнических различий в рождаемости.

Традиции многодетности уходят своими корнями в прошлое, и не имеют будущего. И следовательно, сокращение высокой рождаемости коренных народов Казахстана, Азербайджана и Средней Азии предопределено объективным ходом социально-экономического развития. Неизвестно только, в какие сроки произойдет этот процесс. По-видимому, эти народы только еще вступили во вторую фазу демографического перехода от режима воспроизводства населения с низким уровнем смертности и высоким уровнем рождаемости к современному типу воспроизводства населения с низкими уровнями смертности и рождаемости².

Весьма вероятно, что, начавшись медленно, процесс демографического перехода пойдет затем с ускорением именно потому, что он происходит в условиях культурного и экономического содружества советских наций. Примером такого ускорения может служить динамика уровня рождаемости в Армении, где только за 11 лет между переписями 1959 и 1970 гг. общий коэффициент рождаемости сельского населения сократился с 47,8‰ в 1958—1959 гг. до 24,5‰ в 1969—1970 гг., а степень реализации ГМЕР сократилась с 95,8 до 61,3% (см. табл. 21).

¹ См.: Пучков П. И. Современная география религий. М., 1975, с. 166.

² О понятии демографической революции и фазах демографического перехода см.: Вишневский А. Г. Демографическая революция. — «Вопросы философии», 1973, № 2, с. 53—64; Кваша А. Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974, с. 8—24; Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976.

Т. е. брачная рождаемость опустилась с очень высокого уровня резко до среднего.

Начавшаяся тенденция к сокращению числа детей в семье становится заметной и в сельских районах Азербайджана¹.

На каком уровне будет происходить унификация типов репродуктивного поведения населения различных национальностей? Очевидно, на уровне, уже типичном для большинства населения европейских национальностей нашей страны, среди которых этнические различия уже мало заметны. Но этот уровень рождаемости может оказаться слишком низким, судя по данным крупнейших общесоюзных обследований мнений женщин, проведенных ЦСУ СССР в семьях рабочих и служащих в 1969 и 1972 гг.

Мы уже видели из данных табл. 33, что среднее ожидаемое число детей у женщин I—III групп национальностей составляет 2,16, а в младшей возрастной группе — даже 2,08. Такое среднее число детей в семье недостаточно для замещения поколения. По данным обследования 1972 г. среднее ожидаемое число детей в когортах женщин, вступивших в брак в 1970—1972 гг., составляет в I—III этнодемографических группах уже менее 2 детей (1,70—1,84), а в IV группе — 4,58 и по сравнению со средним числом детей, которое ожидают иметь когорты женщин, вступивших в брак в 1960—1964 гг., ниже соответственно в I—III группах на 18,3—13,6%, а в IV группе — на 28,5%.

Хотя эта динамика детности характеризует сдвиги в репродуктивных установках семей рабочих и служащих, думается, что она в какой-то мере определяет и перспективы рождаемости всего населения, поскольку семьи рабочих и служащих составляют большинство населения нашей страны — 82,9% в 1975 г.

¹ См.: Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР, с. 85 и 179.

Глава 4

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Систематический анализ структуры репродуктивного поведения выходит за рамки темы этой книги и, пожалуй, был бы преждевременным, так как для него пока еще мало эмпирических материалов. Теории демографического поведения в целом и репродуктивного поведения в частности еще пока не существует. Но первые шаги в направлении к созданию такой теории уже сделаны советскими демографами и отдельными социологами, интересующимися проблемами рождаемости. Уже имеется значительное число научных работ, в которых обсуждаются отдельные аспекты репродуктивного поведения и методологии его изучения.

Здесь же целесообразно рассмотреть только некоторые из этих аспектов, имеющие отношение к вопросу о дальнейших возможных тенденциях рождаемости в нашей стране. Центральным среди этих вопросов является, конечно, вопрос о характере потребности семьи в детях и о причинах уменьшения этой потребности. Но сначала, по ряду соображений, необходимо остановиться на вопросе о роли контрацепции и аборт в динамике рождаемости, хотя, разумеется, мы не считаем этот вопрос главным.

Роль контрацепции и абортов в динамике уровня рождаемости. Эта роль до сих пор многими чрезвычайно преувеличивается, особенно западными учеными и политиками, которые часто связывают «возникновение сознательного материнства» (за которым не скрывается ничего, кроме намеренного внутрисемейного ограничения рождаемости) с изобретением, промышленным производ-

ством и доступностью промышленных средств контрацепции, с информацией об этих средствах и умением населения пользоваться этими средствами, для которого будто бы требуется определенный уровень культуры. Отсюда, с одной стороны, сокращение рождаемости зачастую объясняется как «естественное» следствие роста культурного уровня населения, увеличивающего способность ограничивать свои «инстинкты» и пользоваться промышленными средствами контрацепции, а с другой — преувеличивается возможность государства управлять динамикой рождаемости с помощью законодательного расширения или ограничения права населения пользоваться средствами контрацепции или абортами.

Однако средства контрацепции известны с глубокой древности и, по-видимому, в той или иной степени среди всех народов¹. Конечно, эти средства были довольно примитивны и малоэффективны, но, при достаточно сильных мотивах, их малоэффективность возмещалась абортами и даже детоубийствами.

Этнографические исследования жизни и быта народов, находившихся на ранних этапах экономического и общественного развития в конце XIX — начале XX в., обнаруживают среди них ту или иную практику контроля рождаемости: периодическое или полное воздержание, средства контрацепции из растительных и неорганиче-

¹ Контрацептивные и abortивные рецепты имеются в трудах Гиппократов, Аристотеля, гинеколога Сораноса из Эфеса (II в. н. э.), в трудах великих персидских врачей Али-ибн-Аббаса (X в. н. э.), Ибн Сины (XI в.), Ибн-аль-Джами (XII в.) и других, а также в Библии и Талмуде.

В книге китайского врача Сан Су-мо «Тысяча золотых рецептов», относящейся к концу VII в. н. э., имеются рецепты веществ, вызывающих аборт. В ней, однако, указывается, что эти рецепты выписаны из другой книги, написанной около 2700 г. до н. э.

Имеются рекомендации по контрацепции в индийском медицинском трактате «Кама Сутра» (начало IV в. н. э.) и в книге, посвященной искусству любви, «Кока Шастра» (XIII в. н. э.). В ряде исторических документов, относящихся к тому же времени и найденных относительно недавно, содержатся рецепты приготовления пероральных контрацептивов из полевого гороха. Производство контрацептивов по этим рецептам вновь возрождается в Индии.

История контрацепции с древнейших времен у народов мира описана в книге американского социолога и экономиста Нормана Хаймса «Медицинская история контрацепции» (*Himes N. Medical History of Contraception. N. Y., 1936*). См. также: *Фиалковский В.* Биологический ритм плодovitости и регуляция рождаемости. Варшава, 1973, с. 17—25, и др.

ских веществ, метод прерванного сношения (coitus interruptus), искусственные аборт, стерилизацию и др.

Однако использование всех этих методов ограничивалось в основном только добрачными и сверхбрачными сексуальными связями¹ (в тех обществах, где такие связи осуждались общественным мнением). В брачной же жизни контрацептивные методы и аборты использовались очень редко, как правило, только с целью увеличения интервалов между рождениями (когда это требовалось для охраны здоровья женщины или новорожденного, но не с целью ограничения общего числа детей в семье, т. е. для регулирования, но не для ограничения рождаемости). Для ограничения брачной рождаемости не было социальных мотивов, поскольку многодетность поощрялась социальными нормами, обеспечивала материальные и моральные преимущества. Поэтому и контрацептивная информация не могла иметь широкого распространения, так как в ней не было потребности.

Вообще, следует отметить, что влияние контрацептивной информации и промышленных средств контрацепции на динамику рождаемости зачастую преувеличивается. В связи с этим важно обратить внимание на особенности одного из самых примитивных методов контрацепции — метода прерванного сношения. Его использование не требует ни предварительного обучения, ни каких-либо приспособлений или подготовительных процедур (как того требуют все промышленные средства контрацепции). Эффективность этого метода зависит почти исключительно от силы мотивации личности и может быть достаточно высокой.

Исследования этнографов и антропологов среди народов с первобытным образом жизни показывают, что метод прерванного сношения широко известен с глубокой древности. В капитальной книге по истории контрацепции, охватывающей более трех тысяч лет мировой истории, Н. Хаймс привел убедительные доказательства известности метода прерванного сношения среди всех народов мира с незапамятных времен и пришел к выводу, что

¹ В литературе обычно употребляется только общий термин «внебрачные сексуальные связи». Представляется целесообразным при изучении репродуктивного поведения различать во внебрачных сексуальных связях следующие три типа: добрачные, сверхбрачные и постбрачные сексуальные связи. Пояснения, очевидно, может требовать только последний тип: это связи вдовых и разведенных

этот метод, «вероятно, почти так же стар, как и общественная жизнь человека»¹.

Как показывают результаты эмпирических исследований, проведенных в нашей стране и других экономически развитых странах с относительно низкой рождаемостью, метод прерванного сношения продолжает оставаться одним из наиболее широко используемых методов контрацепции (особенно среди сельского населения)².

Таким образом, нехватка промышленных средств контрацепции не может остановить сокращение уровня рождаемости, если к такому сокращению у населения имеются мотивы. И наоборот, если таких мотивов нет, то самые совершенные средства не найдут массового спроса среди населения (как это и отмечается во многих развивающихся странах).

Правильная оценка роли средств и методов контрацепции в динамике рождаемости важна для понимания той истины, что контрацепция снижает не столько рождаемость, сколько количество абортов, и, следовательно положительно влияет на здоровье и плодовитость женщин, способствует укреплению семейных отношений и в результате может оказывать положительное влияние на

¹ *Himes N. Medical History of Contraception. N. Y., 1963, p. 184.*

² По данным обследования «Латвия-1966-67» доля использовавших метод незавершенного сношения среди супружеских пар, предохранявшихся от беременности, составляла в городских поселениях Латвии 50,7% (в Риге — 43,8%), в сельской местности — 72,6% (см.: *Шлиндман Ш., Звидриньш П. Изучение рождаемости, с. 135*). По данным обследования «Москва-1966» доля супружеских пар, пользующихся только методом незавершенного сношения, составила 32,3%, а незавершенным сношением или презервативом — 90,1% (см.: *Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 136*).

Результаты венгерского выборочного обследования, проведенного в конце 1965 — начале 1966 г. (ТС-66) показывают, что и там метод незавершенного сношения имеет наибольшее распространение по сравнению с другими методами контрацепции. Его удельный вес среди других методов контрацепции: 48,5% — в городах (40,9% — в Будапеште) и 65,2% — в сельской местности (см.: *Ачади Д. Планирование семьи среди городского и сельского населения. — В кн.: Теоретические проблемы демографии, с. 113*). Исследования в ряде капиталистических стран Европы и США показывают иногда более низкие проценты пользующихся этим методом. Какое-то значение, вероятно, имеет наличие совершенных промышленных средств контрацепции (пилюли, внутриматочные средства). Но возможно, что респонденты предпочитают указывать промышленные средства как более «приличные».

рождаемость. Поэтому недостаточно активная работа наших органов здравоохранения в области создания и распространения современных промышленных контрацептивных средств (пилюль и ВМС) не может быть оправдана ни медицинскими, ни тем более демографическими соображениями¹.

Еще более важна правильная оценка роли искусственных абортов в динамике уровня рождаемости, поскольку производство абортов в гораздо большей степени, чем контрацепция, зависит от законодательства. Такая зависимость в случае неправильной оценки влияния абортов на динамику рождаемости может иногда порождать иллюзии, будто путем ограничения права на аборт можно повысить уровень рождаемости.

Преувеличение роли влияния абортов на динамику уровня рождаемости присуще большинству западных специалистов по проблемам народонаселения. Многие из них высказывают мнение, будто «либерализация законов об абортах в странах Восточной Европы была основной причиной падения коэффициента рождаемости»². Даже в некоторых документах Комиссии по народонаселению ООН содержатся утверждения, что легализация абортов в европейских социалистических странах после 1955 г. имела будто бы целью «ограничение роста населения»³.

Такие утверждения, во-первых, безосновательны. Если проанализировать динамику общих коэффициентов рождаемости в европейских социалистических странах на протяжении 1950-х гг., то нетрудно убедиться, что легализация абортов в эти годы⁴ не отразилась на темпах их изменения.

¹ В настоящее время в наших городских аптеках (даже в столице) в продаже имеются в основном только механические и химические средства контрацепции, чрезвычайно неудобные в обращении. Поэтому спрос на химические средства, например, мизерно мал. По данным выборочных исследований в Москве и Латвии ими пользуются не более 1—6% супружеских пар, предохраняющихся от беременности (см. Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 136; Шлиндман Ш., Звидриньш Л. Изучение рождаемости, с. 135, и др.).

² Мероприятия, политика и программы, влияющие на плодovitость, с особым учетом национальных программ планирования семьи. Нью-Йорк, 1973, с. 44.

³ См.: Мировое демографическое положение в 1970 г. Нью-Йорк, 1972, с. 169—170.

⁴ Ограничения на производство искусственных абортов по жела-

Во-вторых, если сравнить коэффициенты рождаемости в странах с различным отношением законодательства к абортам и контрацепции, то мы не найдем такой разницы между ними, которую можно было бы приписать именно действию законодательства. С помощью метода ГМЕР можно видеть, что и в тех капиталистических странах, где законодательством запрещены аборт (Австрия, Люксембург, Нидерланды, ФРГ, Франция, Швейцария) или вообще любые средства внутрисемейного ограничения рождаемости (Бельгия, Ирландия, Испания, Италия, Португалия, Франция до 1967 г.), масштабы их использования значительны (см. табл 7). Относительно меньшая степень намеренного ограничения рождаемости в Испании, Португалии и особенно в Ирландии отражает не силу законодательства, а влияние католической церкви.

В-третьих, в социалистических странах никогда не проводилась демографическая политика, направленная на ограничение роста населения. Легализация абортов в этих странах имела исключительной целью дать возможность женщине самой решать вопрос о своем материнстве и отражала понимание нецелесообразности какого-либо принуждения в этом вопросе.

Бытующие еще мнения, преувеличивающие роль влияния законодательства на динамику уровня рождаемости, фактически игнорирует мотивы семьи иметь определенное число детей, исходят из представления о «спонтанном стремлении к многодетности», для управления которым достаточно либо сдерживать его, либо давать ему выход с помощью законов об абортах и контрацепции. Однако исторический опыт говорит о весьма ограниченных возможностях прямого воздействия на репродуктивное поведение семьи.

Обычно в первые несколько лет после законодательного ограничения прав женщин на аборт число рождений резко увеличивается, но затем, в последующие годы, так же резко идет на убыль. Супруги становятся осторожнее и более тщательно используют контрацептивные средства. Женщины были отменены в СССР в 1955 г., в Болгарии, Венгрии, Польше и Румынии — в 1956 г., в Чехословакии — с 1957 г., в Югославии — законодательно с 1960 г. В последние годы производство абортов в некоторых из этих стран вновь ограничено: в Румынии — с октября 1966 г., в Болгарии — с января 1968 г., в Венгрии — с января 1974 г (см.: Народонаселение стран мира. Под ред. Б. Ц Урланиса М., 1974, с. 167—174).

ва, а при их отсутствии или труднодоступности — контрацептивные методы. При этом даже кратковременное повышение коэффициентов рождаемости после ограничения производства аборт происходит далеко не всегда, а только в тех случаях, когда аборт является основным методом предупреждения нежелательных рождений. Так, например, в Румынии после принятия в конце 1966 г. декрета об ограничении права на аборт уровень рождаемости резко повысился — с 14,3‰ в 1966 г. до 27,4‰ в 1967 г., но уже в следующем году начал быстро снижаться и к 1973 г. сократился до 18,2‰¹. Это говорит о том, что до 1967 г. аборт был основным методом внутрисемейного ограничения рождаемости в Румынии, а после его ограничения брачные пары перешли к другим методам.

В качестве противоположного примера можно привести Болгарию, где принятие в 1968 г. декрета об ограничении производства аборт не вызвало резких изменений в динамике уровня рождаемости (общий коэффициент рождаемости равнялся в 1967 г. 15,0‰, в 1968 г. — 16,9, в 1969 г. — 17,0, в 1970 г. — 16,3 и в 1973 г. — 16,2‰)². Следовательно, уже до принятия декрета аборт в Болгарии не был основным методом предупреждения рождений.

На поверхности явлений связь между абортами, контрацепцией и рождаемостью выступает в «перевернутом» виде: кажется, что аборт и контрацепция сами по себе ведут к снижению рождаемости. Отсюда легко сделать ошибочный вывод, что если бы не аборт и контрацепция, то число рождений могло бы быть больше. На самом деле аборт и контрацепция используются только как средство избежать рождений, которые по мнению семьи нежелательны или несвоевременны. Следовательно, причиной является мотивация против деторождения, обусловленная принятыми социальными нормами детности. Не распространение аборт и контрацепции

¹ В 1971 г., несмотря на административные ограничения, коэффициент рождаемости в Бухаресте составлял всего 11,4‰ («Revista de Statistica», 1973, v 22, № 2, s 54), в то время как, например, в Москве, где нет никаких административных ограничений в выборе средств внутрисемейного регулирования деторождения, коэффициент рождаемости в том же году был равен 12,4‰.

² См.: Народонаселение стран мира, с 74

служит причиной сокращения рождаемости, а, наоборот, потребность семьи в сокращении рождаемости служит причиной распространения различных способов внутрисемейного ограничения рождаемости. Поэтому аборт и контрацепцию нельзя считать ни причинами, ни факторами рождаемости — они всего лишь инструменты внутрисемейного регулирования деторождения.

Ранее уже говорилось о том, что современная плодовитость населения превышает любые общественные потребности в воспроизводстве населения. И если общественная потребность заключается в умеренном росте населения, то такую потребность удовлетворяет семья с двумя-четырьмя детьми (если же идеалом является стабилизация численности населения, то этому идеалу соответствует семья с двумя-тремя детьми). Но ведь это только малая часть биологически возможного (но теперь ненужного) числа рождений. Поэтому использование контрацепции (а при ее недоступности или неэффективности — абортов) является в современных демографических условиях объективной необходимостью и само по себе не имеет отношения ни к проблемам малодетности, ни к социальному неомальтузианству.

Хотя аборт — один из способов ограничения рождаемости, причины абортов и причины ограничения рождаемости не тождественны, как это иногда считается или подразумевается¹. На основе результатов исследования «Москва-1966» В. А. Белова и Л. Е. Дарский пришли к выводу, что часть женщин предпочитают сознательно идти на риск аборта (или, иначе говоря, допускают возможность беременности, которую не собираются завершить рождением ребенка) из-за неудобства пользования

¹ В ряде исследований, проведенных медиками или с участием медиков, среди факторов абортов называются такие, как материальная необеспеченность, жилищные условия, трудности ухода за детьми и другие, т. е. те же, что выступают как факторы рождаемости (см. *Садвокасова Е. А.* Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи, с. 151—163; *Каткова И. П.* Рождаемость в молодых семьях, с. 38—49; *Шлиндман Ш., Звидриньш П.* Изучение рождаемости, с. 146—153, и др.)

Такое отождествление факторов рождаемости и факторов абортов представляется не совсем правильным методологически. Как уже говорилось, даже при самых благоприятных материальных условиях и среднем уровне рождаемости необходимость ограничения избыточной плодовитости, либо с помощью контрацепции, либо посредством аборта остается

современными контрацептивными средствами и методами или из-за недоверия к ним¹.

По данным того же исследования частота абортс находилась в прямой, а не в обратной связи с числом родов, т. е. женщины, имевшие больше детей, имели в то же время и большее число абортс, чем женщины с меньшим числом детей². Таким образом, активное использование совершенных контрацептивных средств может вполне мирно сосуществовать с умеренно средним уровнем рождаемости. А для того чтобы число абортс свести к редким случаям, необходимы не только совершенные и доступные средства контрацепции (это, конечно, прежде всего), но и достаточно широкая их реклама.

Биологическое и социальное в рождаемости. Мнение о том, что рождение детей — дело совершенно естественное, результат действия «инстинкта материнства», «потребности в продолжении рода» и тому подобных факторов, имеющих якобы биологическую природу, довольно распространено. Встречается оно и в демографической литературе³. Иногда «естественная потребность в продолжении человеческого рода» рассматривается как такой биологический фактор, благодаря которому рождаемость никогда не сможет опуститься слишком низко⁴. Посколь-

¹ См.: Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 137.

² См.: Там же, с. 130.

³ Например, В. П. Пискунов рассматривает потребность в «производстве потомства» как одну из «самых естественных потребностей здорового человека» (Пискунов В. П. О некоторых теоретических вопросах демографической политики. — В кн.: Демографические тетради. Вып. 2—3. Киев, 1970, с. 41, 49 и 73). По мнению Я. И. Рубина, «инстинкт родительства» имеет биологическую природу, которая покоится под плотной социальной оболочкой — осознанным чувством долга по отношению к настоящему и будущему детей» (Рубин Я. И. Проблема соотношения биологического и социального в воспроизводстве народонаселения — В кн.: Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов. Вып. 2. Минск, 1971, с. 97).

⁴ В частности, Я. Н. Гузеватый писал в 1968 г.: «Говоря о закономерности снижения рождаемости в ходе экономического и культурного прогресса, следует предостеречь от абсурдного вывода, будто неуклонный рост материального благосостояния может привести в конце концов к полному прекращению воспроизводства населения. Хотя условия размножения человека непосредственно зависят от социально-экономических факторов, сам по себе процесс размножения основывается на биологическом законе — естественной потребности продолжения человеческого рода» (Гузеватый Я. Н. Актуальные про-

ку биологической природе рождаемости придается такое значение, нам представляется целесообразным в связи с темой книги кратко остановиться на этом вопросе.

Прежде всего следует отметить, что существование каких-либо биологических «инстинктов продолжения рода», т. е. естественных потребностей иметь детей, обычно принимается без доказательств, постулируется как очевидная аксиома. Между тем далеко не очевидно, какие же биологические механизмы при этом имеются в виду.

Зачастую за этими понятиями не скрывается никакого иного значения, кроме половой потребности¹. Однако для такого отождествления двух различных потребностей (а точнее, групп потребностей) нет никаких оснований.

Конечно, объективно половая потребность у человека имеет своим биологическим предназначением сохранение вида, как и у животных. Однако в отличие от животных рождение детей у человека не является автоматическим следствием половых отношений, представляет собой отдельную непосредственную цель. Потребность в детях и половая потребность — это два самостоятельных круга

блемы народонаселения в советской экономике. — В кн.: Изучение воспроизводства населения. М., 1968, с. 12). В относительно недавнем выступлении Я. Н. Гузеватый высказал примерно ту же мысль, что, «разумеется, снижение рождаемости под воздействием социальных факторов имеет свои пределы, определяемые биологической стороной человеческой природы. В конечном итоге никакие общественные мотивы не могут подавить естественного инстинкта продолжения рода, не в состоянии заменить человеку родительского счастья» («Вопросы философии», 1974, № 9, с. 88).

¹ Так, уже упоминавшаяся ранее «общая экономическая модель развития населения» польского экономиста З. Смолинского целиком основывается на двух аксиомах (по выражению самого автора), из которых первая заключается в том, что человеку будто бы присуще «естественное стремление к тому, чтобы оставить потомство» (Смолинский З. Попытка сформулировать общую экономическую модель развития населения. — В кн.: Теоретические проблемы демографии, с. 64). Далее выясняется, что это «естественное стремление» к производству потомства порождается, по мнению автора модели, «физиологической диспозицией» супругов (см. там же, с. 64), т. е. главный стимул к рождению детей усматривается в физиологии, а не в психологии или в социально-экономических факторах, которые рассматриваются данным автором в основном только как противостоящие биологическому «стремлению к размножению».

В получившей известность классификации потребностей человека, предложенной психологом К. Обуховским, понятия «потребность сохранения вида», «потребность размножения» и «сексуальная потребность» рассматриваются как синонимы (см.: Обуховский К. Психология влечений человека. М., 1972, с. 81, 101—119)

потребностей, с различными ценностями, мотивами и т. п.¹.

В прошлом высокая рождаемость, близкая к естественной, затрудняла понимание различного характера потребности в детях и половой потребности. Этому также способствовала и религиозная мораль, рассматривавшая половые отношения как низменные и греховные, имеющие оправдание лишь в необходимости рождения детей для продолжения рода человеческого. Но в настоящее время это различие уже достаточно заметно, чтобы его разглядеть и перестать смешивать две разные потребности в одну.

Использование контрацепции позволяет отделить удовлетворение половой потребности от деторождения, и, следовательно, половая потребность отнюдь не может быть препятствием на пути сокращения рождаемости до уровня, сколь угодно близкого к нулю.

Если же под «инстинктом родительства» или «естественным стремлением к продолжению рода» понимаются какие-либо иные биологические стимуляторы к производству потомства, то ни биология, ни психология таких инстинктов у человека не находят (как, впрочем, и у животных). Нам представляется верным замечание биолога А. Барнетта, что «выражение „родительский инстинкт“ на самом деле обозначает не что иное, как тот факт, что большинство людей имеют детей и заботятся о них, хотя, увы, и в этом простом факте есть немало исключений»². Никаких биологических законов, заставляющих людей иметь детей, и тем более, подчеркнем — несколько детей — не существует. Эти законы следует искать в сфере социального.

Социальный характер потребности в детях. Потребность является ключевым понятием психологии поведения. Не удивительно, поэтому, что постепенное развитие интереса демографов к изучению социально-психологических аспектов репродуктивного поведения привлекло их внимание к понятию потребности в детях, которое в пос-

¹ Эти два круга потребностей могут, до известной степени, даже вступать в противоречие между собой. Рост уровня жизни и улучшение здоровья, развитие средств массовой коммуникации и другие факторы объективно влияют в сторону развития чувств вообще и половых чувств в частности. В то же время число рождений сокращается.

² Барнетт А. Род человеческий. М., 1968, с 105.

леднее время стало предметом обсуждения в демографической литературе¹.

Интересно отметить, что если сама структура поведения определяется в психологии как последовательность такого рода: потребность (импульс), установка, мотив, действие, то история изучения демографами репродуктивного поведения развивается в обратной последовательности: результаты поведения, изучение мнений, установок и, наконец, потребности семьи в детях. Это, собственно, вполне естественно и свидетельствует об углублении исследований репродуктивного поведения. Но это углубление могло бы, думается, идти быстрее, если бы ему не мешало предубеждение о «естественном» характере рождаемости. Во всяком случае, среди специалистов пока еще нет единства во мнениях ни по вопросу о характере потребности в детях, ни по вопросу о месте ее среди других потребностей человека, семьи и общества, ни по вопросу о том, существует ли вообще такая самостоятельная потребность (или дети являются только средством удовлетворения разнообразных потребностей).

С другой стороны, в таком относительно позднем развитии интереса к изучению потребности в детях есть и свои положительные стороны. В отличие от экономистов, зачастую прилагающих большие усилия, чтобы объективировать потребности, и вследствие этого смешивающих потребности с объектами потребностей (т. е. с тем, что эти потребности удовлетворяет), демографы сразу же восприняли потребность как социально-психологическую категорию, как «относительно устойчивое психическое состояние личности, характеризующееся влечением к ве-

¹ См., например: *Борисов В. А.* Демография и социальная психология, с. 10; *Борисов В. А.* Проблемы факторов рождаемости. Автореф. канд. дис. М., 1971, с. 29; *Антонов А. И.* Изучение репродуктивных установок как одна из важнейших задач социально-психологического исследования семьи. — В кн.: Динамика изменения положения женщины и семья. Матер. XII Междунар. семинара по исследованию семьи. М., 1972, с. 19; *Антонов А. И.* Проблемы методологии и методики исследования социально-психологических аспектов репродуктивного поведения семьи. Автореф. канд. дис. М., 1973, с. 3, 8—9; *Антонов А. И.* Проблемы социологического изучения репродуктивного поведения семьи. — В кн.: Вопросы теории и методов социологических исследований. М., 1974, с. 115; *Сонин М. Я.* О некоторых аспектах изучения закономерностей движения населения и демографической политики. — В кн.: Демографическая политика, с. 93—96; *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 9—10, и др.

щам и явлениям, переживаемым как необходимое условие существования личности»¹.

Такому пониманию потребности отвечает определение потребности в детях (кстати, пока единственное), предложенное А. И. Антоновым, согласно которому «потребность в детях является социально-психологическим свойством индивида, проявляющимся в том, что без наличия детей и подходящего числа их индивид испытывает затруднения как личность»². В этом определении речь идет только об индивидуальной потребности, а не о потребности семьи в детях. Однако, думается, потребность семьи в детях является некоторой средней из индивидуальных потребностей членов семьи.

Можно согласиться с мнением В. А. Беловой, что потребность в детях аккумулирует в себе много потребностей³, к примеру: стремление иметь близкого помощника в жизни и опору в старости, продолжателя своей личности и фамилии, иметь источник нежности и привязанности, забавы, а иногда и «козла отпущения», и много других разнообразных потребностей. Однако, думается, это обстоятельство не дает оснований считать понятие «потребность в детях» условным. Мы полагаем, что в этом потребность в детях не отличается от других потребностей, ибо любая потребность, как правило, поливалентна, т. е. способна удовлетворяться не одной, строго определенной ценностью — объектом потребности⁴, а несколькими, способными как-то заменить друг друга. И наоборот, любая конкретная ценность удовлетворяет обычно не одну, а несколько потребностей одновременно. Например, телевизор удовлетворяет не только потребность в информации, но и потребность в информации определенного рода, а также и эстетическую потребность в украшении интерьера квартиры и т. п.

Некоторые авторы считают, что нет оснований для

¹ *Социальная психология*. Под ред. Г. П. Предвечного и Ю. А. Шерковина. М., 1975, с. 77.

² Антонов А. И. Проблемы социологического изучения репродуктивного поведения семьи. — В кн.: Вопросы теории и методов социологических исследований, с. 115.

³ См.: Белова В. А. Число детей в семье, с. 10.

⁴ «Ценность — это понятие, выражающее положительную или отрицательную значимость предмета или явления. Ценность, ценностные свойства не являются какими-то особыми объективными свойствами предметов и явлений» (*Социальная психология*, с. 95).

выделения самостоятельной потребности в детях, что дети являются только средством удовлетворения основных потребностей человека, набор которых минимален. Конечно, у человека не столько потребностей, сколько объектов реального мира, но только потому, что не все объекты представляют для него ценность. Некоторые объекты не представляют для него интереса, не возбуждают потребности. Другие объекты рассматриваемые как ценность, могут не возбуждать потребность, если эти ценности представляются индивиду совершенно недостижимыми, или в подобном случае потребность подавляется, вытесняется из сознания с помощью рационализации, сублимации и других способов¹.

Но, в принципе, думается, потребностей у человека по крайней мере столько, сколько есть объектов реального мира, представляющих для него достижимую ценность. И следовательно, представление о существовании частных конкретных потребностей, например, «в цветном телевизоре именно определенной, данной марки» не представляется нам таким абсурдом, как считает Л. Е. Дарский². По нашему мнению, невозможно отделить в реальной жизни средство удовлетворения потребности (объект потребности, ценность) от определенной конкретной потребности, так же как и представить себе потребность без соответствующей ценности, так сказать потребность «вообще». «Первая и главная черта всякой потребности заключается в том, что потребность всегда имеет свой предмет; она всегда есть потребность в чем-то»³.

Следовательно, если дети нужны, т. е. представляют собой ценность, с чем, кажется, никто не спорит, то, значит, есть и соответствующая этой ценности потребность, потребность в детях. Выделение этой как бы отдельной потребности представляет собой абстракцию и несколько не противоречит тому факту, что дети удовлетворяют ряд потребностей.

Другое дело, что система потребностей человека представляет собой иерархическую структуру, в которой мож-

¹ См.: Кон И. С. Социология личности, с. 59—62.

² См.: Дарский Л. Е. Детерминанты и факторы репродуктивного поведения семей. — В кн.: Демографическое поведение семей. Матер. Всесоюз. симпозиума по демограф. проблемам семьи. Т. 3. Ереван, 1975, с. 3.

³ Психология Под ред. А. А. Смирнова и др. М., 1962, с. 363.

но выделить основные уровни потребностей, или группы основных потребностей по их важности для обеспечения жизнедеятельности. Например, выделяются такие основные потребности (группы или уровни потребностей), как физиологические потребности, потребность в самосохранении, в информации, в принадлежности к группе, в самоутверждении, любви и уважении и т. п.

Существует множество классификаций, авторы которых предлагают широкие или узкие наборы основных потребностей в зависимости от своих субъективных предпочтений. На этом авторы классификаций обычно останавливаются. Однако, думается, каждый из основных уровней (групп) потребностей складывается из множеств подгрупп потребностей и из множеств частных конкретных потребностей.

Система человеческих потребностей — не только иерархическая многоуровневая система, но и система пересекающихся уровней (групп) потребностей, т. е. конкретные объекты частных потребностей чаще всего удовлетворяют одновременно потребности нескольких уровней. Например, чтение газеты удовлетворяет не только потребность в информации, но и другие уровневые потребности: в общении, в принадлежности к группе, в самоутверждении и т. п.

Число потребностей всегда превышает возможности их одновременного удовлетворения, поэтому человек всегда стоит перед выбором в очередности удовлетворения своих потребностей. Поскольку потребность есть стимул поведения, объяснить поведение — значит объяснить прежде всего выбор человека. Он во многом зависит от принимаемых (интернализированных) индивидом социальных норм, поэтому для объяснения поведения человека необходимо знание системы социальных норм и ее противоречивой иерархической структуры (нормы также находятся в диалектическом противоречии друг с другом).

Как система потребностей, так и система социальных норм, управляющих потребностями, находятся в непрерывном изменении, развитии, вслед за развитием производства и общественных отношений. Изменяется не только круг объектов, удовлетворяющих ту или иную конкретную потребность или круг потребностей, но и сами потребности, особенно частные потребности. Одни по-

требности становятся более настоятельными, другие — менее настоятельными (или вовсе отмирают), одни потребности, развиваясь, оттесняют другие на шкале ценностей, появляются новые потребности и т. п. Так же как и все потребности, способна изменяться и потребность в детях¹, именно потому, что она имеет внебиологический характер, «естественности» в ней столько же, сколько и во всякой другой потребности². И чтобы объяснить изменения этой важной для общества потребности, нужно обращаться за ответом не к биологии, а к политэкономии и социальной психологии.

Содержание потребности в детях определяется основными функциями семьи как малой социальной группы, необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения³. Эти функции условно можно подразделить на демографические (организация брачных отношений, рождение детей)⁴, экономические (производственно-хозяйственные, организация быта), социальные (обеспечение надлежащего социального статуса членов семьи, социализация детей⁵, психологические (организация досуга, интимного общения, душевного комфорта и др.).

Эти функции определяют и структуру потребностей семьи, в том числе и структуру потребности в детях, которую А. И. Антонов представляет в виде трех уровней репродуктивных мотивов: экономические, социальные и психологические. Каждый из этих основных уровней

¹ Более общим выражением потребности в детях является понятие «потребность в материнстве (отцовстве)», иначе — «потребность в родительстве». Думается, эти понятия не могут рассматриваться как различные, в них различаются лишь акценты.

² Этим отнюдь не умаляется значение биологической стороны человеческой жизнедеятельности. В человеке нет ничего «чисто» социального, или «чисто» биологического. Здесь социальный характер потребности в детях подчеркивается в противовес многовековой привычке биологизировать и тем самым упрощать «отношения по детопроизводству».

³ См.: Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М., 1964, с. 57.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали отношения по детопроизводству как первооснову семьи и семью как первое социальное отношение (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 27).

⁵ «Социализация — это развитие в ребенке социального начала, личности, ориентирующей в своем поведении на социальные ценности и отождествляющую себя с той или иной социальной группой, классом и человечеством» (Харчев А. Г. Быт и семья в социалистическом обществе. Л., 1968, с. 16).

представлен множеством пересекающихся конкретных частных мотивов, изменяющихся в зависимости от конкретных условий. Мотив рождения характеризует смысл наличия ребенка, состоящий в том, что ребенок оказывается средством для достижения личных целей родителей (независимо от того, насколько адекватно осознаются эти цели родителями) ¹.

Экономические мотивы деторождения заключаются в том, что дети рассматриваются как участники семейного хозяйства, как дополнительная рабочая сила, защитники и наследники хозяйства, кормильцы и опора родителей в старости. Эти мотивы в экономически развитых странах уже почти целиком отошли к прошлому.

Психологические мотивы рождения удовлетворяют личностные потребности родителей в заботе о других, в передаче своего жизненного опыта и продолжении таким образом своей личности в других, в общении с близкими, в уважении к себе со стороны младших.

Социальные мотивы определяются тем значением, которое придается наличию детей и определенному числу их в той референтной группе, к которой причисляет себя семья (или тот из родителей, от которого в большей степени зависит принятие репродуктивных решений). Иначе говоря, социальные мотивы деторождения отражают потребность родителей в своем репродуктивном поведении соответствовать принятым в их референтной группе социальным нормам детности.

То или иное число детей в семье, таким образом, не только удовлетворяет различные «утилитарные» потребности родителей, но и служит символом принадлежности к референтной социальной группе, т. е. свидетельствует о том, что семья разделяет групповые ценности, принимает групповые социальные нормы, в том числе и нормы детности. Это обстоятельство важно учитывать в исследованиях факторов рождаемости, проводимых с помощью опросов мнений, потому что личное желание респондента и его представление о том, сколько детей «следует» иметь, «принято» иметь, могут значительно расходиться, и тогда создается впечатление, будто респондент имеет фактически больше (или меньше) детей, чем хотел бы.

¹ См.: Антонов А. И. Потребность семьи в детях. — В кн.: Демографическое поведение семей Т 3, с 90

Причины сокращения потребности семьи в детях до уровня малодетности. Эти причины, на наш взгляд, следует искать во взаимоотношениях семьи с производством, в исторических изменениях функций семьи и в диалектике семейных и общественных репродуктивных интересов.

В прошлом экономические мотивы деторождения были главными в большой крестьянской семье, где дети принимали участие в хозяйственных работах с раннего детства. Многодетность не мешала, а способствовала благосостоянию семьи. Большая неразделенная семья была способна обработать большую площадь земли, кооперировать трудовые и денежные затраты и тем обеспечить более высокую производительность труда. Этому способствовало, в частности, общинное землевладение, при котором происходили периодические переделы земли в пользу многодетных семей¹.

Развитие индивидуального промышленного труда, вне семьи, с индивидуальной заработной платой, независимой от числа детей и вообще от наличия семьи (первоначально этот процесс происходит в городах), ведет к отмиранию производственной функции семьи. Семья перестает быть производственной ячейкой, а ее работающие члены получают экономическую независимость от семьи. В результате дети утратили смысл в качестве рабочей силы и трудовых ресурсов для семьи².

Развитие систем социального страхования и обеспечения, а также медицинских гериатрических служб уменьшает зависимость больных и престарелых людей от числа детей и вообще от наличия их. Как страховка в старости дети становятся ненужными³.

¹ См.: Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР, с. 20.

² Конечно, какие-то элементы производственно-хозяйственных функций семьи еще сохраняются: покупка продовольственных и промышленных товаров, обработка их в домашнем хозяйстве — это продолжение процесса производства средств существования, которое отнимает у семьи еще очень много сил и времени. И дети при правильном воспитании принимают участие в домашнем хозяйстве. Однако это участие, как правило, невелико и имеет в основном только воспитательное значение.

³ См.: Волков А. Г. Влияние урбанизации на демографические процессы в СССР. — В кн.: Проблемы современной урбанизации. М., 1972, с. 113; Дарский Л. Е. Детерминанты и факторы репродуктивного поведения семей — В кн.: Демографическое поведение семей. Т. 3, с. 7.

Устранение частной собственности на средства производства, изменение института наследства, являясь величайшим социальным завоеванием, суживают функцию детей как наследников накопленных материальных ценностей и тем самым устраняют экономическую зависимость детей от родителей. Утрачивается роль детей как продолжателей фамилии. Ответственность родителей перед обществом за содержание, уход и воспитание детей сохраняется, в то время как круг обязательств детей перед родителями сужается.

В то же время, с развитием общественных форм ухода за детьми, обучения и воспитания, суживаются функции семьи и в области социализации детей¹. В результате суживается и возможность для родителей удовлетворять свои психологические потребности продолжения своей личности и своего опыта в детях, что ведет к уменьшению соответствующих психологических мотивов деторождения.

Таким образом, развитие общества идет по пути все большей автономизации личности и сужения функций семьи². В прошлом все связи человека с обществом осуществлялись через семью, теперь посредническая роль семьи между индивидом и обществом становится все меньше. Все источники жизнеобеспечения: заработная плата, пенсионное обеспечение, профессия, страхование по болезни, сфера обслуживания — ориентированы в основном на отдельного человека, а не на семью.

В результате сокращения рождаемости постепенно обнаруживается различие в характере репродуктивных потребностей семьи и общества. Общество непосредственно испытывает социально-экономическую потребность в людях: в рабочей силе, в исполнителях социальных

¹ Как отмечает проф. И. С. Кон, «уже появление всеобщего школьного образования до известной степени эмансипирует детей от семьи, ослабляет ее влияние. Чем раньше начинается общественное обучение и воспитание, тем меньше соответственно удельный вес семьи. Общность черт, формируемая в процессе коллективного общения и под влиянием средств массовой коммуникации (печать, радио, телевидение, кино и т. д.), все больше перевешивает влияние особенных условий, свойственных той или иной семье. Нравится нам это или нет, этот процесс закономерен и неотвратим» (Кон И. С. Социология личности, с. 129).

² См.: Дарский Л. Е. Детерминанты и факторы репродуктивного поведения семей. — В кн.: Демографическое поведение семей. Т. 3, с. 9.

ролей, в воспроизводстве населения (поскольку это первое условие существования каждого общества).

Напротив, современная семья непосредственно испытывает потребность в детях, которая становится только социально-психологической, моральной потребностью, но не испытывает потребности в трудовых ресурсах или в воспроизводстве населения (именно в результате отмирания экономических функций семьи).

В этом несовпадении репродуктивных потребностей содержится объективная возможность конфликта между семейными и общественными репродуктивными интересами. Общество не может отказаться от трехдетной семьи, в то время как для самой семьи наличие нескольких детей постепенно утрачивает смысл, поскольку для удовлетворения психологических мотивов, ставших основными, по-видимому, достаточно двух детей или даже одного ребенка.

Социальные нормы многодетности (неограниченной многодетности) сложились во времена высокой смертности, ручного сельского хозяйства, разобщенных государств и многочисленных пехотных армий. Многодетность способствовала выживанию как государств, так и семей, поэтому само существование социальных норм многодетности, созданных и закреплённых в обычаях, традициях, религиозных предписаниях и правовых нормах, не всегда замечалось. Многодетность казалась «стихийной», поскольку отвечала социально-экономическим интересам и государства, и семьи. Вслед за изменением характера производства и функций семьи изменяются и социальные нормы детности, но с некоторым лагом во времени.

Сначала к новым социальным нормам детности (малодетности) переходят наиболее образованные и, главное, ранее других социальных групп утратившие связь с сельскохозяйственным укладом жизни слои интеллигенции. В результате появляется заметная дифференциация в рождаемости. Затем нормы малодетности распространяются среди рабочих, большая часть которых — выходцы из крестьян и многие еще сохраняют родственные связи с деревней и пережитки сельской психологии. Наконец, по мере индустриализации сельского хозяйства и урбанизации села нормы малодетности закономерно

распространяются и среди сельских жителей. Рождаемость снова нивелируется, но уже на низком уровне.

По нашему мнению, процесс сокращения рождаемости — не кратковременный процесс под влиянием преходящих факторов, он представляет собой историческую тенденцию перехода от «естественной» многодетности (неограничиваемой многодетности) к «естественной» одноподдетности (где-то в пределе). Среднедетная семья представляется нам только промежуточным типом детности на пути от одной крайности к другой, стабильность которого, однако, может быть создана и поддерживаться искусственно, с помощью мероприятий демографической политики.

В целом результаты репродуктивного поведения — то или иное число детей в семье — в различные моменты времени зависят от разрешения конфликта в ситуации выбора между удовлетворением потребности в детях, удовлетворением других потребностей и факторами среды, способствующими или препятствующими тому или иному выбору. При исследовании факторов рождаемости различаются по меньшей мере два рода ситуаций.

Ситуация первого рода: семья имеет потребность в нескольких детях, но считает себя *вынужденной ограничить* эту потребность меньшим числом детей, чем хотелось бы, или откладывает рождение желаемого ребенка «до лучших времен». Своевременная материальная помощь такой семье могла бы повысить число детей в ней до желаемого.

Ситуация второго рода: семья считает свое формирование завершенным, полностью *удовлетворена* имеющимся числом детей (это число может быть равно и нулю). Тогда любые экономические мероприятия демографической политики, какими бы ощутимыми они ни были, по нашему мнению, не окажут влияния на рождаемость, если не затронут самой потребности в детях.

Очевидно, ситуация второго рода требует для своего изменения значительно больше усилий и средств. Однако на сегодняшний день неизвестно, сколько семей находится в той или иной ситуации, т. е. сколько семей стоит перед выбором — ребенок или другие ценности и сколько семей не имеет потребности в третьем ребенке. Некоторую информацию об этом дают демографические опросы мнений, но они нуждаются в дальнейшем углуб-

лении. Для целей демографической политики недостаточны данные о мнениях, полученные на основе фиксации ответов на лобовые вопросы, необходимы более тонкие измерения репродуктивных установок и мотивов.

Репродуктивные мнения, мотивы, установки. Человеку непрерывно приходится совершать множество действий и выбирать из множества возможных вариантов действий наилучшие. Выбор наилучшего варианта облегчается тем, что человек обладает как бы запасом готовых решений, некоторым набором шаблонов поведения, называемых в общей и социальной психологии *установками*.

Установка — это осознаваемая и неосознаваемая настроенность индивида действовать вполне определенным образом в каждой конкретно оцениваемой им ситуации. Согласно представлениям грузинской школы психологов, «установка (закодированная модель конечного результата реакции, предвосхищающая эту реакцию во времени) является совершенно неотъемлемым компонентом структуры целенаправленной деятельности, без которого регулирование деятельности оказывается принципиально невозможным»¹. Если мы рассматриваем поведение как систему действий и отношений, то установки являются направляющим и регулирующим компонентом этой системы. И следовательно, изучение поведения не может не быть исследованием установок. Ведь чтобы прогнозировать поведение, и тем более управлять поведением, необходимо выявить и измерить установки.

Поведение человека многоаспектно, и поэтому правильнее говорить, как справедливо отмечают В. А. Белова и Л. Е. Дарский, не о какой-то одной единой и цельной установке, а о системах и комплексах установок, среди которых можно выделить и систему репродуктивных установок, связанных с поступками и оценками в вопросах деторождения, создания семьи с тем или иным числом детей, с регулированием сроков их появления, с методами такого регулирования и т. п.²

Наиболее полное определение репродуктивной уста-

¹ *Прангшвили А. С.* Проблема установок на современном уровне ее разработки грузинской психологической школой. — В кн.: Психологические исследования, посвященные 85-летию со дня рождения Д. Н. Узнадзе. Тбилиси, 1973, с. 18.

² См.: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 8—9.

новки дано А. И. Антоновым, согласно которому «репродуктивная установка представляет собой психическое состояние личности, обуславливающее взаимную согласованность разного рода действий, характеризующихся положительным или отрицательным отношением к рождению детей»¹. В этом определении привлекает подчеркивание главной, активной черты установки — *отношения личности к объекту реагирования*, т. е. если перевести это определение на эмпирический уровень, выявление и измерение репродуктивных установок должно происходить через выявление положительных и отрицательных отношений респондентов к различным вопросам, связанным с деторождением.

Установки формируются потребностями личности, как внутренними регуляторами поведения, и социальными нормами — как внешними регуляторами поведения. Таким образом, исследование репродуктивного поведения ставит перед демографами задачу одновременного изучения систем потребностей, установок и социальных норм в их взаимосвязи.

Установки реализуются в действиях и поступках, но проявляются в мотивах и мнениях. Мотивы — это объяснительные модели поведения. В отличие от установки, которая может быть как осознаваемой, так и неосознаваемой, мотив ближе к поверхности сознания, он всегда так или иначе осознаваем². Важно подчеркнуть, что мотив как логическое объяснение поведения возникает только в ситуации выбора между различными способами поведения. И следовательно, мотив никогда не существует

¹ Антонов А. И. Проблемы методологии и методики исследования социально-психологических аспектов репродуктивного поведения семьи, с. 15. Впервые определение репродуктивной установки было дано А. И. Антоновым в 1972 г., но в менее удачной, как нам кажется, редакции (см.: Антонов А. И. Изучение репродуктивных установок как одна из важнейших задач социально-психологического исследования семьи. — В кн.: Динамика изменения положения женщины и семья, с. 19—20). Поэтому здесь приводится более поздняя формулировка.

² По определению И. С. Кона, «мотив обозначает субъективное отношение человека к своему поступку, сознательно поставленную цель, направляющую и объясняющую поведение» (Кон И. С. Социология личности, с. 27). Т. Шибутани рассматривает мотивы как осознанные намерения, как сознательно поставленные цели, которые обуславливают направление, единство и организацию последовательного ряда движений (см.: Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969, с. 70).

в одиночестве, речь всегда может идти только о некотором множестве мотивов, находящихся в конфликте между собой.

То, что мотивы всегда так или иначе осознаваемы для индивида, не означает, что они всегда осознаются адекватно действительным целям поведения. Поэтому выявление подлинных мотивов и измерение силы и устойчивости мотивации представляют чрезвычайно сложную задачу, решаемую только с помощью правильного использования методов и процедур социально-психологического исследования.

Мы не собираемся здесь подробно рассматривать вопросы использования социально-психологической техники в демографическом исследовании репродуктивного поведения. Эта задача выходит за рамки темы книги. На этот счет теперь уже существует обширная литература, которая должна служить учебным подспорьем для демографов, изучающих демографическое поведение¹. Вопросы определений и техники измерений установок и мотивов лишь кратко затрагиваются в этой книге, только для того, чтобы высказать ряд критических замечаний по поводу некоторых спорных моментов в трактовке результатов эмпирических исследований факторов рождаемости, проводимых с помощью опросов мнений женщин.

Переход от изучения фиксированных объективных условий, вынуждающих (по мнению исследователей) семьи ограничивать число своих детей, к изучению мнений о предпочтительном числе детей в семье явился значительным прогрессом в развитии методологии демографического изучения рождаемости. Однако этот новый подход к изучению факторов рождаемости еще недостаточно используется. Вот уже 10 лет демографы изучают только мнения женщин с помощью небольшого числа лобовых вопросов, и до сих пор еще не проведено ни одного иссле-

¹ См., например: *Кон И. С.* Социология личности; *Здравомыслов А. Г.* Методология и процедура социологических исследований. М., 1969; *Ядов В. А.* Социологическое исследование (методология, программа, методы). М., 1972; *Воронов Ю. П.* Методы сбора информации в социологическом исследовании. М., 1974; *Волович В. И.* Надежность информации в социологическом исследовании. Киев, 1974, и др.

В демографической литературе понятия репродуктивных установок и мотивов и методов их изучения наиболее глубоко рассматриваются в работах А. И. Антонова, В. А. Беловой и Л. Е. Дарского.

дования, в котором делалась бы попытка с достаточной глубиной вскрыть подлинные мотивы репродуктивного поведения, тем более измерить силу мотивации и ее структуру.

Хотя опросы мнений в изучении рождаемости получают все большее распространение на практике, в теории до сих пор нет даже четкого представления о том, какое высказывание респондента является мнением, а какое — нет. Некоторые демографы трактуют понятие мнения очень широко, считают мнением любое высказывание респондента на любой вопрос при опросе и отсюда любой опрос — опросом мнений. Так, например, Л. Е. Дарский квалифицирует как мнения любые сведения с неопределенной степенью достоверности, полученные путем опроса. Он считает, что вся система переписей населения представляет собой опрос мнений, потому что при переписи у человека спрашивают такие фактические данные, о которых у него не всегда имеется правильное понятие или точное знание, в то время как достоверность ответов в переписи не проверяется документально¹. На этом основании он делает вывод, что «в демографии мнения изучались издавна»².

Действительно, при таком понимании мнения к раз-

¹ См.: Дарский Л. Е. Социально-психологические аспекты демографического поведения и их изучение. — В кн.: Проблемы демографии, с. 169. Здесь же он пишет: «Представление, что при переписи спрашивают человека о его возрасте как о факте, лишь иллюзия; на самом деле мы узнаем его мнение о своем возрасте и при этом не можем внести никаких исправлений в переписной лист в том случае, если ответ явно неточен» (там же, с. 170).

С таким суждением нельзя согласиться, во-первых, потому, что сведения о фактах не являются мнениями независимо от способа получения этих сведений. Определяющая черта мнения заключается в том, что оно отражает *отношение* говорящего к предмету высказывания (этот вопрос подробнее обсуждается далее в тексте). Трудно также согласиться с этим суждением и потому, что в нем выражается некоторый агностицизм по отношению к данным переписи и вообще к данным опросов. Хотя ответы на вопрос о возрасте, как и на все другие вопросы переписи, в отдельных случаях могут быть недостоверны или неточны, в большинстве случаев они достаточно точны и правильны. Иначе данными переписи населения просто нельзя было бы пользоваться. Точно так же отнюдь не иллюзорны данные любых опросов: их точность и достоверность зависят от техники проведения опроса.

² Дарский Л. Е. Социально-психологические аспекты демографического поведения и их изучение. — В кн.: Проблемы демографии, с. 169.

ряду опросов мнений следовало бы отнести и демографические обследования, проведенные анамнестическим методом, восполнявшим недостаток статистических сведений, и бюджетные обследования — практически любые опросы. Однако такое понимание мнения не соответствует его пониманию в социологии и социальной психологии, в которых мнение понимается как *оценочное суждение* по вопросам, относительно которых нет или не может быть точных знаний и по отношению к которым взгляды опрашиваемых могут различаться¹.

То, что Л. Е. Дарский считает главной чертой мнения — неопределенность степени достоверности информации, — есть только одна и отнюдь не самая главная черта мнения. Главная черта мнения — выражение *отношения* человека к предмету своего суждения. Если вопрос не предполагает в ответе выражение отношения к предмету суждения, то ответ на такой вопрос не может считаться собственно мнением в социально-психологическом значении.

Точно так же не являются мнениями ответы респондентов на вопрос о возрасте в переписи населения и другие подобные ответы, доставляющие сведения фактического характера.

Такие фактографические, констатирующие суждения, в которых не выражается отношение говорящего к предме-

¹ Подробнее см.: *Грушин Б. А.* Мнения о мире и мир мнений. М., 1967, с. 132—162; *Ерунов Б. А.* Мнение в системе человеческого познания, Л., 1973, с. 101.

Среди демографов, пожалуй, только одна В. А. Белова в своей книге дает определение понятия мнение. Она пишет: «Термин "мнение" предполагает, с одной стороны, наличие определенного знания по какому-либо вопросу социальной действительности, но знания, имеющего большую или меньшую долю неопределенности, а с другой стороны, оценочную функцию, ибо мнение включает субъективное оценочное отношение личности к высказываемому» (*Белова В. А.* Число детей в семье, с. 13). Однако вопреки собственному определению В. А. Белова далее относит к разряду мнений и фактическую информацию, полученную путем опроса. В частности, так же как и Л. Е. Дарский, она рассматривает как мнения ответы на вопросы о причинах переезда, задававшиеся во Всесоюзной переписи населения 1970 г. (см.: там же, с. 18). Между тем ответ на вопрос о причине переезда носит только констатирующий (фактографический) характер и не выражает отношения респондента (хотя, конечно, формируется под влиянием такого отношения). Другое дело, что достоверность мотивов переезда по данным переписи весьма неопределенна, но это качество ответов отнюдь не дает оснований считать их мнениями.

ту суждения, Б. А. Грушин называет экзистенциальными, или суждениями существования, в отличие от собственно мнения¹. Другой советский социолог В. А. Ядов называет сведения о фактах, полученные путем опроса, *событийной информацией* и считает очень важным четко отделять событийную информацию от оценок и интерпретации². Так, например, к событийной информации относится вся та часть анкеты, в которой респондент сообщает фактические сведения о себе, так называемая «паспортичка». В строгом смысле не являются мнениями и ответы респондентов на вопросы о мотивах («причинах») ограничения рождаемости, поскольку и они носят констатирующий, а не оценочный (в смысле положительного или отрицательного отношения) характер.

Но тогда мы приходим к выводу, что собственно мнения в демографических исследованиях еще вовсе не изучались. И те опросы, которые проводились до сих пор, еще вовсе не опросы мнений. В самом деле, среди эмпирических исследований факторов рождаемости, проведенных в нашей стране с помощью метода опроса, нет ни одного, в программе которого были бы хоть какие-либо вопросы, имеющие целью определить *отношение* опрашиваемых к различным аспектам репродуктивного поведения, своего или окружающих.

Обычно та часть программы опроса, которая считается относящейся к изучению мнений, состоит буквально из двух-трех, редко четырех, вопросов, относящихся к представлениям женщин о наилучшем, желаемом или ожидаемом числе детей в семье (причем за редчайшим исключением все три представления никогда не встречаются вместе в одной программе) и о намерениях женщин относительно их дальнейшего деторождения, да вопроса (иногда одного) о мотивах ограничения деторождения с весьма ограниченным набором возможных ответов в подсказе. Вопросы обычно только прямые и задаются без соблюдения социологической техники и процедуры опроса. Например, в подсказе к вопросу о мотивах отказа от дальнейшего деторождения часто перечисляются наиболее «оправдывающие» мотивы, вызывающие общественное сочувствие (материальные трудно-

¹ См.: Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений, с. 217.

² См.: Ядов В. А. Социологическое исследование (методология, программа, методы), с. 139, 141.

сти, плохое состояние здоровья, неудовлетворительные жилищные условия, учеба и т. п.)¹.

Между тем методика социологического исследования требует, чтобы подсказ ответов в закрытом вопросе содержал наивозможно полный набор мотивов, как одобряемых общественным мнением, так и менее одобряемых, причем одобряемые и неодобряемые мотивы должны чередоваться в перечне таким образом, чтобы обеспечить равновозможность выбора². Мотивы не должны располагаться в перечне по степени убывания их вероятной значимости. Иначе исследователь совершает ошибку, которая в социологии называется *обнаружением установки исследователя*³, т. е. он невольно влияет на выбор респондентом «лучших» мотивов, но не всегда подлинных.

На распределение ответов влияет и полнота закрытия вопроса, т. е. полнота набора возможных ответов. Если среди предлагаемых в подсказе мотивов не оказывается того, которым респондент действительно руководствовался, то весьма вероятно, что он выберет другой, возможно, даже не похожий на подлинный. При этом, как отмечает А. И. Антонов, «этот недостаток не устраняется, даже если в конце перечня мотивов появляется «спасительная» приписка, призывающая указать непредусмотренные ответы»⁴. И тогда на первый план в структуре «причин ограничения деторождения» выступают мотивы материально-утилитарного характера, такие, как материальные трудности, недостаток жилищных условий, детских дошкольных учреждений, и т. п. Однако при более близком рассмотрении оказывается, что на недостаток жилищных условий как на причину ограничения деторож-

¹ См., например: *Петраков А. А.* Фактическое и желаемое число детей. — В кн.: Изучение воспроизводства населения, с. 298; *Киселева Г. П.* Из опыта конкретного социально-демографического обследования. — Там же, с. 314; *Каткова И. П.* Рождаемость в молодых семьях, с. 92; *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 35; *Киселева Г. П., Рылкова И. Н.* О мотивах ограничения рождаемости. — В кн.: Развитие населения. М., 1974, с. 58, и др.

² Более того, именно наименее вероятные варианты ответов рекомендуется помещать в начале перечня (см.: *Воронов Ю. П.* Методы сбора информации в социологическом исследовании, с. 32).

³ См.: *Здравомыслов А. Г.* Методология и процедура социологических исследований, с. 132—133.

⁴ *Антонов А. И.* Проблемы измерения репродуктивной мотивации. — В кн.: Развитие населения, с. 39.

деня зачастую ссылаются люди, проживающие в относительно лучших жилищных условиях, а на нехватку детских дошкольных учреждений — люди, проживающие в районах, где такой нехватки фактически нет¹.

В некоторых исследованиях вопрос о мотивах ограничения деторождения (с тем же подсказом мотивов) задается женщинам, уже сказавшим ранее, что они не желают иметь детей вообще или больше того числа, которое имеют². Но и в тех случаях, когда на этот вопрос просят ответить только тех, кто имеет детей меньше, чем хотел бы, положение меняется мало. Об этом свидетельствует опыт исследования «СССР-1969». Анализируя результаты этого обследования, В. А. Белова пишет, что по крайней мере 56% опрошенных в этом обследовании имеют детей столько, сколько желают³, и, следовательно, можно полагать, что отказ от дальнейшего деторождения в этих семьях вызывается просто тем, что их потребность в детях полностью удовлетворена, им детей больше не нужно, независимо от каких-либо условий материального характера. Тем не менее в этом обследовании только 11,5% опрошенных не назвали ни одной причины, «мешающей» иметь детей больше⁴. Остальные (из этих 56%, т. е. 44% опрошенных (!) подчеркнули один или несколько мотивов из числа предложенных в подсказе, мешающих им иметь еще ребенка (?).

¹ Подробнее об этом см.: Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 123; Белова В. А. Число детей в семье, с. 159—161.

² Например, в исследовании, проведенном Центром народонаселения МГУ в Москве в 1970 г. (см.: Киселева Г. П., Рылкова И. Н. О мотивах ограничения рождаемости. — В кн.: Развитие населения, с. 58).

³ См.: Белова В. А. Число детей в семье, с. 158.

⁴ См.: Там же, с. 158. Между прочим, среди этих 11,5% женщин, не указавших ни одной причины, могли быть не только такие, чья потребность в детях удовлетворена полностью, но и такие, которые не против того, чтобы иметь еще ребенка, но отказываются от этого по мотивам, не нашедшим места в подсказе, и которые они не решились указать, считая их недостаточно одобрительными. Во всяком случае, думается, никак нельзя трактовать эти случаи неуказания ни одного из предложенных мотивов ограничения деторождения как «удовлетворенность своим социально-экономическим положением» (см.: там же, с. 158). Респонденты могли быть неудовлетворены своим социально-экономическим положением, но удовлетворены имеющимся у них числом детей и поэтому правильно, в соответствии со смыслом вопроса, не ответили на вопрос о мотивах ограничения деторождения, как не относящийся к ним.

В. А. Белова делает правильный вывод из этого парадоксального факта, что в данном случае опрошенные женщины просто выразили свой взгляд на причины ограничения числа детей вообще, но не в своей семье¹. Но какова доля женщин, таким образом интерпретирующих обращенный к ним вопрос о мотивах ограничения деторождения в своей семье, неизвестно. Неизвестно ни в обследовании «СССР-1969», ни тем более в менее квалифицированных обследованиях. Тем не менее распределение ответов на прямые вопросы, т. е. информации весьма ненадежной, трактуется в большинстве исследований как распределение подлинных мотивов и даже причин ограничения рождаемости. К примеру, даже В. А. Белова после глубоких теоретических рассуждений, показавших иллюзорность распределения мотивов ограничения деторождения на основе прямого вопроса, не удержалась от соблазна истолковать некоторые полученные ответы как подлинные мотивы поведения².

Об этом приходится говорить потому, что тенденция истолковывать ответы на прямые вопросы о мотивах буквально как выражение подлинных мотивов и даже установок встречается слишком часто. В научной литературе появились ссылки на мнения женщин как на аргумент в собственных выводах исследователя такого, например, типа: «женщины сказали, что...» или «по мнению опрошенных женщин...», после чего ответы женщин абсолютизируются и отождествляются с подлинными мотивами и причинами поведения, в то время как источник информации и техника ее получения зачастую больше уже и не упоминаются.

¹ См.: Белова В. А. Число детей в семье, с. 159.

² Так, она пишет: «В обследовании «ИРУ-1969» (так в ее книге условно названо то же обследование, которое в этой книге условно называется «СССР-1969». — В. Б.) проявилась существенная значимость таких мотивов, как непрочность семьи (пьянство или непостоянство мужа), удаленность детских учреждений от места жительства и недостаточное качество обслуживания в них (дети часто болеют), не удовлетворяющее возросшие запросы родителей, занятость на работе, социальный престиж, одобрение или осуждение референтной группы и т. п.» (с. 155—156). Но о какой же значимости мотивов может идти речь после того, как сама автор показала всю ненадежность полученной информации? Думается, здесь есть основания судить только о том, какие мотивы из числа предложенных в подсказке представляются наиболее одобряемыми (положительными) на уровне здравого смысла, но не более.

Таким образом получается, что главная часть научно-го исследования — научная интерпретация полученных результатов — то, что составляет прерогативу ученого-профессионала, фактически передается им в руки самого объекта исследования. Такая тенденция не может не беспокоить, потому что наносит ущерб авторитету развивающихся социально-демографических методов исследования факторов рождаемости, так как под этим наименованием зачастую преподносится нечто совсем иное, а именно обычные статистические методы фиксации признаков. Только если в традиционных статистических исследованиях фиксировались характеристики условий жизни, то теперь фиксируются высказывания, но способ интерпретации полученной информации остается традиционным. Если раньше демографы на основе сопоставления условий жизни и показателей рождаемости гадали о мотивах репродуктивного поведения, то и теперь, на основе опросов мнений женщин, полученной информации хватает лишь для предположений — гаданий о подлинных мотивах и установках поведения.

Рождение детей, их наличие или отсутствие, то или иное их число — все это так или иначе затрагивает самые основные глубинные стороны жизни индивида и семьи. Поскольку потребность в детях находится в диалектической связи и в противоречии с другими основными потребностями человека, репродуктивная мотивация, во всяком случае, не менее сложна по своей структуре, формированию и проявлению, как и всякая другая мотивация сложных форм человеческого поведения. Поэтому и для изучения репродуктивной мотивации требуется использование сложной социально-психологической техники, которая уже имеется (проективные методики, шкалограммный анализ, социометрическая техника, контент-анализ и др.). Тут двумя-тремя лобовыми вопросами не отделаешься.

Изучение репродуктивной мотивации и установок требует значительного расширения программ исследований, включения в них не только прямых вопросов демографического характера, но и вопросов, направленных на изучение собственно мнений, т. е. оценочных суждений, непосредственно выражающих положительное или отрицательное отношение опрашиваемых к различным аспектам, связанным так или иначе с рождаемостью.

Представляется целесообразным для выявления репродуктивных установок наряду с вопросами об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей, становящимися уже традиционными, задавать также вопросы, имеющие целью выяснить, например, осведомленность людей об уровне рождаемости в мире, в стране, в районе их проживания, их понимание «высокой» или «низкой» рождаемости, их отношение к «низкой» или «высокой» рождаемости, к семьям с большим или меньшим, чем у них, числом детей, отношение к тем или иным способам регулирования деторождения, отношение к внебрачным рождениям, к усыновлению (удочерению) детей и многие другие вопросы, не затрагивающие непосредственно репродуктивного поведения респондентов. Таким путем, думается, скорее можно выявить действительные репродуктивные установки к числу своих детей (в том числе и неосознаваемые), чем с помощью только прямых вопросов.

Идеальное, желаемое и ожидаемое число детей как индикаторы репродуктивного поведения. В последние годы вопросы об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей в семье становятся неизменным атрибутом программ демографических исследований факторов рождаемости. Числовые показатели, получаемые в ответах на эти вопросы, рассматриваются исследователями как отражение социальных репродуктивных норм (идеальное число детей), личных предпочтений респондентов (желаемое число детей) и их намерений в зависимости от конкретных обстоятельств жизни (ожидаемое число детей).

Считается также, что каждый из этих показателей отражает одну из сторон репродуктивной установки, а все вместе они характеризуют ее гармоничность и устойчивость. Поэтому, казалось бы, все три показателя должны были бы присутствовать в программе исследования одновременно, и тем не менее в подавляющем большинстве отечественных исследований, изучавших представления женщин о числе детей, в программу включались только один или два вопроса об идеальном или, чаще, об ожидаемом числе детей¹.

¹ Нам известно только одно исследование, в котором задавались все три вопроса об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей одновременно (и причем весьма квалифицированно). Это исследование, проведенное социологами Ленинградского государственного университета и НИИ комплексных социальных исследований в Ленин-

Трудно сказать, чем это объясняется. Нам кажется, что немалую роль (кроме недостаточного внимания к разработке теоретической концепции, о чем справедливо говорит В. А. Белова)¹ играет и утилитарно-практический характер многих эмпирических исследований, имеющих целью «малыми средствами» изучить планы и намерения семей в отношении деторождения с тем, чтобы положить эти сведения в основу прогнозов уровня рождаемости, а также и недостаток средств и технических возможностей для обработки результатов по более развернутой программе.

Иногда считают, что одновременная постановка всех трех вопросов об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей затрудняет респондента и создает возможность для смешения этих понятий в ответах. Нам представляется, что, как раз наоборот, в этом случае респондент задумывается о различии понятий идеального, желаемого и ожидаемого числа детей (при условии достаточно четкой редакции каждого вопроса), в то время как при неполном наборе вопросов как раз и создается возможность для смешения понятий, особенно таких, как идеальное и желаемое число детей.

Например, если в программе задается только один вопрос об идеальном числе детей (особенно если редакция вопроса недостаточно четкая), но нет вопроса о желаемом числе детей, вероятным результатом может быть то, что часть респондентов назовут не идеальное, а желаемое число детей, и это повлияет на числовые результаты, поскольку желаемые числа детей обычно закономерно ниже идеальных. Точно так же может быть и смешение желаемых чисел детей с ожидаемыми, если в программе есть только один из вопросов — либо только о желаемом, либо только об ожидаемом числе детей. Другое дело, что в этом случае различия в интерпретации вопроса респондентами остаются неизвестными для

граде в 1973 г. Редакция вопросов была следующей: «Сколько бы Вам хотелось иметь детей в семье, если бы для этого были все условия?», «Как Вы думаете, сколько детей лучше всего иметь в семье вообще?», «Сколько детей Вы собираетесь иметь всего?» — и в развитие этого вопроса четвертый вопрос: «Предполагаете Вы иметь детей (или еще одного ребенка) в далеком или близком будущем?» (цит. по кн. Белова В. А. Число детей в семье, с. 48).

¹ См.: Белова В. А. Число детей в семье, с. 51.

исследователя и у него может создаться впечатление единого понимания вопроса (поскольку нет других вариантов), но это впечатление иллюзорно.

Каждый из показателей: идеальное, желаемое и ожидаемое число детей — имеет свое специфическое значение, и они не могут заменить друг друга¹. В частности, вопрос об идеальном числе детей направлен на выяснение представления респондента о наилучшем числе детей в семье вообще (в средней семье, в другой семье), но не обязательно в своей семье. Большинство исследователей сходятся в суждении, что идеальное число детей отражает нормы детности, преобладающие в тех или иных социальных группах, некоторые трактуют это число как действительный идеал, к которому семья может стремиться при устранении условий, препятствующих реализации этого идеала. Так, например, А. И. Антонов полагает, что среднее идеальное число детей как бы определяет тот «запас прочности», который может быть теоретически достигнут, если понадобится повысить фактическое число детей в семье². С таким мнением нельзя согласиться.

Представляется правильным предположение В. А. Беловой, что, отвечая на вопрос об идеальном числе детей в семье вообще, респонденты ориентируются на социальные нормы, на потребности общества в детях, а не на свои собственные потребности и желания³. Думается, что при правильной формулировке вопроса об идеальном числе детей в семье вообще большинство респондентов отчетливо понимают, что вопрос не затрагивает непосредственно их личных намерений в отношении деторождения, особенно если в программе есть отдельные вопросы об этих намерениях. Такой правильной формулировкой представляется редакция вопроса об идеальном числе детей в обследовании «СССР-1969»: «Как Вы думаете, сколько детей лучше всего вообще иметь в семье?»⁴.

¹ Наиболее полный обзор формулировок вопросов о предпочтительном числе детей, имевшихся в программах обследований, проведенных в нашей стране, приводится в кн. В. А. Беловой «Число детей в семье» (с. 44—48).

² См.: Антонов А. И. Потребность семьи в детях. — В кн.: Демографическое поведение семей, с. 86.

³ См.: Белова В. А. Число детей в семье, с. 101.

⁴ Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 35.

В американских исследованиях этот вопрос формулируется таким образом: «Какое, по Вашему мнению, идеальное число детей для *средней* американской семьи?»¹, причем слово «средней» в анкете подчеркивается.

Нам представляется также интересным высказывание А. Г. Волкова и Л. Е. Дарского, что, хотя каждый из ответов об идеальном числе детей не отражает непосредственно групповой нормы детности, совокупность таких ответов используется для характеристики этой нормы². Действительно, совокупность ответов об идеальном числе детей используется исследователями для количественной характеристики репродуктивных норм. Однако, думается, эти ответы отражают представления о нормах, а не сами нормы. Эти представления могут адекватно отражать действующие социальные нормы, но могут быть и ошибочными или отражать нормы, бытовавшие в прошлом, и т. п.

Здесь важно учитывать ряд обстоятельств. Например, многое зависит от того, как понимать социальные нормы. Так, В. А. Белова и Л. Е. Дарский считают, будто репродуктивные нормы не имеют обязательного характера, т. е. могут выполняться или не выполняться, и их невыполнение или непринятие не влечет за собой никаких формальных санкций³. Вряд ли такие нормы, соблюдение которых не носит обязательного характера, могут считаться вообще нормами, так как они тогда утрачивают свою определяющую функцию регуляции поведения.

Если репродуктивные нормы не имеют формального характера (хотя некоторые из них отражаются и в законах о браке и семье, т. е. имеют и формальный характер), то это ничего не меняет, потому что неформальные санкции могут быть такими же суровыми, как и формальные. Конечно, индивид может в своем поведении сознательно переступить какие-либо нормы. Но это не означает его свободы от норм вообще, это означает обычно, что индивид переступает *одни* нормы, чтобы соблюсти *другие*, более для него значимые.

¹ *Ryder N. B., Westoff Ch. F. Reproduction in the United States, 1965, Princeton, 1971, p. 374.*

² См.: *Волков А. Г., Дарский Л. Е.* Предисловие к книге «Изучение мнений о величине семьи», с. 7

³ См.: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 10.

Чаще это происходит в тех случаях, когда человек формально принадлежит к одной социальной группе, а ориентируется на ценности и нормы другой социальной группы. Таким образом, если среднее идеальное число детей значительно отличается от среднего желаемого числа детей (которое в большей степени, чем идеальное число, отражает личные потребности в детях) и среднего фактического числа детей (к концу репродуктивного периода жизни), то это свидетельствует, думается, о том, что представления большинства респондентов об идеальном числе детей отражают не актуально действующие нормы детности, а какие-то другие, которым следовать они не собираются (может быть, это нормы, действовавшие в прошлом). И следовательно, среднее идеальное число детей не может служить ориентиром для демографической политики (без его сопоставления с желаемым числом детей).

Вопрос о *желаемом* числе детей предполагает выявить личные предпочтения респондентов в отношении числа детей, т. е. установить то число детей, которое респондент хотел бы иметь в *своей* семье, если бы ничто не мешало ему осуществить свое желание. Этот вопрос исследователи стараются формулировать таким образом, чтобы в нем не содержалось намека на долженствование или зависимость от внешних условий. Например, в исследовании социологов Ленинграда этот вопрос формулируется так: «Сколько бы Вам хотелось иметь детей в семье, если бы для этого были все условия?». Несколько иная формулировка этого вопроса дается в американских исследованиях рождаемости, в частности в обследовании NFS 1965: «Если бы Вы могли иметь детей ровно столько, сколько хотите, какое это число могло бы быть?»¹. Желаемое число детей наиболее близко отражает индивидуальную потребность в детях, и, следовательно, этот показатель может служить наиболее близким числовым выражением репродуктивной установки детности.

И наконец, вопрос об *ожидаемом* числе детей имеет целью определить репродуктивные намерения и репродуктивные ожидания респондентов, зависящие от многих конкретных обстоятельств их жизни, от решения пробле-

¹ Ryder N. B., Westoff Ch. F. Reproduction in the United States, 1965. Princeton, 1971, p. 374.

мы конкуренции репродуктивных планов с другими жизненными планами и т. п. Этот показатель имеет наибольшее, по сравнению с двумя предыдущими, практическое значение для прогнозирования тенденций рождаемости. Вероятно, поэтому он чаще других включается в программы обследований рождаемости, проведенных в нашей стране. Хотя, как отмечают некоторые исследователи, «вопрос о том, в какой мере можно пользоваться данными об ожидаемом числе детей непосредственно для прогнозов (видимо, имеются в виду перспективные расчеты. — В. Б.), еще недостаточно разработан»¹, данные многих эмпирических исследований, проведенных в нашей стране и за рубежом среди групп населения с относительно низкой рождаемостью, как нам представляется, дают основания для суждения о том, что ожидаемое число детей довольно близко к реальности отражает будущие результаты репродуктивного поведения.

При прогнозе можно полагать, что среднее фактическое число детей окажется несколько меньше ожидаемого, потому что многие супруги, естественно, не могут предвидеть уменьшения своей плодовитости или не знают ее состояния в момент опроса. О том, что некоторые респонденты дают завышенную оценку своих репродуктивных возможностей, можно судить по данным обследования «СССР-1969» о распределении опрошенных женщин по ожидаемому числу детей. Так, доля женщин, сказавших, что они не ожидают иметь ни одного ребенка, составила в среднем по СССР всего 1,0%, с вариацией от минимума 0,2% в Эстонии до максимума 2,4% в Литве². Между тем по результатам различных исследований, которые обсуждались в первой главе этой книги, брачная инфертильность составляет в действительности 3—5%.

Таким образом, среднее ожидаемое число детей в семьях рабочих и служащих СССР, полученное по ответам женщин (2,42) завышено ответами женщин, не знающих о своем бесплодии (или, точнее, о бесплодии своего брака). Попробуем внести коррективы в это среднее число. Для этого примем долю женщин, которые вовсе не будут иметь детей, равной 4,0% вместо 1,0%. Полагая

¹ Волков А. Г., Дарский Л. Е. Предисловие к книге «Изучение мнений о величине семьи», с. 8

² См. Белова В. А. Число детей в семье, с. 103

далее, что $\frac{2}{3}$ женщин, завывсивших свои репродуктивные возможности, назвали в качестве ожидаемого числа детей одного ребенка, а $\frac{1}{3}$ — двух детей, и оставив остальные доли женщин по ожидаемому числу детей без изменения, подсчитаем среднее ожидаемое число детей. Получится 2,38 вместо 2,42. Разница невелика, но есть. Кроме того, и среди женщин, ожидающих иметь трех, четырех и более детей, не все смогут реализовать свои планы из-за пониженной плодовитости (в связи с возрастом и в связи с абортами).

Таким образом, среднее ожидаемое число детей по данным обследования «СССР-1969» (поскольку состояние плодовитости респондентов в нем не учитывалось) нужно рассматривать как «высокий» вариант семейных прогнозов. Такие же поправки, вероятно, следует вносить и в результаты других обследований, не учитывающих состояние плодовитости респондентов.

Кроме того, имеется много факторов социального характера, которые затрудняют реализацию репродуктивных планов супругов, снижают фактическое число детей по сравнению с ожидаемым, и можно предположить, что сила препятствующих факторов будет тем больше, чем больше величина планируемого числа детей (это предположение, следует отметить, относится к такому населению, в котором происходит устойчивый процесс сокращения социальных норм детности). В результате фактическое число детей к концу репродуктивного периода в большинстве случаев оказывается меньше ожидаемого. К примеру, по расчетам американских демографов, сравнивших результаты текущего обследования населения, проведенного в июне 1972 г., с результатами обследования GAF 1960, оказалось, что женщины 1936—1942 гг. рождения, которым в 1960 г. было 18—24 года, теперь будут иметь к концу репродуктивного периода жизни 2,9 рождения в среднем вместо 3,1, которое было рассчитано по их ответам в 1960 г. как среднее ожидаемое число детей¹.

Хотя показатели идеального, желаемого и ожидаемого числа детей получают пока чаще всего только с помощью прямых вопросов, без контроля искренности и мо-

¹ «Birth Expectations and Fertility June 1972 (Advance Data from the June 1972 Current Population Survey)». Current Population Reports, Series P-20, № 240, Washington, 1972, p 4

тивации ответов (вследствие чего остается значительная неопределенность при их истолковании), все же при достаточной осторожности *сочетание всех трех показателей* дает, думается, некоторое представление об основных компонентах репродуктивной установки детности (установки на число детей).

Это сочетание представляется таким: идеальное число детей отражает в большей степени когнитивные компоненты репродуктивной установки, сознательную ориентацию на социальные нормы (не обязательно своей референтной группы, это могут быть нормы, признаваемые только внешне); желаемое число детей отражает в большей степени когнитивно-эмоциональные компоненты установки, а ожидаемое число детей — практические компоненты установки, установку действия.

Близость всех трех показателей по величине свидетельствует поэтому, что семья имеет детей столько, сколько хочет, и считает это число вполне соответствующим принятым в обществе обычаям. Напротив, расхождение показателей говорит прежде всего о процессе изменения социальных норм детности, о том, что потребности семьи в детях не соответствуют ее представлениям о социальных нормах детности (если желаемое число детей расходится с идеальным), либо что потребности в детях не удовлетворены (если ожидаемое число детей меньше желаемого).

Именно разница между ожидаемым и желаемым числом детей может служить ориентиром для демографической политики. Например, если среднее желаемое число детей соответствует уровню рождаемости, оптимальному с точки зрения общества, но среднее ожидаемое число детей в семье ниже среднего желаемого, то разница между ними есть тот резерв, который относительно легко может быть реализован, если активизировать материальную помощь семьям, чья потребность в детях не удовлетворена. Если же среднее ожидаемое число детей не отличается значительно от среднего желаемого (на низком уровне), то одних мероприятий материальной помощи для повышения рождаемости будет уже недостаточно. В этом случае требуется стимулирование потребности в детях, а это значительно более сложная задача.

К сожалению, составить представление о расхождении или близости среднего желаемого и среднего ожи-

даемого числа детей по данным эмпирических исследований бывает довольно трудно. В наиболее крупных обследованиях, проведенных НИИ ЦСУ СССР, вопрос о желаемом числе детей в программе отсутствует (а в программе обследования 1972 г. был вообще только один из трех вопросов — об ожидаемом числе детей). В программах ряда исследований, содержащих вопрос о желаемом числе детей, формулировки этого вопроса различаются и не всегда позволяют интерпретировать ответы респондентов как выражение именно желаемого числа детей. Иногда желаемое число детей смешивается с ожидаемым, иногда с идеальным.

Например, в обследовании, проведенном в сельской местности Ростовской области в 1965—1970 гг., вопрос о желаемом числе детей формулировался таким образом: «Сколько всего детей Вы хотите иметь в своей семье?»¹. Очевидно, при такой редакции вопроса полученные ответы (во всяком случае какая-то часть ответов) отражают скорее намерения, чем желания респондентов. Собственно, и из текста статьи, в которой опубликованы некоторые результаты упомянутого исследования, можно видеть, что автор исследования не проводит различия между желаемым и планируемым числом детей².

В латвийском обследовании 1966—1967 гг. задавалось одновременно четыре вопроса, ответы на которые интерпретировались исследователями затем как желаемое число детей: 1) желает ли опрашиваемая иметь еще детей или вообще иметь детей, если их пока нет? 2) когда опрашиваемая собирается реализовать свое желание (сейчас, через некоторое время, не думала)? 3) если не желает (или желает через некоторое время), указать причины, 4) сколько детей опрашиваемая желает иметь (включая уже имеющихся)?³. В этом случае речь факти-

¹ *Салатич А. И.* Изучение рождаемости в сельской местности путем динамического наблюдения брачной когорты. — «Здравоохранение Российской Федерации», 1971, № 4, с. 22.

² В частности, он пишет, что «изучение ответов на этот вопрос показало, что основная масса (98%) обследуемых *планировала* (подчеркнуто нами. — В. Б.) число детей уже в начале совместной жизни» (*Салатич А. И.* Изучение рождаемости в сельской местности путем динамического наблюдения брачной когорты. — «Здравоохранение Российской Федерации», 1971, № 4, с. 22).

³ См.: *Шлиндман Ш., Звидриньш П.* Изучение рождаемости, с. 30. Критические замечания по поводу трактовки показателя желаемого

чески идет не о том, сколько детей хотели бы иметь опрашиваемые, если бы к этому имелись все условия, а о том, сколько они намерены иметь на самом деле. Иначе говоря, речь идет об ожидаемом, а не желаемом числе детей.

В другом обследовании, проведенном Центром по изучению проблем народонаселения МГУ в Чувашской АССР, вопрос был сформулирован так: «Задумывались ли Вы над тем, сколько детей желательно иметь в семье?»¹. Ответы интерпретировались как желаемое число детей. Однако этот вопрос мог быть истолкован некоторыми респондентами как вопрос об идеальном числе детей, поскольку из него неясно, о какой семье идет речь: то ли о семье респондента, то ли о семье вообще, о другой семье и т. д.

При первых публикациях результатов московского обследования 1966 г., проведенного НИИ ЦСУ СССР, ответы на вопрос: «Сколько всего детей Вы предполагаете иметь?» — были также интерпретированы исследователями как желаемое число детей². Некоторые исследователи и сейчас не проводят различий между идеальным и желаемым числом детей и используют эти показатели как равнозначные³.

мого числа детей в этом обследовании см. также: *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 49.

¹ *Киселева Г. П.* Из опыта конкретного социально-демографического обследования. — В кн.: Изучение воспроизводства населения, с. 311. В другой публикации результатов этого обследования тот же самый вопрос приводится в несколько иной редакции: «Сколько детей Вы считали бы желательным иметь в семье? (*Киселева Г. П.* О демографической ситуации в РСФСР. — В кн.: Районные особенности воспроизводства населения СССР. Чебоксары, 1972, с. 35). В такой редакции, думается, этот вопрос еще ближе по смыслу к вопросу об идеальном, а не о желаемом числе детей. Какая же из двух формулировок вопроса была на самом деле в опросном листе — остается неясным.

² См.: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Обследование мнений как метод изучения планирования семьи. — В кн.: Изучение воспроизводства населения, с. 288—296; *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Мнения женщин о формировании семьи. — «Вестник статистики», 1968, № 8, с. 28—32. В последующих своих работах *В. А. Белова* и *Л. Е. Дарский* не повторяли больше этой ошибки при описании результатов обследования 1966 г., но и не оговорили ее. Поэтому сохраняется вероятность «тиражирования» ее в работах других исследователей.

³ Например, в тексте одной из статей, описывающей результаты опроса, проведенного в Целиноградской области, говорится о желаемом числе детей, в то время как в таблице, которая приводится в той же статье, тот же показатель именуется идеальным числом детей (см.: *Желоховцева И. Н., Свиридова Л. Е.* К вопросу о возможностях

Если сравнить формулировки вопросов о желаемом числе детей, имеющих в программах советских эмпирических исследований, то приходим к выводу, что среди них мало таких, которые действительно отражают желаемое число детей, а не другой показатель и которые были бы сопоставимы с другими. Но исследователи пока редко обращают внимание на формулировки вопросов, сравнивая результаты различных исследований. Между тем малейшие различия в редакции вопросов о числе детей могут оказать значительное влияние на величину соответствующих показателей.

К примеру, сравнивая результаты двух московских обследований 1966 и 1969 гг., относящиеся к примерно аналогичным совокупностям респондентов, В. А. Белова и Л. Е. Дарский обнаружили весьма заметное повышение средних идеальных чисел детей при незначительном повышении средних ожидаемых чисел детей (табл. 35). Вначале авторы проявили осторожность, указав на различия в методах опроса и в составе контингентов опрошенных¹, но затем истолковали это резкое изменение показателей всего за три года как реальный сдвиг в сторону повышения социальных норм детности². Между тем ни в эти три года (между 1966 и 1969 гг.), ни в последующие годы уровень рождаемости в Москве не изменился.

В. А. Белова и Л. Е. Дарский считают, что «вопрос об идеальном числе детей был сформулирован почти (подчеркнуто нами. — В. Б.) одинаково в обоих обследованиях»³. Однако разница все же была. В 1969 г. вопрос об идеальном числе детей формулировался так: «Как Вы думаете, сколько детей лучше всего вообще иметь в семье?», тогда как в 1966 г. слово «вообще» в вопросе отсутствовало. Вот в этой разнице и заключается, по нашему мнению, вся причина столь стремительного «повышения норм детности».

реализации желаемого числа детей в семьях. — «Советское здравоохранение», 1973, № 4, с. 25). Так как формулировка вопроса, на основе которого получено среднее число детей, в статье не приводится, остается неясным, какой же из двух показателей имеется в виду.

¹ См.: Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 85.

² См.: Там же, с. 85—86, 113.

³ Там же, с. 86.

Идеальное и ожидаемое число детей по ответам женщин;
Москва, 1966 и 1969 гг.

Возраст женщин, лет	1966 г.		1969 г.			
	Среднее идеаль- ное чис- ло детей	Среднее ожидае- мое чис- ло детей	Среднее идеаль- ное чис- ло детей	Среднее ожидае- мое чис- ло детей	По ответам жен- щин-работниц с об- разованием ниже среднего	
					Среднее идеаль- ное чис- ло детей	Среднее ожидае- мое чис- ло детей
До 25	1,76	1,62	2,29	1,77	2,57	2,29
25—29	1,84	1,70	2,36	1,67	2,40	1,98
30—34	1,82	1,65	2,34	1,63	2,34	1,78
35—39	1,94	1,66	2,38	1,71	2,47	1,86
В сред- нем	1,87	1,66	2,35	1,68	2,42	1,88

Источник. Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 84, 114—115.

По-видимому, редакция вопроса об идеальном числе детей в 1969 г. позволила более точно отразить в массе ответов представления респондентов о нормах детности. в то время как в 1966 г. значительная часть респондентов истолковала этот же вопрос, но без слова «вообще», как обращенный к их личным предпочтениям, т. е. как вопрос о желаемом числе детей. Такое понимание вопроса могло быть обусловлено еще и тем обстоятельством, что в обследовании 1966 г. после вопроса: «Сколько детей, по Вашему мнению, лучше всего иметь в семье?», следовал вопрос «Когда Вы вступали в брак, сколько детей Вы хотели иметь?»¹. Поскольку вопроса о желаемом числе детей (на момент опроса) в анкете не было, респонденты могли истолковать оба вопроса как однотипные, о желаемом числе детей «сейчас и раньше».

Что такое предположение не лишено оснований, подтверждается, как нам кажется, сравнением данных тех же двух московских обследований о доле женщин, у которых имеющееся число детей совпадает с идеальным по

¹ Белова В. А., Дарский Л. Е. Обследование мнений как метод изучения планирования семьи. — В кн.: Изучение воспроизводства населения, с. 288.

их ответам. В 1966 г. доля таких женщин среди опрошенных составляла 43,2%, а в 1969 г. — всего 18,3%, в то время как доля женщин, у которых идеальное число детей превышает имеющееся, повысилась соответственно с 52,2 до 79,5%¹. Такое резкое изменение в структуре ответов всего за три года можно объяснить, думается, только различной трактовкой респондентами вопроса об идеальном числе детей вследствие различной его редакции.

Предположение о том, что изменения в показателях идеального числа детей по данным обследований 1966 и 1969 гг. обусловлены только различиями в методах их проведения, подтверждается, на наш взгляд, и сравнением показателей среднего ожидаемого числа детей (см. табл. 35), которые почти не изменились. Не изменилось и среднее имеющееся число детей на момент опроса, которое по данным этих двух обследований совершенно одинаково — 1,3². Таким образом, никаких реальных изменений в репродуктивном поведении московских женщин не произошло.

Правда, если из совокупности опрошенных в 1969 г. выделить группу женщин-работниц с образованием ниже среднего и сравнить их ответы с ответами всех женщин, опрошенных в обследовании 1966 г. (как это делают В. А. Белова и Л. Е. Дарский в своей книге), то разница в средних ожидаемых числах несколько увеличится. Но насколько оправдан такой прием? Ведь в совокупности женщин, опрошенных в 1966 г., какую-то долю составляли женщины-служащие со средним и высшим образованием, у которых среднее ожидаемое число детей заметно ниже, чем у женщин-работниц с образованием ниже среднего³. И хотя их доля среди опрошенных в 1966 г., вероятно, невелика, однако вряд ли структуры сравниваемых таким образом совокупностей можно признать одинаковыми. Кроме того, могли быть и другие факторы, по которым опрошенные в 1966 и 1969 гг. женщины различались.

¹ См.: Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 94.

² Там же, с. 114.

³ См.: Белова В. А., Дарский Л. Е. Обследование мнений как метод изучения планирования семьи. — В кн.: Изучение воспроизводства населения, с. 293.

Таким образом, вывод В. А. Беловой и Л. Е. Дарского об изменении социальных норм детности всего за три года был, думается, слишком поспешным и неоправданным теоретически. Кстати, этот вывод находится в противоречии с их собственными теоретическими суждениями, что «социальные репродуктивные нормы формируются средой в период социализации личности и потом мало меняются в течение жизни человека»¹. С нашей точки зрения, эти суждения правильны.

Схематично можно себе представить, что формирование репродуктивных установок личности происходит таким образом. В период социализации ребенка в процессе воспитания в семье закладываются основы его представлений о том, сколько детей вообще «нормально» или «лучше всего» иметь в семье. Для количественного формирования этих представлений имеет значение размер семьи, в которой развивается ребенок, простая она или сложная, сколько у него братьев и сестер, взаимоотношения всех членов семьи. Имеет значение и то, сколько детей в других семьях ближайшего окружения ребенка, имеющих в его глазах положительный авторитет².

По-видимому, в юности происходит формирование репродуктивных идеалов, т. е. представлений об идеальном числе детей или представлений о репродуктивных нормах

¹ Белова В. А. Число детей в семье, с. 39. В 1970 г. Л. Е. Дарский писал по этому поводу: «Хорошо известно, что господствующие взгляды в отношении создания и быта семьи сильно подвержены влиянию традиций и что их изменение следует связывать скорее со сменой поколений, чем с изменением этих взглядов у одного и того же поколения на протяжении времени. Можно предполагать, что основные взгляды человека в отношении структуры и функции семьи и воспроизведения потомства формируются в период до 20—25 лет, оставаясь почти неизменными на протяжении остальной жизни» (Дарский Л. Е. Изучение плодовитости браков. — В кн.: Вопросы демографии, с. 213). И далее: «Не каждое изменение внешних условий существования отражается на коренных взглядах людей. Сознание данного поколения, комплекс его взглядов отражает не сегодняшние, минутные условия существования, а весь опыт жизни данного поколения или, быть может, весь прошлый опыт, серьезно скорректированный опытом данного поколения в период его формирования» (там же, с. 213—214). См. также: Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 7, 12 и др.

² По замечанию Джеймса Э. Дэвиса, «наибольшее влияние на наши установки имеют те, кто стоит к нам ближе всех социально, но немного выше нас по престижу» (Дэвис Д. Э. Социология установки — В кн.: Американская социология (перспективы, проблемы, методы). М., 1972, с. 61

детности, которые на протяжении дальнейшей жизни меняются мало. Эти представления еще совершенно абстрактны, идеализированы, вполне естественно не требуют никаких соответствующих им поступков в настоящем, но, возможно, оказывают влияние на формирование характера человека и его планы на будущее. Иначе говоря, в период социализации формируются когнитивно-нормативные компоненты репродуктивной установки детности, но не вся установка.

По мере взросления человека его представления о наилучшем числе детей в семье приобретают все более конкретный, личный характер. Формируются практические компоненты репродуктивной установки, складывается представление о желаемом числе детей. Однако к этому времени либо социальные нормы детности могут измениться, либо человек (или семья) может оказаться в ином социальном окружении, с иными нормами детности, чем те, которые были усвоены в процессе социализации. Тогда в зависимости от различий норм настоящего времени и усвоенных в прошлом или от характера межгрупповых различий в нормах для индивида (или семьи) возникает проблема переориентации потребностей или сохранения усвоенных ранее представлений о наилучшем числе детей. Решение этой проблемы выражается в ожидаемом и конечном фактическом числе детей в семье.

Пока имеется очень мало надежных эмпирических материалов, чтобы проверить эту гипотезу. Но те данные, которые имеются, показывают, что среди населения с невысоким и снижающимся уровнем рождаемости и с относительно однородным этнодемографическим составом среднее идеальное число детей всегда превышает среднее желаемое число детей, а среднее ожидаемое ниже среднего желаемого числа детей.

Так, в исследовании, проведенном в 1970 г. в Москве Центром по изучению проблем народонаселения МГУ, среднее идеальное число детей составило 2,48, среднее желаемое — 1,81¹. Интересно отметить, что доли женщин,

¹ См. Таубер Н. А. Условия жизни семьи и среднее число детей — В кн.: Демографический анализ рождаемости, с. 13.

Среднее идеальное число детей по данным этого обследования близко по величине к соответствующему показателю в московском обследовании 1969 г., проведенном НИИ ЦСУ СССР (2,35 — у всех женщин в выборке и 2,42 — у всех женщин-работниц с образованием ниже среднего), а среднее желаемое число детей в обследовании

считающих желаемым и идеальным числом детей два ребенка, почти совпадают (соответственно 59 и 60%), в то время как доли женщин, считающих желаемым и идеальным три ребенка, различаются очень значительно. Семью с тремя детьми как идеальную рассматривают 36% опрошенных, но как желаемую (т. е. для себя) — только 9%. Такое резкое расхождение в суждениях говорит о том, что двухдетная семья действительно оценивается как наилучшая (и соответствующая социальным нормам детности), тогда как значительное число ответов, в которых трехдетная семья названа идеальной, или неискренни, или отражают только осведомленность опрошенных женщин о проблеме низкой рождаемости в Москве, о ценности третьего ребенка для общества. Сами же они этому идеалу вряд ли собираются следовать.

По данным ряда французских опросов общественного мнения не только фактическое число детей обычно оказывается меньше идеального, но идеальное число детей для своей среды обычно меньше, чем общее идеальное число детей¹. По-видимому, этот факт объясняется тем, что идеальное число детей для своей среды более конкретно, более осязаемо в личном плане для индивида, чем общее идеальное число детей, т. е. идеальное число детей для своей среды становится ближе по своему смыслу к представлению о желаемом числе детей.

В 1968 г. американские исследователи С. Густавус и Ч. Нэм опросили 1123 ученика шестых, девярых и двенадцатых классов в нескольких школах на юге США. Более $\frac{3}{4}$ опрошенных ответили, что задумывались над вопросом о том, сколько лучше всего иметь детей в своей семье. Несколько меньший процент школьников задумывались о том, каково идеальное число детей для средней американской семьи (табл 36). Вполне естественно, что среди старших школьников этот процент больше, но и 60% мальчиков — учащихся шестых классов, ответивших

1970 г. близко к среднему идеальному числу детей в обследовании 1966 г. (соответственно 1,81 и 1,87). Думается, это сходство может служить подтверждением ранее высказанного предположения, что в обследовании 1966 г. были получены данные о желаемом числе детей, а не об идеальном.

¹ См.: *Пресса Р.* Идеальное и фактическое число детей. — В кн.: *Рождаемость и ее факторы*, с. 102—103; *Жирар А., Зюке Э.* Опрос мнений о структуре семьи и предупреждении рождений. — В кн.: *Изучение мнений о величине семьи*, с. 21.

на вопрос об идеальном числе детей, — это тоже внушительная цифра¹. Между прочим, интересно отметить, что по ответам шестиклассников видна четкая зависимость сроков формирования репродуктивных идеалов от числа братьев и сестер, среди которых вырастает ребенок. Чем их больше, тем раньше формируется представление об идеальном числе детей. Может быть, это просто косвенное свидетельство вообще более ранней социализации детей в больших семьях?

Таблица 36

**Распределение школьников, ответивших на вопросы
об идеальном числе детей в семье (1968 г.)
в нескольких школах на юге США, %**

	Имеющие представление об идеальном числе детей					
	для средней американской семьи			для себя		
	классы школы			классы школы		
	6-е	9-е	12-е	6-е	9-е	12-е
Все школьники	65	77	84	76	84	88
в том числе:						
мальчики	60	69	76	64	75	75
девочки	70	84	90	87	91	96
с числом братьев и сестер:						
2 или менее	52	80	81	66	80	90
3—4	64	78	83	70	83	81
5 и более	71	75	88	84	91	92

Интересно также, что с возрастом идеальное число детей по ответам школьников в обследовании 1968 г. увеличивается и приближается к общенациональному среднему показателю. Так, у учащихся двенадцатых классов (юношей и девушек) среднее идеальное число детей для средней американской семьи равняется 3,24 (табл 37),

¹ Этот факт говорит о том, что представления об идеальном числе детей формируются в довольно раннем возрасте. Нужно также иметь в виду, что поскольку в этом обследовании ответы о числе детей были получены на прямые вопросы, часть детей могла просто постесняться ответить на них. Более тонкая техника опроса могла бы, возможно, обнаружить еще более высокий процент имеющих суждения по этому вопросу.

в то время как по ответам женщин, опрошенных в обследовании NFS 1965, оно составляло 3,29. Но главное здесь то, что по ответам школьников среднее идеальное число детей для средней американской семьи представляется несколько большим, чем для себя. Об этом же говорит и процентное распределение ответов по идеальному числу детей в табл. 37.

Таблица 37

Среднее идеальное число детей по ответам учащихся нескольких школ на юге США (1968 г.)

Классы	Процент назвавших идеальным данное число детей (из числа ответивших на вопрос)				Среднее идеальное число детей
	0	1—2	3—4	5 и более	

Для средней американской семьи

6	0,8	38,9	51,0	9,3	3,06
9	0,2	29,7	63,5	6,6	3,19
12	0,3	21,3	73,2	5,2	3,24
В среднем	0,4	30,5	62,0	7,1	3,16

Для себя

6	2,9	46,7	41,3	9,1	2,90
9	5,7	38,1	45,8	10,4	2,99
12	4,0	29,5	52,6	13,9	3,23
В среднем	4,3	38,6	46,2	10,9	3,02

Источник. *Gustavus S. O., Nam Ch. B. The Formation and Stability of Ideal Family Size among Young People. — «Demography», 1970, v. 7, № 1, p. 46—47.*

Хотя с возрастом процент респондентов, считающих идеальной семью с одним-двумя детьми значительно снижается, для себя такой тип семьи представляется все же более предпочтительным, чем вообще для некоей абстрактной семьи. В то же время идеал семьи с тремя-четырьмя детьми для себя представляется менее приемлемым, чем для «других». Таким образом, и здесь, видимо, проявляется привычная житейская логика, сходная с той, которая проявляется при сравнении идеальных и желаемых чисел детей (а идеальное число детей для себя по смыслу в какой-то степени заменяет здесь желаемое число детей): другие могут (или должны) иметь детей боль-

ше, я же этого себе позволить не могу (не смогу), у меня для этого нет условий.

В общенациональном американском обследовании рождаемости 1965 г. среднее идеальное и среднее желаемое число детей для всей выборки совпадают и составляют 3,29 (табл. 38). Таким образом, личные предпочтения, казалось бы, вполне соответствуют представлениям о социальных нормах детности. Однако если мы обратим внимание на распределение ответов по идеальным и желаемым числам детей, то убедимся, что это впечатление ошибочно, что совпадение средних показателей случайно и скрывает значительные различия. Если семью с тремя детьми назвали идеальной 75,1% опрошенных женщин, то желаемой — уже меньше (66,2%), а намерены иметь трех и более детей — 62,9% (при среднем планируемом числе детей — 3,24)¹. Таким образом, и в этом американском обследовании значительная часть опрошенных женщин желает иметь детей меньше, чем называет идеаль-

Таблица 38

Распределение опрошенных женщин по идеальному, желаемому, планируемому и имеющемуся числу детей по данным национального американского обследования рождаемости 1965 г., %

Число детей	Распределение женщин по числу детей			
	идеальное	желаемое	планируемое	имеющиеся
0	0,1	1,0	3,8	9,4
1	0,4	2,9	6,9	15,5
2	24,4	29,9	26,4	25,8
3	33,0	24,9	25,7	21,1
4	34,5	28,5	19,1	13,0
5	3,9	4,8	7,6	6,5
6	2,8	5,2	4,9	3,6
7 и более	0,9	2,8	5,6	5,0
В среднем	3,29	3,29	3,24	2,76
Стандартное отклонение	1,07	1,43	1,76	1,89

Источник. *Ryder N. B., Westoff Ch. F. Reproduction in the United States 1965. Princeton, 1971, p. 28.*

¹ В этом обследовании различалось *планируемое* число детей, т. е. которое женщина намерена иметь (*intended parity*) и *ожидаемое* число детей (*expected parity*). Практически разница в величине показателей оказалась небольшой.

ным, а предполагает иметь еще меньше, тогда как некоторая часть женщин желает иметь детей больше, чем называет идеальным (это женщины, желающие иметь пять и более детей).

Превышение желаемого числа детей над идеальным, которое иногда отмечается в группах населения с относительно высокой рождаемостью, вероятно, объясняется тем, что многодетные семьи, когда их сравнительно немного среди семей с меньшим числом детей, ощущают свою исключительность, «ненормальность» и как бы стесняются ее.

В своих суждениях об идеальном числе детей они, вероятно, выражают таким образом согласие с репродуктивными нормами большинства, но в своем репродуктивном поведении ориентируются на нормы другой социальной группы, которая на самом деле является для них референтной. Так, в том же американском обследовании 1965 г. превышение среднего желаемого числа детей над средним идеальным проявилось в основном у белых католиков (среднее желаемое число детей — 3,74, среднее идеальное — 3,55), в то время как у белых некатоликов, большую часть которых составляют протестанты, среднее желаемое число детей почти совпадает с идеальным (соответственно 3,11 и 3,12), а у негритянок было значительно ниже идеального (3,21 и 3,61)¹. Католики в США составляют только $\frac{1}{4}$ населения старше 14 лет, в то время как протестанты — $\frac{2}{3}$ населения². Их репродуктивные нормы детности оказывают влияние на репродуктивное поведение католиков. И более низкие внешние репродуктивные идеалы (представления о нормах) католиков по сравнению с их внутренними идеалами (желаниями) указывают направление, в котором будет изменяться у них рождаемость.

Сложнее объяснить иногда наблюдаемое также в группах населения с высокой рождаемостью превышение планируемого, ожидаемого или имеющегося числа детей над желаемым числом детей. Но и в этом случае причины следует искать в структуре репродуктивных норм, ценностной ориентации и мотивах личности, а не в умении

¹ *Ryder N. B., Westoff Ch. F. Reproduction in the United States. 1965. Princeton, 1971, p. 28.*

² См.: Народонаселение стран мира. с. 374; *Пучков П. И. Современная география религий, с. 141.*

или неумении пользоваться контрацептивами (хотя и это может иметь некоторое значение).

В крупнейшем советском обследовании суждений женщин о числе детей «СССР-1969» показатели идеального числа детей сопоставлялись с показателями ожидаемого числа детей, что нельзя признать достаточным для анализа репродуктивного поведения. При таком сопоставлении остается неясным, к какому из двух показателей ближе по величине оказалось бы желаемое число детей, если бы сведения о нем были бы получены: к идеальному или ожидаемому? Только в этом случае можно было бы судить о том, насколько удовлетворяется потребность семей в детях и насколько реальны и устойчивы представления респондентов об идеалах детности.

Сопоставление же ожидаемого числа детей с идеальным, минуя желаемое число детей, оставляет много вопросов для догадок. Даже если ожидаемое число детей совпадает с идеальным, то это еще мало о чем говорит, потому что желаемое число детей при этом может быть выше или ниже двух других показателей. Если выше, то это могло бы означать, что потребность в детях не удовлетворена и не соответствует признаваемым социальным нормам детности. Если ниже, это могло бы означать, что респонденты в своем реальном поведении более следуют признаваемым, но не интернализированным нормам, чем своим внутренним предпочтениям (или что желания жены расходятся с желаниями мужа, мнение которого оказывается решающим). Во всяком случае совпадение только идеального и ожидаемого числа детей еще не позволяет судить о гармоничности репродуктивного поведения личности и семьи.

Социальная демография делает еще только первые шаги в изучении репродуктивного поведения. Но период первых робких опытов, в которых исследователи обнаруживали само наличие репродуктивной мотивации, уже заканчивается. Теперь требуются повышение теоретического уровня эмпирических исследований, расширение и углубление их программ и инструментария, отшлифовка и унификация вопросов, посвященных изучению репродуктивной мотивации, а также и расширение круга респондентов.

По традиции, унаследованной от анамнестических обследований фактического деторождения, исследователи

факторов рождаемости, использующие метод опроса, ограничивают до сих пор свои опросы только кругом замужних женщин, считая их ответы наиболее компетентными. Такая точка зрения представляется не соответствующей специфике нового метода. Ведь в опросах мнений изучается отношение опрашиваемых к различным аспектам, связанным с рождаемостью, их суждения и оценки, а не только факты рождения детей, как это было в прошлом¹.

Начиная с определенного возраста каждый человек, будь то мужчина или женщина, имеет определенное представление и об идеальном, и о желаемом, и об ожидаемом числе детей. Для углубления теоретических знаний о различных аспектах формирования и структуры репродуктивного поведения могли бы быть целесообразны опросы мнений не только женщин, но и мужчин, не только состоящих в браке, но и не состоящих, не только взрослых, но и детей.

Это помогло бы выяснить, как и когда формируются репродуктивные установки, как они изменяются с возрастом и социальным положением, какую роль в их формировании могут играть средства массовой информации. Такие опросы помогли бы определить степень информированности различных слоев населения о демографической ситуации, как они ее себе представляют и какие мнения существуют по этому поводу. Иными словами, необходимо изучение морального климата вокруг проблемы рождаемости, поскольку он является важным фактором рождаемости.

¹ Кстати, исследование Карла Хартера, проведенное в 1965 г. в Нью-Орлеане, показало, что опросы мужчин не только об идеальных, желаемых и планируемых числах детей, но и о состоянии плодovitости брачной пары, и о регулировании деторождения, и о самых различных фактах репродуктивного поведения могут быть достаточно информативными. Интересно одно его критическое замечание по поводу опросов мнений только замужних женщин в американских исследованиях рождаемости: «Рождаемость не является продуктом действий одного пола и поэтому логично, что разобраться в поведении относительно деторождения, получая информацию только от женщин, нельзя. Не говоря уж о доминировании мужчин, можно сказать, что мужчина в семье играет по меньшей мере одинаковую с женщиной роль в принятии семейных решений. Однако до сих пор большинство опросов ориентировано исключительно на женщин» (*Harter C. L. Male Fertility in New Orleans. — «Demography», 1968, v. 5, p. 61*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рождаемость проявляет тенденцию к сокращению до слишком низкого уровня, недостаточного для обеспечения хотя бы простого замещения поколений в будущем.

Основные причины такого сокращения рождаемости следует искать не в особенностях возрастной или брачной структуры населения и даже не в том, что для рождения трех и более детей будто бы не хватает доходов или жилищных условий, или детских учреждений, товаров и т. п. (хотя важность этих факторов вообще несомненна), а в исторических изменениях функций семьи и роли детей в них.

Тенденция сокращения рождаемости не является временной, скоропреходящей, а представляет собой исторический переход от естественной (неограничиваемой) многодетности к преобладающей малодетности.

Тенденция снижения рождаемости имеет всеобщий характер, поскольку является производной от социально-экономических факторов, научно-технического прогресса. Различия общественных систем оказывают определенное влияние на специфические особенности проявления этой тенденции, на темпы ее развития. В частности, при социализме не существуют такие отрицательно действующие на рождаемость факторы, как экономические кризисы, неуверенность трудящихся в завтрашнем дне, которые имеются в капиталистическом обществе. В то же время ряд факторов, влияющих в сторону ускорения тенденции к сокращению рождаемости, являются диалектическими следствиями преимуществ социализма: равенство мужчин и женщин в обществе, отсутствие профессиональной дискриминации женщин, высокая их занятость в общественном производстве, отсутствие этнической замкнутости

в социалистическом обществе, высокая социальная мобильность советских людей, доступность любого профессионального образования, отсутствие сословных перегородок и многие другие факторы.

Вряд ли существуют факторы, которые могли бы автоматически приостановить тенденцию рождаемости к малодетности и затем поддерживать рождаемость на среднем уровне. Это возможно только при помощи постоянно проводимой демографической политики.

Часть демографов, к которым причисляет себя и автор, считает, что основания для беспокойства о будущем уровне рождаемости в нашей стране есть. Сошлемся, в частности, на авторитетное мнение Б. Ц. Урланиса, который, анализируя динамику и факторы рождаемости в нашей стране, делает вывод, что без эффективной демографической политики «рост культуры, рост потребностей и повышение уровня квалификации женского труда будут сдерживающими факторами в отношении рождаемости. Более того, есть основания предполагать, что траектория кривой будущего уровня рождаемости будет идти в том же направлении, в каком она шла в истекшее десятилетие»¹.

В другом месте той же книги Б. Ц. Урланис обращает внимание на то, что в бюджете свободного времени женщины все более предпочтительными становятся кино, театр, туризм, спорт по сравнению с домашними заботами, приготовлением пищи, уходом за ребенком и т. п. Отсюда он делает вывод, что «в будущем характер использования свободного времени женщины будет складываться в неблагоприятную для рождаемости сторону»².

Рассматривая дифференциацию суждений женщин об ожидаемом числе детей в группах по размерам дохода и уровню образования, В. А. Белова отмечает, что относительно наибольшие показатели среднего ожидаемого числа детей наблюдаются в группах с самым низким доходом и с самым низким уровнем образования, т. е. в группах, которые численно будут сокращаться. Поэтому, резюмирует она, «вряд ли следует ожидать повышения плодovitости»³ (т. е. рождаемости. — В. Б.).

Тенденцию к переходу значительной части населения

¹ Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. с. 164

² Там же, с. 109.

³ Белова В. А. Число детей в семье, с. 145.

СССР к двухдетной семье отмечает и Р. И. Сифман по материалам исследования «СССР-1967»¹.

Определенное беспокойство по поводу перспектив рождаемости высказывают и некоторые другие демографы², однако, пожалуй, значительно более распространенным остается «оптимистическое» отношение к проблеме рождаемости.

Такое отношение проявляется по-разному. В частности, и в преобладающем до сих пор среди экономистов и демографов предубеждении, будто с дальнейшим повышением уровня жизни рождаемость автоматически повысится до «оптимального» уровня. А потому никаких специальных мероприятий, поощряющих рождаемость, не требуется.

Иногда высказываются мнения, будто бы демографическая наука еще не знает, какой уровень рождаемости следует считать оптимальным, а до того будто бы невозможно приступить к разработке конкретных мероприятий демографической политики. Можно подумать, что от решения этого вопроса зависит достижение любого уровня рождаемости, который будет признан в качестве оптимального. Однако в настоящее время уже хорошо известно из зарубежной практики, что демографическая политика в своем воздействии на рождаемость далеко не всемогуща. Говоря о необходимости активизации демографической политики, ее сторонники имеют в виду прежде всего предотвращение дальнейших тенденций распространения малодетности, а вовсе не какие-либо абстрактные цели.

Недооценка проблемы низкой рождаемости проявляется и во мнениях некоторых авторитетных демографов, согласно которым этой проблеме уделяется будто бы

¹ См.: Сифман Р. И. Формирование семьи в условиях низкой рождаемости. — В кн.: Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе, с. 331.

² См., в частности: Валентей Д. И. О демографическом поведении. — «Правда», 1972, 16 авг., с. 3; Киселева Г. П. О демографической ситуации в РСФСР. — В кн.: Районные особенности воспроизводства населения СССР; Кваша А. Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР, с. 25, 78—81 и др.; Сонин М. Я. О некоторых аспектах изучения закономерностей движения населения и демографической политики. — В кн.: Демографическая политика, с. 88; Таубер Н. А. Условия жизни семьи и среднее число детей. — В кн.: Демографический анализ рождаемости, с. 16; Шахотько Л. П. Рождаемость в Белоруссии. Минск, 1975, с. 146—148 и др.

чрезмерно большое внимание, в результате чего «представляется как бы второстепенной не менее сложная и актуальная проблема — проблема улучшения здоровья населения и увеличения продолжительности его высокой трудовой активности»¹. Эти демографы совершенно правы, выступая за комплексное воздействие на демографические процессы, но они противоречат сами себе, когда высказываются за «переориентацию» внимания с одной важной проблемы на другую, не менее важную. Демографические проблемы должны решаться все одновременно и в той степени, которой требует объективная необходимость.

Приводятся и другие доводы против активизации демографической политики. Так, некоторые экономисты и демографы, отождествляя объективный, закономерный характер сокращения рождаемости с «нормальным», считают на этом основании, что «любые «теории», направленные на ломку объективно сложившихся темпов воспроизводства населения при помощи каких бы то ни было способов субъективного вмешательства в нормальное, объективно обусловленное течение процесса, заведомо несостоятельны»². Такая позиция «невмешательства в объективно обусловленные процессы» представляется странной. Если последовательно ее придерживаться, мы должны неизбежно прийти к отрицанию любой человеческой деятельности вообще, поскольку она в том и состоит, что с ее помощью весь окружающий объективный мир постоянно переделывается и приспособливается человеком к его потребностям.

Непонятно, почему демографической политике, в от-

¹ См., например: *Стещенко В. С.* Об исследовании основ демографической политики развитого социалистического общества. — В кн.: *Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе*, с. 106

² *Бжильянский Ю. А.* Проблемы народонаселения при социализме. М., 1974, с. 72—73.

Фактически такого же взгляда придерживаются и некоторые ведущие демографы, которые пишут: «...воздействие общества на демографические процессы с целью изменения их тенденций чрезвычайно сложно и может быть успешным лишь в том случае, если оно не противоречит объективному воздействию на население социальных факторов, лежащих в основе этих процессов» (*Волков А. Г., Вишневский А. Г., Дарский Л. Е.* Современная рождаемость в СССР и ее регулирование. Совместный доклад на демографической конференции в Киеве в декабре 1973 г. — В кн.: *Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе*, с. 366—367).

личие от всякой другой, должно быть отказано в способности эффективно воздействовать на объективно обусловленные процессы. Конечно, тенденции к распространению малодетности вполне закономерны, обусловлены влиянием целого ряда объективных факторов. Но, на наш взгляд, из этого не следует, что мы должны только пассивно наблюдать, как будут дальше развиваться события. Другое дело, что в своем воздействии на демографические процессы демографическая политика, чтобы быть эффективной, должна опираться на глубокое знание действительных объективных закономерностей в их диалектической взаимосвязи и сознательно использовать одни закономерности для изменения других закономерностей.

Думается, что и авторы, фактически преувеличивающие неизбежность объективных факторов в демографических процессах, не такие уж «фаталисты», как можно подумать. Просто в их доводах отражается, видимо, их убеждение, что уровень рождаемости сам собой установится на «оптимальной» высоте, без участия демографической политики.

Некоторые экономисты, занимающиеся проблемами народонаселения, пытаются иногда представить тенденции рождаемости в более благоприятном виде, чем есть на самом деле. Так, например, политэконом Ю. А. Бжилянский, выступив в «Литературной газете» против «паники» по поводу снижения рождаемости, высказался в таком смысле, что, хотя демографически рождаемость в нашей стране снижается, экономически она будто бы даже растет, поскольку родившиеся в настоящее время будут производить продукции (когда вырастут) во много раз больше, чем родившиеся в прошлом. Перемножив родившихся на производительность труда, Ю. А. Бжилянский получает в результате, что «экономически рождаемость не падает, а растет, то есть 17 родившихся в 1970 г. больше 45 родившихся в 1913 г.»¹. Совершенно очевидно, что при таком «экономическом росте» рождаемости мы будем приближаться к депопуляции со скоростью, прямо пропорциональной темпам роста производительности труда.

Некоторые демографы признают возможность сокращения рождаемости до уровня преобладающей однодет-

¹ Бжилянский Ю. А. Адам не будет последним. — «Лит. газ», 1971, 29 сент., с. 11.

ности, но полагают, что даже в этом случае депопуляции можно избежать. К примеру, В. П. Пискунов допускает возможность того, что в будущем «индивидуальная потребность брачной пары в детях будет удовлетворяться рождением лишь одного ребенка. Ведь если экстраполировать в более или менее отдаленное будущее развитие условий, в которых протекает жизнедеятельность известных нам семейных образований, подобная ситуация не будет выглядеть чрезмерно фантастичной. Обязательно ли это вызовет депопуляцию? Думается, что нет. В процессе самого общественного развития наверняка появятся совершенно неведомые нам условия, в которых указанная угроза будет ликвидирована»¹. Иначе говоря, неведомо как, неведомо когда, но как-нибудь наверняка обойдется. Уже такое самоустранение специалиста-демографа от решения научной проблемы вызывает возражение. Но далее, оказывается, В. П. Пискунов выдвигает некоторые способы решения проблемы депопуляции в условиях преобладающей однополой системы родительства. Вот первый из вариантов.

Принимая во внимание техническую возможность в недалеком будущем регулировать пол потомства по желанию родителей, он пишет: «Одно из мыслимых решений указанной проблемы может состоять в том, что повышение роли женщины в жизни общества, возникновение своеобразного культа матери может привести к положению, при котором общий баланс индивидуальных желаний сложится в пользу значительного перевеса рождений детей женского пола, т. е. увеличится доля женщин в общей численности населения»². Прежде всего следует заметить, что в этом варианте предполагается возникновение действительно очень своеобразного «культа» однополой матери. Относительно проще повысить престиж самой обыкновенной матери с несколькими детьми и все остальное придумывать уже не нужно было бы.

Однако главный недостаток этого варианта состоит в том, что, как легко убедиться, при любом нарушении структуры по полу и однополой системе родительства население не может избежать депопуляции, так как оста-

¹ Пискунов В. П., Стешенко В. С. К теоретическому обоснованию демографической политики развитого социалистического общества. — В кн.: Демографические тетради. Вып. 6—7, с. 87.

² Там же, с. 87—88.

ется необходимость замещения сколь угодно малого количества мужчин и бесплодных женщин, а также умерших до достижения брачного возраста.

Второй вариант решения проблемы депопуляции при однодетной системе родительства, предлагаемый В. П. Пискуновым, состоит в том, что он полагает возможным, при нормальной структуре населения по полу, компенсировать однодетность каждого отдельного брака увеличением числа повторных браков. По его мнению, современный идеал «вечной любви» устареет и люди будут вступать в брак по нескольку раз на протяжении жизни¹. Оставим пока в стороне моральные аспекты подобной метаморфозы института брака и допустим, что она могла бы быть. И снова можно довольно легко убедиться, что таким путем также невозможно было бы решить проблему депопуляции, потому что для замещения одного поколения другим необходимо только, чтобы число рождений в среднем на одну женщину за всю жизнь было не менее 2,1, вне зависимости от состояния в браке. Иначе говоря, значение имеет только то, сколько детей рождает женщина за всю жизнь. Сколько же раз она вступает в брак, не имеет значения с точки зрения обеспечения замещения поколения. Если же в этой гипотезе В. П. Пискунова предполагается, что в каждом новом браке будет рождаться по ребенку (и, таким образом, у каждой женщины будет несколько детей), то это будет самая обычная многодетность, только при многобрачности. Думается, гораздо лучше достичь того же результата при сохранении традиционной формы брачного союза.

Наконец, В. П. Пискунов, как и некоторые другие демографы, высказывает мнение, что уменьшение числа детей в семье «может и не означать, что должно снижаться удовлетворение потребностей в материнстве и отцовстве. Ведь не обязательно, чтобы эти прекрасные человеческие (а не животные) чувства могли всегда удовлетворяться существованием только своих детей и только в своей семье (в современных ее формах). Несомненно, что новые отношения между людьми, свободные от пережитков классового строя, откроют реальность удовлетворения

¹ См.: Пискунов В. П., Стещенко В. С. К теоретическому обоснованию демографической политики развитого социалистического общества. — В кн.: Демографические тетради. Вып. 6—7, с. 88.

этого чувства не только своими детьми»¹. Но как же быть в этом случае с проблемой депопуляции? Ведь если все начнут любить не своих детей, то довольно скоро любить уже будет некого. Из рассуждений названного автора не ясно, как же таким путем избежать депопуляции при распространении малодетности, а через несколько страниц оказывается, что тот же самый способ всеобщей любви к не своим детям как-то непоследовательно предлагается им уже для решения проблемы... перенаселенности земли², которая, как видно, представляется ему гораздо более заслуживающей серьезного внимания, чем проблема низкой рождаемости.

К сожалению, многие весьма авторитетные специалисты в области теоретической демографии чрезвычайно легко становятся оптимистами, когда речь заходит о перспективах рождаемости. Между тем трезвая оценка этих перспектив важна не только для своевременной разработки мероприятий демографической политики, но и для развития самой демографии. Ведь именно от того, насколько серьезна демографическая ситуация, насколько она требует вмешательства профессиональных демографов, зависит и потребное число специалистов, научно-исследовательских организаций и т. п.

Нужно также иметь в виду, что помимо сокращения брачной рождаемости на динамику уровня рождаемости и показателей воспроизводства населения в предстоящие годы будет влиять отрицательно и ряд других факторов. Как рассматривалось во второй главе этой книги, в первой половине 70-х гг. в нашей стране происходили благоприятные сдвиги в брачно-возрастной структуре женского репродуктивного контингента, в результате чего повысилось общее число рождений. Но начиная с 1976 г. возрастная структура женского репродуктивного контингента начинает снова ухудшаться за счет вступления в него численно уменьшающихся когорт женщин, родившихся в 1961—1969 гг., когда число родившихся неуклонно уменьшалось (с 5341 тыс. человек в 1960 г. до 4087 тыс. в 1969 г., т. е. на 23%). Влияние этого фактора на уровень рождаемости станет особенно ощутимым пос-

¹ Пискунов В. П., Стещенко В. С. К теоретическому обоснованию демографической политики развитого социалистического общества — В кн. Демографические тетради Вып 6—7, с. 90

² Там же, с. 92.

ле 1980 г., когда когорты родившихся в 60-х гг. начнут вступать в возрастную группу 20—24 года, а более многочисленные когорты женщин, родившихся в 50-х гг., начнут переходить в старшие возрастные группы с низкой рождаемостью. Следовательно, на всем протяжении 80-х гг. число рождений будет сокращаться, даже если бы удалось приостановить сокращение брачной рождаемости.

В то же время число умерших будет расти за счет демографического старения населения. В результате следует ожидать значительного сокращения темпов естественного прироста населения.

Кроме того, следует внести и некоторые коррективы в представление о среднем числе детей в семье, необходимом для обеспечения простого воспроизводства населения. Сделанное ранее утверждение, что третий ребенок решает проблему воспроизводства населения, справедливо не при всех условиях, а лишь при малой дисперсии распределения семей по числу детей вокруг средней в 2,4 ребенка. Если же в населении велика доля одноплодных семей, то для обеспечения хотя бы простого замещения поколений в будущем только третьих рождений становится уже недостаточно. В этом можно убедиться с помощью несложного приближенного расчета, разложив величину нетто-коэффициента воспроизводства населения СССР по долям рождений определенной очередности в общем числе рождений¹. Умножая величину нетто-коэффициента на эти доли и последовательно складывая произведения, мы найдем, при какой очередности рождения он достигает единицы. Результаты расчета приведены в табл. 39. В 1960—1961 гг. в среднем по СССР простое замещение поколений обеспечивалось рождениями третьей очередности, но в настоящее время для этого необходимы рождения пятой очередности, третьих и четвертых рождений уже недостаточно².

¹ Процентное распределение родившихся по очередности рождений у матери легко рассчитать на основе данных, регулярно публикуемых в журнале «Вестник статистики» (полагая при этом, что оно одинаково для детей обоего пола).

² Это обстоятельство, кстати, нужно учитывать при разработке системы семейных надбавок на детей. В некоторых социалистических странах, например в Болгарии, размеры семейных надбавок возрастают до третьего ребенка.

Распределение нетто-коэффициента воспроизводства населения СССР по очередности рождения детей у матери

Годы	Всего	в том числе по очередности рождений (кумулятивно)						
		1	1-2	1-3	1-4	1-5	1-6	1-7
1960—1961	1,260	0,479	0,823	1,003	1,107	1,174	1,215	1,237
1961—1962	1,206	0,455	0,785	0,956	1,055	1,119	1,159	1,182
1962—1963	1,175	0,431	0,755	0,922	1,019	1,083	1,124	1,149
1963—1964	1,135	0,405	0,721	0,882	0,977	1,041	1,083	1,108
1964—1965	1,134	0,396	0,709	0,869	0,966	1,032	1,076	1,103
1965—1966	1,134	0,391	0,702	0,858	0,956	1,025	1,072	1,101
1966—1967	1,128	0,399	0,707	0,855	0,949	1,016	1,063	1,092
1967—1968	1,114	0,408	0,707	0,844	0,931	0,998	1,045	1,075
1968—1969	1,110	0,424	0,723	0,851	0,931	0,995	1,040	1,071
1969—1970	1,126	0,457	0,759	0,883	0,955	1,012	1,056	1,087
1970—1971	1,147	0,489	0,791	0,913	0,981	1,035	1,078	1,109
1971—1972	1,143	0,497	0,805	0,922	0,986	1,037	1,077	1,106
1972—1973	1,128	0,497	0,808	0,922	0,980	1,025	1,061	1,089
1973—1974	1,123	0,501	0,814	0,926	0,984	1,025	1,058	1,084

Депопуляция — это, вероятно, еще весьма отдаленное последствие низкой рождаемости. Ряд других последствий ощущаются уже сегодня. Одно из них — демографическое старение населения, т. е. увеличение удельного веса лиц в возрасте 60 лет и старше во всем населении, и связанное с ним постарение рабочей силы, т. е. увеличение доли лиц старших возрастов в составе рабочей силы¹.

Другая группа проблем связана с сокращением притока трудовых ресурсов, которое ожидается в 80-х гг. Уже в настоящее время дефицит трудовых ресурсов довольно заметно ощущается в крупнейших городах, где

¹ Анализу социально-экономических и других последствий старения возрастной структуры населения посвящена уже обширная научная литература. См., в частности: *Россет Э.* Процесс старения населения. М., 1968; *Вишневский А. Г.* Экономические последствия старения трудоспособного населения. — В кн.: Демографические тетради. Вып. 2—3, с. 93—111; *Марксистско-ленинская теория народонаселения.* М., 1971, с. 351—365; *Кваша А. Я.* Проблемы экономико-демографического развития СССР, с. 78—80 и др.; *Калинюк И. В.* Возрастная структура населения СССР. М., 1975, с. 90—111 и др.

самая низкая рождаемость. В результате пока не удается замедлить темпы роста населения сверхбольших городов, потому что ежегодно приходится пополнять трудовые ресурсы за счет мигрантов. Например, численность населения Москвы ежегодно увеличивается более чем на 100 тыс. человек, из которых естественный прирост составляет только около 20 тыс. человек¹. В связи с этим представляется, на наш взгляд, правильным мнение ученых, полагающих, что только повышение рождаемости до уровня, обеспечивающего возобновление трудовых ресурсов, позволило бы остановить чрезмерное разрастание больших городов².

Конечно, дефицит рабочей силы вызывается не только демографическими факторами. Он вызывается также и еще недостаточно рациональным использованием наличной рабочей силы и довольно распространенным завышением спроса предприятий на рабочую силу. Исследования показывают, что скрытые резервы рабочей силы на предприятиях в настоящее время составляют до 15—20% всех работников промышленности. Значительны эти резервы и в других отраслях нашего народного хозяйства³. Дальнейшее совершенствование управления народным хозяйством позволит высвободить эти резервы для погашения дефицита рабочей силы, а кроме того, и для быстреего развития других жизненно важных отраслей (прежде всего сферы обслуживания населения). Однако, поскольку для этого требуется известное время, тенденции естественного прироста трудовых ресурсов в их влиянии на будущий состав рабочей силы по полу, возрасту и отраслям народного хозяйства также приходится принимать во внимание среди последствий сокращения рождаемости.

Распространение малодетности несет с собой и много других проблем социально-экономического, социально-гигиенического и морально-психологического характера, многие из которых сейчас еще трудно предвидеть или

¹ «Вестник статистики», 1974, № 11; 1975, № 11.

² См.: Хорев Б., Зюзин Д., Киселева Г., Ромашкин Б. Особенности демографической ситуации в Москве. — В кн.: Прикладная демография. М., 1973, с. 66.

³ См.: Трудовые ресурсы и научно-техническая революция. Под ред. К. И. Микульского. М., 1974, с. 14.

даже предположить¹. Но некоторые, думается, очевидны и сегодня. В частности, очевидно, что малодетность не способствует стабильности института брака. Другой важный социально-психологический аспект — постепенное увеличение в обществе доли людей, выросших в малодетных семьях. Эти люди, вероятно, отличаются психологически от тех, которые выросли среди братьев и сестер, поскольку в зависимости от числа детей в семье различаются условия для приобретения детьми навыков общения в коллективе.

Трудности воспитания единственных детей хорошо известны. Единственного ребенка, конечно, легче, чем нескольких детей, обеспечить всем, что только душа пожелает, но тем легче его и избаловать. Отсюда опасность формирования эгоцентрической психики и чрезмерно высокого уровня притязаний, а также задержки инфантильности в характере и подверженности неврозам на почве чрезвычайной любви к самому себе. Как справедливо отмечает Д. И. Валентей, «однодетная система вызывает опасность формирования потребительского отношения к жизни»². Конечно, можно привести немало примеров замечательных людей, выросших из единственных детей, так же как и случаев плохого воспитания в семье многодетной. Многие авторы, в зависимости от их позиций, приводят как отрицательные, так и положительные примеры против или в пользу однодетной семьи. Однако, если иметь в виду статистическое множество семей, нельзя не признать, что семья с единственным ребенком чаще является источником социальной патологии, чем семья многодетная.

Важно отметить, что и двухдетная семья испытывает зачастую те же трудности воспитания, что и семья с одним ребенком, особенно если это двое детей разного пола и (или) с большой разницей в возрасте. По понятиям социологов, двое людей еще не образуют группы (минимальный размер социальной группы — три челове-

¹ Об этих проблемах см.: Валентей Д. И. Политика народонаселения — В кн.: Основы теории народонаселения. М., 1973, с. 31—33; Валентей Д. И. 250 000 000: комментарии, проблемы, прогнозы. — «Наука и жизнь», 1973, № 10, с. 20—31 и др.

² Валентей Д. И. О демографическом поведении — «Правда», 1972, 16 авг., с. 3.

ка) ¹, и поэтому отношения между детьми в двухдетной семье также не способствуют образованию навыков общения в коллективе. Кроме того, при значительной разнице в возрасте ² дети в двухдетной семье в значительной степени воспитываются как единственные дети (врозь по очереди), так как принадлежат к разным возрастнопсихологическим группам.

Таким образом, увеличение в обществе доли лиц, выросших в малодетных семьях, имеет среди своих последствий и определенные проблемы воспитания у молодежи навыков общения в коллективе, которое во все большей степени должно будет переходить от семьи к другим общественным институтам (дошкольным детским учреждениям, школе, общественным организациям и др.).

В свою очередь, есть много логики и в предположении, что статистическое большинство выросших в малодетных семьях не пожелают стать родителями нескольких детей.

Перспективы рождаемости требуют активизации демографической политики. Но что такое «демографическая политика»? В зависимости от того, что мы под ней понимаем, изменяется и степень ее активности. Мероприятия демографической политики нельзя, конечно, отрывать от общей социально-экономической политики. Тем не менее ведь говорим же мы о политике в области образования, заработной платы или о жилищной политике и т. п. В общественной жизни вряд ли можно указать такие явления и процессы, которые так или иначе не оказывали бы никакого влияния на демографические процессы. Так же и социально-экономическая политика государства в любой области управления народным хо-

¹ Крупнейший польский социолог Я. Щепаньский определяет социальную группу как «определенное число лиц (не меньше трех), связанных системой отношений, регулируемых институтами, обладающих определенными общими ценностями и отделенных от других общностей определенным принципом обособления» и отличает группу от пары, т. е. двух лиц, связанных между собой иным видом отношений, не имеющих признаков, характерных для группообразующих связей (см. *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии, с 117—118).

² По мере сокращения числа детей в семье увеличиваются средние интервалы между рождениями. Так, по данным обследования «СССР-1960» средний интервал между первым и вторым рождениями у женщин, имевших 9 и более рождений, составлял 2,05 года, а у женщин, ограничивающихся двумя рождениями, — 4,16 года (см. *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР, с 159)

зййством неизбежно оказывает влияние на демографические процессы. Однако это влияние может быть как прямым, запланированным, так и косвенным, побочным, иногда и нежелательным. Поэтому представляется необходимым в общей системе социально-экономической политики государства конкретизировать подсистемы мероприятий по их целевой направленности. Хотя такая конкретизация всегда будет в известной мере условной, она необходима для оценки степени активности и эффективности демографической политики.

С этих позиций демографическую политику можно определить как систему государственных мероприятий, непосредственно направленных на формирование желательного для общества демографического поведения¹. В нашей стране многое делается для охраны здоровья матери и ребенка, постоянно улучшаются материальные условия для рождения и воспитания детей в семье. Однако продолжение тенденций малодетности указывает на необходимость дальнейшей активизации мероприятий, специально направленных на материальную и моральную поддержку семьи с *тремя* и более детьми. Особенно хочется подчеркнуть необходимость усиления помощи молодой семье, поскольку от трудностей ухода за первым ребенком в какой-то степени зависит вероятность рождения второго ребенка и т. д. Между тем именно молодая семья зачастую оказывается в сложных материальных условиях после рождения первого ребенка (или даже в момент своего образования), особенно если ей не приходится рассчитывать на помощь родственников. Поэтому большое значение, среди прочих мер, имело бы предоставление молодым семьям, по их желанию, долгосрочной банковской ссуды (под умеренный процент), достаточной для первоначального взноса в жилищный кооператив и обзаведения основными предметами домашнего обихода.

Определенное значение будут иметь предусмотренные Основными направлениями развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы введение для работающих женщин частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком и расширение льгот по пенсионному обеспечению.

¹ См.: Пискунов В. П., Стешенко В. С. О демографической политике социалистического общества — В кн.: Демографическая политика, с 15

нию многодетных матерей. Заслуживают внимания и предложения демографов о введении весомых семейных надбавок на детей, начиная с первого, о расширении льгот для семей с тремя и более детьми (например, при получении квартир и др.), хотя тут, как уже говорилось ранее, имеется еще много теоретически нерешенных вопросов. Но при этом еще раз важно отметить, что любые экономические мероприятия будут эффективны только в условиях благоприятного морального климата вокруг семьи с несколькими детьми. В этом отношении большая роль принадлежит массовым средствам информации и искусству, которые должны ненавязчиво, но ярко пропагандировать идеал семьи с несколькими детьми.

По нашему мнению, никакие усилия по поощрению среднедетности не окажутся чрезмерными. Опасения некоторых экономистов, как бы активная демографическая политика не вызвала слишком большой рост рождаемости, совершенно напрасны, они отражают непонимание необратимости исторических перемен в функциях и потребностях семьи. В противовес этим опасениям можно сослаться на мнение крупнейшего польского демографа Э. Роскета, который пишет: «О многодетной семье сейчас следует говорить в прошедшем времени. Этот тип изжил себя. Сегодня идет борьба не за четвертого и пятого, а за второго и третьего ребенка. Чтобы выиграть эту борьбу, необходимо пустить в ход стимулы — и материальные, и моральные»¹.

Тенденции малодетности проявляются сейчас во всех промышленно развитых странах и в дальнейшем будут охватывать все больше стран по мере их экономического и культурного развития. Мы думаем, что малодетность — всемирная проблема будущего, такая же, какой сегодня уже стала проблема экологии. Конечно, сегодня многим подобное предсказание может показаться странным, когда все так много начитаны о проблемах «демографического взрыва». Однако, не отрицая серьезности той нагрузки, которой является быстрый рост населения для экономики развивающихся стран, мы думаем, что уже сегодня есть признаки необходимости быть настолько дальновидными, чтобы не позволить маятнику

¹ Роскет Э. Принципы и проблемы перспективной политики народонаселения. — В кн.: Демографическая политика, с. 62.

высокой рождаемости качнуться настолько же в противоположную сторону.

Среди многих западных ученых сейчас стало модным все беды капитализма взваливать на рост населения. Однако хочется посоветовать читателю в таких случаях обращать внимание на профессию пишущих по вопросам народонаселения, потому что ученые, раздувающие страх перенаселения в западных странах, как правило, не демографы, а биологи, физики, медики, социологи и т. п., иногда крупные авторитеты в своих областях знания, но не компетентные в вопросах демографии. Демографы обычно значительно осторожнее оценивают тенденции показателей рождаемости в странах Запада, которые недавно снова пошли на снижение.

Особенно впечатляет резкое снижение уровня рождаемости в США. Если еще десятилетие назад США выделялись среди других экономически развитых капиталистических стран своим относительно высоким уровнем рождаемости, то теперь это своеобразие отходит к прошлому. Отчасти снижение показателей рождаемости — результат экономического кризиса, но, думается, только отчасти. С 1967 г. общий коэффициент рождаемости в США находится на уровне, до которого он не опускался даже в годы кризиса 1930-х гг. (самый низкий уровень в то время отмечался в 1933 г. — 18,4‰). Исследования показывают, что сокращение уровня рождаемости в США происходит за счет глубоких изменений в репродуктивном поведении широких масс населения. Если по данным опроса GAF 1960 замужние женщины в возрасте 18—24 года ожидали иметь в среднем по 3,1 ребенка (и данные опроса, проведенного в 1972 г., дают основания американским статистикам считать, что фактическое число детей у этих женщин будет на 0,2 ребенка меньше, т. е. 2,9), то женщины того же возраста, опрошенные в 1972 г., ожидают иметь уже значительно меньше — в среднем только по 2,3 ребенка¹.

Пожалуй, большинство американских социологов и политиков еще не осознает этих новых тенденций в динамике рождаемости, продолжая спекулировать на мнимой угрозе «демографического взрыва» в США. Еще бур-

¹ «Birth Expectations and Fertility: June 1972 (Advance Data from the June 1972 Current Population Survey)», Series P-20, № 240, Washington, 1972, p. 4.

лит деятельность организации «борьбы за нулевой прирост», различных обществ «неродителей» и т. п., вносятся предложения штрафовать за рождение третьих и более детей и другие, еще более радикальные. Однако начинают появляться и другие заголовки. Один из номеров журнала «Тайм» в 1974 г. вышел под красноречивым заголовком «Эти исчезающие дети»¹. А ведь еще в 1968 г. один из крупнейших американских демографов, тогдашний президент Американской ассоциации по народонаселению проф. Э. Коул в выступлении на ежегодной ассамблее ассоциации высказал предположение о возможности того, что «к тому времени, когда практическая программа законодательных мер по ограничению рождаемости в США будет подготовлена, нам придется изыскивать способы поощрения рождаемости, чтобы избежать убыли населения»².

Определенное беспокойство по поводу снижения рождаемости высказывают и виднейшие западноевропейские демографы. Так, на проходившем в 1969 г. в Лондоне симпозиуме Института биологии вопреки мнению большинства присутствовавших социологов и биологов, настаивавших на утверждении, будто Великобритании угрожает перенаселение, видный английский демограф Д. Эверсли высказал мнение, что в ближайшие годы уровень рождаемости в стране опустится ниже необходимого для простой замены поколений³. Этот прогноз уже оправдался. В 1974 г. Великобритания вплотную приблизилась к порогу депопуляции (коэффициент естественного прироста составил всего 1,4‰).

Выступая в еженедельнике «Монд дипломатик», один из крупнейших французских демографов Жан Буржуа-Пиша заявил: «Мы являемся свидетелями настоящей революции в отношении людей к вопросу продления рода. Показатели нетто-воспроизводства населения немногим выше 0,5 завтра могут стать привычными»⁴. Он заключил свою статью предположением, что Западная Ев-

¹ «За рубежом», 1974, 27 сент. — 3 окт., № 40 (745).

² Coale A. Should the United States Start a Campaign for Fewer Births? — «Population Index», 1968, v. 34, № 4, p. 474.

³ How Many Britons Is Best? — «Nature», 1969, v. 224, № 5214, p. 9.

⁴ Bourgeois-Pichat J. En France un mouvement de lent declin. — «Monde diplomatique», 1973, nov., a. 20, № 236, p. 18.

ропа, США и Канада находятся на пути к демографическому упадку, продолжительность которого трудно предвидеть. Озабоченность по поводу перспектив рождаемости во Франции высказывает и другой крупнейший французский социолог и демограф Альфред Сови¹.

Безусловно, при социализме имеются несравненно большие возможности для сочетания репродуктивных интересов общества и семьи, чем при капитализме. Но эти возможности не реализуются сами собой. Нам хотелось показать в этой книге, что перспективы низкой рождаемости заслуживают серьезного внимания.

¹ *Sauvy A.* La population française: situation et perspectives. — «Revue de défense nationale», P., 1972, а. 28, авр., p. 555—565.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Возрастные коэффициенты рождаемости в СССР

Годы	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет								Суммарный коэффициент рождаемости
	всего 15—49 лет ¹	в том числе							
		до 20 ²	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
1926—1927 ³	159,1	36,1	259,4	269,0	224,5	171,6	90,8	23,0	5,372
1938—1939	139,5	32,8	214,4	230,6	183,5	131,7	68,1	19,0	4,401
1954—1955	86,2	15,6	146,9	172,9	127,6	74,4	35,4	7,1	2,900
1957—1958	86,9	23,9	160,1	166,7	116,4	66,8	24,7	5,7	2,822
1958—1959	88,7	29,2	162,2	164,8	110,1	66,6	24,1	5,0	2,810
1959—1960	91,5	34,4	165,3	161,3	114,2	63,7	24,2	4,5	2,838
1960—1961	90,6	35,2	164,8	160,7	110,0	60,7	23,5	4,8	2,799
1961—1962	87,2	29,6	162,8	155,8	105,2	56,4	22,7	3,8	2,682
1962—1963	83,2	24,1	162,1	151,4	101,3	54,2	22,3	3,7	2,596
1963—1964	78,4	22,7	162,6	145,6	97,6	52,0	21,4	3,9	2,529
1964—1965	73,5	23,7	157,6	138,9	95,5	50,9	20,3	4,2	2,456
1965—1966	70,8	25,5	159,6	136,0	97,0	50,6	19,1	4,4	2,461
1966—1967	68,5	26,9	158,6	132,7	97,0	49,2	17,7	4,0	2,431
1967—1968	66,3	27,7	158,0	129,7	94,7	47,9	16,9	3,8	2,394
1968—1969	65,3	28,9	157,0	128,8	92,0	47,4	16,2	3,4	2,369
1969—1970	65,7	30,4	163,9	128,7	88,1	48,5	15,3	2,9	2,389
1970—1971	66,9	32,0	170,2	132,1	87,1	49,6	14,9	2,4	2,442
1971—1972	67,2	32,4	173,9	137,1	84,3	49,4	14,6	2,0	2,469
1972—1973	66,4	32,4	172,3	135,9	81,8	48,0	14,3	1,9	2,433
1973—1974	66,8	33,3	173,4	134,8	79,3	45,5	14,4	1,7	2,412

¹ Здесь и далее в табл. 2 — включая родившихся у матерей более старшего возраста.

² При определении показателей для этой возрастной группы условно взято число женщин в возрасте 15—19 лет.

³ Показатели относятся к европейской части СССР.

Возрастные коэффициенты рождаемости в союзных республиках

Годы	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет								Суммарный коэффициент рождаемости
	всего 15—49 лет	в том числе							
		до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	
РСФСР									
1958—1959	82,9	28,4	157,9	156,4	101,9	57,7	19,9	3,0	2,626
1967—1968	53,6	26,0	143,1	110,9	74,0	33,5	10,7	1,2	1,997
1969—1970	53,4	28,3	146,9	107,4	69,3	32,2	9,0	1,1	1,971
1971—1972	55,2	30,9	156,1	116,3	65,6	33,0	7,9	0,7	2,053
1972—1973	54,9	31,5	154,7	114,4	63,3	32,5	7,5	0,6	2,023
1973—1974	55,3	32,8	155,5	112,8	60,0	30,9	7,3	0,6	2,000
Украинская ССР									
1958—1959	70,7	28,1	150,9	137,4	85,1	44,6	11,5	1,6	2,296
1967—1968	55,3	29,9	151,4	108,5	75,0	29,5	8,3	0,8	2,017
1969—1970	55,3	33,1	160,1	110,1	68,3	29,2	7,2	0,7	2,044
1971—1972	57,1	36,1	169,6	114,8	65,3	31,6	6,6	0,5	2,123
1972—1973	56,2	36,5	163,9	115,2	63,2	31,1	6,3	0,4	2,083
1973—1974	55,7	37,4	160,6	113,9	61,1	29,1	6,2	0,4	2,044
Белорусская ССР									
1958—1959	91,0	16,2	146,8	177,6	120,5	71,1	22,6	4,2	2,795
1967—1968	62,0	16,5	149,2	123,8	92,9	46,4	14,3	2,1	2,226
1969—1970	61,3	19,6	161,6	134,5	87,1	43,2	12,3	1,3	2,298
1971—1972	61,1	23,5	172,3	137,7	82,1	40,4	10,6	0,8	2,337
1972—1973	59,7	23,6	170,6	135,3	77,5	39,3	9,7	0,8	2,284
1973—1974	58,9	24,5	168,5	132,4	74,3	37,1	9,1	0,7	2,333
Узбекская ССР									
1958—1959	158,8	38,3	209,9	240,7	206,0	178,6	96,8	38,4	5,044
1967—1968	161,9	31,8	250,5	290,0	250,4	186,0	91,3	35,5	5,678
1969—1970	158,5	41,7	261,3	265,2	245,6	194,9	91,5	27,0	5,636
1971—1972	163,0	45,4	275,0	284,6	247,7	198,5	93,7	23,3	5,841
1972—1973	156,0	39,9	280,0	287,6	234,1	187,0	87,6	17,6	5,669
1973—1974	156,8	39,9	290,0	295,4	230,3	183,2	86,4	15,9	5,706
Казахская ССР									
1958—1959	143,0	48,4	233,8	235,9	175,7	127,2	54,8	16,6	4,462
1967—1968	98,1	29,3	190,9	173,9	133,2	82,9	40,3	11,3	3,309
1969—1970	96,1	30,0	192,2	177,8	134,9	83,4	34,1	9,0	3,307
1971—1972	95,7	29,8	200,3	187,2	130,4	88,5	30,5	6,5	3,366
1972—1973	93,6	28,7	199,9	187,2	126,5	86,6	29,1	5,8	3,319
1973—1974	94,1	29,6	203,0	188,1	123,6	84,0	29,3	4,9	3,313

Годы	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет							Суммарный коэф- фициент рожда- емости
	всего 15-49 лет	в том числе						
		до 20	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	
1	2	3	4	5	6	7	8	9

Грузинская ССР

1958—1959	85,0	22,2	124,3	172,0	112,2	58,7	21,5	6,4	2,587
1967—1968	72,9	31,3	167,9	145,7	98,5	46,0	14,4	3,2	2,535
1969—1970	73,3	34,3	182,9	147,2	97,5	46,3	12,6	2,4	2,616
1971—1972	70,8	33,7	183,5	155,7	90,7	44,4	12,0	2,2	2,611
1972—1973	69,0	32,3	184,8	157,2	83,9	42,9	11,1	2,1	2,572
1973—1974	69,4	33,4	192,0	157,6	78,4	41,5	10,8	1,7	2,577

Азербайджанская ССР

1958—1959	163,3	43,0	209,6	266,5	216,1	162,7	73,5	29,6	5,005
1967—1968	148,9	47,1	226,2	255,1	236,7	143,0	57,9	19,8	4,929
1969—1970	134,6	40,8	228,4	233,1	210,0	146,9	53,3	14,1	4,633
1971—1972	119,1	29,1	226,1	228,7	188,0	133,4	46,8	8,1	4,301
1972—1973	111,4	24,0	218,0	231,3	173,7	128,3	43,9	7,1	4,132
1973—1974	108,0	22,4	219,2	230,5	165,9	119,8	42,8	6,3	4,035

Литовская ССР

1958—1959	82,8	14,4	125,9	156,6	119,2	77,0	27,8	4,5	2,627
1967—1968	66,9	19,0	136,3	134,2	90,1	49,6	17,0	2,1	2,242
1969—1970	67,2	22,4	154,4	142,5	87,4	47,8	14,9	1,3	2,354
1971—1972	66,1	23,2	165,2	137,9	87,4	45,5	14,7	1,3	2,376
1972—1973	63,1	22,3	160,1	134,1	83,0	43,5	13,7	1,0	2,289
1973—1974	60,9	22,4	156,5	132,9	78,6	41,7	12,4	0,9	2,227

Молдавская ССР

1958—1959	111,7	34,0	182,2	195,3	143,6	104,3	46,1	9,1	3,573
1967—1968	76,3	29,0	163,4	143,5	113,3	67,1	24,8	4,0	2,726
1969—1970	71,6	28,1	163,9	135,4	99,7	61,9	21,0	2,6	2,563
1971—1972	75,4	29,9	181,4	136,6	98,7	59,0	18,6	1,7	2,630
1972—1973	75,6	30,6	180,9	140,9	94,7	58,1	18,4	1,5	2,626
1973—1974	75,1	32,4	177,9	145,0	91,1	52,6	17,1	1,3	2,587

Латвийская ССР

1958—1959	59,2	16,8	114,8	120,7	78,2	43,0	12,7	1,3	1,938
1967—1968	52,6	25,2	121,3	111,1	67,4	30,3	7,6	0,5	1,817
1969—1970	53,5	27,0	139,3	114,9	66,7	29,4	7,3	0,5	1,926
1971—1972	54,8	26,6	147,5	118,5	69,6	32,0	7,2	0,5	2,010
1972—1973	53,8	26,7	147,7	116,5	67,5	31,3	7,0	0,4	1,986
1973—1974	53,4	27,2	148,2	115,2	65,8	30,5	7,1	0,4	1,972

Годы	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет								Суммарный коэффициент рождаемости
	в том числе								
	всего 15—49 лет	до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	

Киргизская ССР

1958—1959	140,1	40,3	204,3	222,0	174,8	132,0	64,6	25,9	4,320
1967—1968	132,1	33,5	218,6	230,1	204,9	153,2	68,6	24,3	4,666
1969—1970	134,7	40,9	260,6	224,6	198,8	154,5	69,6	20,2	4,846
1971—1972	136,1	40,5	268,5	248,8	196,8	153,4	70,6	15,0	4,968
1972—1973	132,9	38,8	264,9	249,3	191,2	149,8	69,9	13,9	4,889
1973—1974	131,6	40,7	251,3	235,9	196,6	141,6	72,0	13,3	4,807

Таджикская ССР

1958—1959	123,5	26,1	137,8	176,5	169,7	154,4	87,4	33,2	3,926
1967—1968	170,5	35,0	259,6	275,8	251,0	203,1	107,7	41,0	5,866
1969—1970	166,4	40,1	261,2	267,7	251,1	215,8	108,5	36,2	5,901
1971—1972	171,9	44,4	288,0	274,7	259,1	222,2	112,3	29,9	6,153
1972—1973	168,0	41,1	292,0	280,4	250,8	214,5	109,2	26,2	6,071
1973—1974	170,6	40,9	307,6	293,5	253,0	206,1	113,3	24,7	6,196

Армянская ССР

1958—1959	159,2	37,6	200,6	264,1	204,4	154,9	68,0	16,4	4,730
1967—1968	104,9	44,2	222,6	194,6	137,9	73,7	29,4	6,8	3,546
1969—1970	92,9	41,2	213,3	164,2	123,8	67,6	23,8	5,1	3,195
1971—1972	90,0	38,8	215,1	181,8	108,0	65,2	21,6	3,4	3,170
1972—1973	87,3	37,3	214,3	180,4	97,1	61,5	20,3	3,1	3,070
1973—1974	84,7	39,1	213,2	170,4	86,7	53,5	17,0	2,6	2,913

Туркменская ССР

1958—1959	161,6	39,5	216,2	251,2	217,2	173,4	93,1	34,0	5,123
1967—1968	168,5	31,4	283,8	300,0	248,7	197,3	103,6	34,2	5,995
1969—1970	165,6	33,5	271,1	276,2	250,5	213,0	110,2	31,4	5,930
1971—1972	161,8	29,2	268,5	296,2	246,8	207,3	106,6	26,2	5,903
1972—1973	159,3	27,2	273,3	301,1	238,1	203,1	105,8	24,7	5,867
1973—1974	158,6	26,9	274,0	307,7	234,9	199,0	105,3	23,0	5,854

Эстонская ССР

1958—1959	59,9	20,1	122,3	119,1	72,9	41,9	12,0	0,9	1,946
1967—1968	55,6	25,2	136,7	125,5	71,8	28,2	7,9	0,8	1,980
1969—1970	59,3	30,1	157,1	130,6	73,0	29,9	7,4	0,5	2,143
1971—1972	59,8	31,5	165,9	130,7	70,3	31,9	6,7	0,5	2,188
1972—1973	58,5	31,3	165,1	126,1	67,9	31,6	6,6	0,4	2,145
1973—1974	57,9	31,9	165,7	123,4	64,3	29,8	6,6	0,4	2,111

**Возрастные коэффициенты рождаемости в отдельных
социалистических и капиталистических странах**

Год	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет								Суммарный коэф- фициент рожда- емости
	Всего (15—49 лет) *	в том числе							
		до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9

Болгария

1960	69,8	75,0	187,2	120,1	51,3	19,7	7,2	1,0	2,308
1965	60,1	68,2	174,1	105,6	45,6	16,7	4,4	0,9	2,078
1966	58,4	65,5	173,7	102,1	41,7	15,3	3,8	0,8	2,015
1967	58,2	68,0	176,9	101,3	40,3	14,6	3,8	0,6	2,028
1968	65,0	75,3	197,3	118,3	45,1	15,5	3,9	0,5	2,280
1969	64,8	74,2	194,3	120,3	47,1	15,8	3,3	0,5	2,278
1970	62,6	71,5	189,2	111,6	45,0	14,8	3,1	0,4	2,178
1971	61,3	69,7	186,4	106,1	42,3	13,5	3,1	0,4	2,108
1972	59,5	69,3	181,1	101,8	39,3	12,4	3,0	0,3	2,036
1973	63,4	72,9	194,0	108,6	39,7	12,9	3,0	0,3	2,157

Венгрия

1960	58,9	52,5	159,2	105,6	52,9	25,0	8,0	0,5	2,019
1965	53,2	41,9	147,9	100,6	47,8	18,2	4,7	0,4	1,808
1966	54,5	45,8	152,7	104,8	48,5	18,8	4,7	0,4	1,879
1967	57,7	50,4	160,9	112,5	53,0	19,7	4,6	0,4	2,008
1968	58,7	52,2	164,5	116,3	54,4	19,7	4,5	0,3	2,060
1969	58,1	53,7	162,3	114,3	53,7	19,5	4,5	0,3	2,042
1970	56,6	50,0	159,3	110,3	51,4	18,4	4,3	0,3	1,962
1971	55,9	50,3	157,7	103,8	49,8	17,9	4,1	0,2	1,919
1972	56,9	53,5	157,4	105,2	47,8	17,4	4,1	0,3	1,929
1973	58,2	57,5	157,0	105,1	48,1	17,9	3,9	0,2	1,949

Год	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет								Суммарный коэф- фициент рожда- емости
	Всего (15—49 лет) *	в том числе							
		до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9

ГДР

1960	70,8	75,8	167,7	124,9	67,6	31,0	7,4	0,3	2,374
1965	75,4	71,4	190,2	124,3	68,7	29,8	6,6	0,3	2,457
1966	71,1	66,0	190,6	122,7	66,0	28,2	5,0	0,3	2,394
1967	66,1	68,2	181,7	118,0	61,3	25,4	4,5	0,2	2,297
1968	63,0	67,7	183,9	111,7	58,3	24,8	3,8	0,2	2,252
1969	60,6	72,8	179,7	107,7	54,7	22,7	3,3	0,1	2,205
1970	60,0	77,6	171,8	106,2	53,1	22,1	3,2	0,1	2,171
1971	59,5	98,8	152,2	101,5	46,2	18,8	2,9	0,1	2,103
1973	...	51,5	141,0	73,9	31,3	12,4	2,6	0,1	1,564

Польша

1960	93	45	199	165	103	60	22	2	2,980
1965	72	32	183,7	143,7	88,6	43,4	14,8	1,6	2,395
1966	68	32	177,2	139,9	80,5	41,8	13,4	1,4	2,287
1967	65	31	170,5	134,4	77,3	39,9	12,5	1,4	2,196
1968	64	30	163,8	128,3	74,0	38,9	12,3	1,3	2,108
1969	63	30	164	125	71	37	12	1	2,200
1970	64	30	165	126	71	36	11	1	2,200
1971	65	29	171	130	72	36	11	1	2,250
1972	65,8	27,0	168,4	133,9	71,3	35,2	11,0	0,8	2,238
1973	68	28	169	136	71	35	11	1	2,255
1974	69	30	170	136	71	34	10	1	2,260

Румыния

1960	73,9	59,1	164,1	121,2	67,6	39,0	14,5	1,4	2,335
1965	57,3	52,4	140,7	99,8	53,5	25,1	8,9	0,8	1,906
1966	55,7	51,7	143,0	98,2	53,4	25,1	8,3	0,9	1,903
1967	105,5	79,8	251,8	198,1	124,1	59,7	16,6	1,2	3,657

Год	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет								Суммарный коэф- фициент рожда- емости
	Всего (15—49 лет) *	в том числе							
		до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1968	102,9	82,4	241,4	193,9	126,5	63,9	17,3	1,2	3,633
1969	89,6	72,6	215,7	171,7	108,0	54,7	15,0	1,0	3,194
1970	81,2	65,7	201,4	151,6	94,9	48,8	13,8	0,9	2,886
1971	75,3	62,1	190,9	138,1	82,7	44,3	13,1	0,8	2,660
1972	72,7	61,3	185,9	131,6	76,9	40,7	12,0	0,8	2,546
1973	70,4	60,6	182,4	124,2	71,6	37,6	10,3	0,6	2,437
1974	79,3	69,3	202,3	142,9	78,3	40,2	10,7	0,7	2,722
Чехословакия									
1960	68,2	46,9	198,7	131,7	63,8	29,1	8,8	0,6	2,398
1965	69,6	45,1	193,4	134,8	65,8	27,2	6,9	0,5	2,369
1966	65,6	44,9	184,8	124,8	59,0	24,4	5,8	0,5	2,221
1967	62,2	44,8	177,2	114,7	53,5	21,6	5,2	0,4	2,087
1968	60,3	42,9	173,5	109,7	50,3	20,0	4,8	0,3	2,008
1969	61,9	45,3	176,7	111,6	50,7	19,7	4,6	0,3	2,045
1970	63,5	45,5	180,5	113,9	51,5	18,6	4,5	0,3	2,074
1971	65,8	47,0	184,0	119,0	54,0	19,0	4,3	0,2	2,138
1972	69,4	49,0	194,0	124,0	54,0	18,0	4,2	0,2	2,217
1973	75,8	48,2	211,2	133,9	57,1	19,1	4,5	0,1	2,371
Югославия									
1960	91,9	51,8	178,4	155,8	94,2	51,8	26,4	4,4	2,814
1965	82,6	48,3	188,6	152,1	85,8	42,7	14,9	4,9	2,687
1966	79,2	54,4	183,5	147,6	82,5	41,2	13,5	3,9	2,633
1967	75,2	54,5	177,0	141,9	79,8	40,2	12,7	3,1	2,546
1968	72,0	55,1	173,2	135,9	76,7	37,9	12,2	2,5	2,468
1969	70,5	54,9	170,4	133,7	75,7	37,0	11,5	2,0	2,426
1970	66,4	51,4	161,3	124,6	71,9	34,0	10,8	1,5	2,278
1971	68,5	53,5	170,3	129,6	73,2	33,5	10,9	1,3	2,362
1972	68,7	55,8	167,4	130,1	71,8	33,1	10,3	1,1	2,348
1973	67,9	54,4	163,3	128,9	69,4	32,2	9,9	0,9	2,295
Австрия									
1961	92,5	52,1	167,8	162,3	102,9	54,1	19,4	0,9	2,798
1965	88,2	56,6	158,6	154,5	100,0	50,3	15,5	1,3	2,684
1966	88,0	63,9	160,1	146,6	97,0	48,8	14,6	1,2	2,655
1967	88,0	64,3	164,6	141,0	94,3	47,0	13,5	1,1	2,629

Год	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет								Суммарный коэф- фициент рожда- емости
	Всего (15—49 лет) *	в том числе							
		до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1968	87,9	65,2	169,0	132,9	91,2	45,8	12,7	1,1	2,590
1969	85,2	64,7	167,3	123,3	86,2	44,7	11,9	1,0	2,496
1970	79,2	61,2	158,7	111,4	77,9	40,7	11,4	1,0	2,312
1971	76,4	58,9	156,6	105,6	71,9	39,8	11,7	1,0	2,228
1972	73,0	58,2	151,0	104,0	64,4	36,8	11,1	1,0	2,133
1973	66,7	54,2	132,8	97,8	58,3	33,2	9,8	0,9	1,935
1974	65,8	52,6	133,9	100,1	54,5	31,4	9,6	0,9	1,915

Англия и Уэльс

1960	73,3	34,2	165,5	171,8	100,5	46,2	13,8	0,8	2,664
1965	78,9	44,8	176,2	178,1	101,5	48,4	12,5	0,9	2,812
1966	77,5	47,5	174,3	172,2	96,4	45,5	11,7	0,9	2,743
1967	75,7	48,6	165,4	164,9	92,0	43,4	11,3	0,8	2,631
1968	74,1	48,8	160,9	160,4	87,9	40,2	10,5	0,7	2,547
1969	...	49,4	154,6	155,5	83,4	37,1	9,5	0,6	2,451
1970	...	49,7	153,4	151,2	78,7	34,2	8,7	0,6	2,383
1971	...	51,0	154,4	154,5	77,7	32,8	8,1	0,5	2,395
1972	...	48,1	141,8	142,8	70,0	28,9	7,2	0,5	2,196
1973	...	43,9	131,0	135,5	63,6	24,6	6,1	0,4	2,026

Бельгия

1960	74,4	25,4	150,5	161,6	99,9	50,1	17,3	1,1	2,530
1965	73,3	30,3	164,9	165,1	96,9	47,7	13,6	1,0	2,598
1966	70,3	31,6	160,9	158,4	91,9	44,5	12,6	1,1	2,505
1967	66,9	31,2	156,4	151,4	85,6	41,7	11,2	1,0	2,393
1968	64,0	30,0	150,6	146,2	82,5	38,4	10,8	0,8	2,297
1969	63,3	30,7	150,7	145,9	80,2	36,8	10,3	0,8	2,277
1970	63,1	31,3	151,2	144,9	77,5	35,9	10,0	0,7	2,258
1971	62,6	32,7	149,0	142,0	74,6	34,0	9,4	0,6	2,212
1972	59,0	29,2	141,7	136,0	69,0	30,4	8,3	0,6	2,076

Дания

1960	...	41,8	170,7	157,6	87,7	38,7	11,5	0,7	2,543
1965	...	47,1	176,3	163,0	87,2	38,5	9,2	0,7	2,610
1966	...	49,6	179,2	161,3	87,6	36,5	8,2	0,6	2,615
1967	...	47,6	161,9	145,0	76,1	31,8	7,0	0,5	2,350
1968	...	44,1	142,6	133,0	68,9	28,2	6,3	0,3	2,117
1969	...	38,8	133,3	128,2	67,4	26,5	5,4	0,4	2,000

Год	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет								Суммарный коэффициент рождаемости
	Всего (15—49 лет) *	в том числе							
		до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1970	...	32,4	130,4	130,8	66,0	24,7	5,4	0,3	1,950
1971	...	29,0	138,9	142,8	69,1	24,2	4,4	0,3	2,043
1972	...	28,1	139,2	141,7	68,6	23,8	4,2	0,2	2,029
1973	...	26,0	131,2	136,7	64,5	20,9	3,9	0,2	1,917

Норвегия

1960	88,9	26,5	163,1	172,6	117,5	63,2	24,0	2,2	2,846
1965	92,4	41,0	179,9	177,1	111,6	57,7	17,7	1,4	2,932
1966	93,6	43,0	178,8	176,7	107,2	54,8	17,0	1,1	2,893
1967	92,9	42,3	178,3	167,9	102,9	52,1	15,2	1,2	2,800
1968	93,4	43,9	177,0	167,4	98,6	48,1	14,1	1,1	2,751
1969	93,3	44,7	175,5	162,5	95,7	47,0	13,5	1,1	2,700
1970	88,3	44,6	166,7	151,0	88,5	40,5	10,4	1,0	2,514
1971	89,0	45,7	168,7	151,4	84,0	39,4	9,9	1,0	2,501
1972	86,4	47,1	160,7	148,7	78,4	34,5	8,7	0,9	2,395
1973	81,3	44,3	150,0	139,6	74,8	31,2	7,2	0,9	2,240

ФРГ

1960	70,1	23,3	129,4	160,8	101,5	51,0	18,0	1,1	2,426
1965	78,4	32,9	144,6	168,2	107,9	49,1	14,4	1,4	2,593
1966	77,8	33,9	152,3	166,2	108,3	48,3	13,8	1,4	2,621
1967	75,1	35,8	157,4	156,5	104,6	46,7	13,1	1,2	2,577
1968	70,7	35,6	146,3	140,8	95,7	43,9	12,5	1,0	2,379
1969	62,9	36,1	135,3	125,9	88,5	43,1	11,7	0,8	2,207
1970	56,5	35,6	125,9	107,8	77,2	39,5	10,9	0,8	1,989
1971	54,4	35,8	120,9	107,7	70,7	36,9	10,5	0,7	1,916
1972	48,6	31,3	105,2	101,7	61,3	30,8	9,2	0,7	1,701
1973	43,7	26,7	93,8	95,4	54,5	26,7	8,2	0,6	1,530

Финляндия

1960	...	28,4	162,9	158,7	103,9	61,3	25,0	2,4	2,713
1965	...	34,2	144,3	148,8	92,2	52,2	19,3	2,3	2,467
1966	...	35,8	144,5	143,2	90,6	47,7	17,1	1,8	2,404
1967	...	36,2	138,5	138,9	83,4	45,6	16,2	1,7	2,303
1968	...	35,7	135,3	125,8	76,6	38,7	14,1	1,5	2,139
1969	...	33,5	122,6	113,8	68,5	34,9	11,7	1,2	1,931
1970	...	32,2	119,4	108,6	64,6	30,5	9,3	0,8	1,827
1971	...	29,7	111,3	107,5	58,1	25,2	7,1	0,6	1,698
1972	...	28,6	104,3	103,9	53,2	21,9	6,1	0,5	1,593

Год	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет								Суммарный коэф- фициент рожда- емости
	Всего (15—49 лет) *	в том числе							
		до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9

Франция

1960	81,5	22,9	164	176	107	54,4	20,9	1,3	2,733
1965	78,5	27,8	178	180	108	53,0	16,4	1,9	2,823
1966	76,6	27,2	173	176	107	52,2	16,3	1,7	2,767
1967	73,0	26,2	164	168	102	50,0	15,2	1,4	2,634
1968	71,2	26,3	159	163	98,8	48,2	14,8	1,3	2,557
1969	70,5	26,5	157	160	97,4	46,8	14,3	1,2	2,516
1970	70,7	26,9	158	157	92,7	44,8	13,6	1,1	2,471
1971	72,4	28,2	159	159	91,7	44,7	13,5	1,1	2,486

Швеция

1960	49,6	33,8	128,7	136,7	82,6	38,9	12,2	0,8	2,169
1965	79,2	48,6	140,9	154,0	89,3	39,3	9,9	0,7	2,414
1966	79,5	50,2	139,1	149,9	86,6	37,8	9,1	0,7	2,367
1967	78,1	47,9	135,5	146,0	82,0	35,4	8,6	0,6	2,280
1968	72,7	41,3	124,8	135,5	76,2	31,9	7,2	0,3	2,086
1969	68,8	34,9	117,3	129,0	71,7	28,2	6,9	0,4	1,942
1970	69,8	33,9	120,3	129,4	70,0	27,4	6,1	0,4	1,938
1971	72,1	34,5	125,8	132,8	69,9	26,4	5,7	0,3	1,977
1972	70,6	33,5	124,1	130,3	67,5	24,4	5,2	0,2	1,927
1973	68,9	31,1	121,6	128,5	66,6	23,4	4,4	0,3	1,880
1974	68,8	32,0	122,6	128,4	67,0	22,9	4,4	0,2	1,888

Канада

1960	...	59,8	233,5	224,4	146,2	84,2	28,5	2,4	3,895
1965	...	49,5	192,4	185,3	121,0	66,2	21,8	2,0	3,191
1966	...	48,2	169,1	163,5	103,3	57,5	19,1	1,7	2,812
1967	...	45,2	161,1	151,4	91,4	50,6	15,9	1,5	2,586
1968	...	43,4	152,5	147,1	85,8	44,4	13,8	1,4	2,441
1969	...	42,7	146,5	148,6	84,2	42,1	12,3	1,1	2,388
1970	...	43,4	142,1	145,6	80,7	38,5	11,0	0,9	2,311
1971	...	40,1	134,6	142,3	77,4	33,6	9,4	0,6	2,190
1972	..	38,5	119,8	137,1	72,1	28,9	7,8	0,6	2,024

США

1960	118,0	89,1	258,1	197,4	112,7	56,2	15,5	0,9	3,654
1965	96,6	70,4	196,8	162,5	95,0	46,4	12,8	0,8	2,928
1966	91,3	70,6	185,9	149,4	85,9	42,2	11,7	0,7	2,737

Год	Число живорожденных на 1000 женщин соответствующей возрастной группы, лет								Суммарный коэф- фициент рожда- емости
	Всего (15—49 лет) *	в том числе							
		до 20	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44		
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1967	87,6	67,9	174,0	142,6	79,3	38,5	10,6	0,7	2,573
1968	85,7	66,1	167,4	140,3	74,9	35,6	9,6	0,6	2,478
1969	86,5	66,1	166,0	143,0	74,1	33,4	8,8	0,5	2,460
1970	87,9	68,3	167,8	145,1	73,3	31,7	8,1	0,5	2,474
1971	82,3

* Для Австрии, Норвегии, США и Швеции коэффициент относится к численности женщин в возрасте 15—44 года

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Предисловие о языке	7
Глава 1. Естественная рождаемость	25
Глава 2. Уровень рождаемости в СССР	70
Глава 3. Дифференциальная рождаемость	97
Глава 4. Некоторые аспекты репродуктивного по- ведения и его изучения	166
Заключение	219
Приложение	237

Владимир Александрович Борисов

ПЕРСПЕКТИВЫ РОЖДАЕМОСТИ

Редактор *Л. Л. Щербакова*

Мл. редактор *И. Ю. Кателевская*

Корректоры *Я. Б. Островский, З. С. Кандыба*

Техн. редактор *Г. А. Полякова*

Худ. редактр *Т. В. Стихно*

Переплет художника *И. И. Карпикова*

Сдано в набор 4/VI 1976 г.	Подписано к печати 27/X 1976 г.
Формат бумаги 84×108/3 ₂	Бумага № 3 Объем 7,75 печ. л.
Уч.-изд. л. 14,16	Усл. п. л. 13,02 Тираж 11000 экз.
А 15012	(Тематич. план 1976 г. № 28)
Заказ № 1712	Цена 99 коп.

Издательство «Статистика», Москва, ул. Кирова, 39.

Великолукская городская типография управления издательств,
полиграфии и книжной торговли Псковского облисполкома,
г. Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12